МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN: 2313-6138

ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022
ТОМ 9
№ 4
октябрь-декабрь

2022
4

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 9 Номер 4 Октябрь-Декабрь
2022

♦

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

BULLETIN

OF THE LAW FACULTY,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY

Volume 9 Issue 4 October-December
2022

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2022 Том 9 Номер 4 Октябрь-Декабрь
Учредитель: ***Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»***
344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42
Адрес редакции, издателя: 344002, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, к. 321
тел./факс: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfedu.ru; сайт: http://urvestnikpravo.sfedu.ru
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-57149). Периодичность выхода: 1 раз в квартал
ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4
Входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 537-09/2014) Подписной индекс Е33060

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Овчинников А. И.*, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета
Ответственный редактор: *Тищенко Е. В.*, кандидат юридических наук, доцент
Ответственный секретарь: *Фролова Е. Ю.*, кандидат юридических наук, доцент
Помощник главного редактора: *Конопий А. С.*
Артеменко Н. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета
Волова Л. И., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета
Джорджевич А., доктор юридических наук, профессор юридического факультета Государственного университета в Нише (Республика Сербия)
Зиновьев И. П., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета
Колесников Ю. А., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой финансового права юридического факультета Южного федерального университета
Лукьянцев А. А., доктор юридических наук, профессор
Ляхов Ю. А., доктор юридических наук, профессор
Небратенко Г. Г., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России
Овсепян Ж. И., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного (конституционного) права юридического факультета Южного федерального университета
Селиванова Е. С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права юридического факультета Южного федерального университета
Смагина Е. С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права юридического факультета Южного федерального университета
Степанов К. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета
Тарасова А. Е., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного права юридического факультета Южного федерального университета
Цыганенко С. С., доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации по инновационному развитию научной деятельности
Баранов П. П., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС
Бондарь Н. С., доктор юридических наук, профессор, Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке
Бирюков П. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета
Васильев А. А., доктор юридических наук, Директор института права АлтГУ
Величко А. М., доктор юридических наук
Гайстенгер М., доктор права, профессор Университета Зальцбурга
Корецкий Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета
Кузнецова Н. С., доктор юридических наук, профессор, академик Академии правовых наук Украины
Левушкин А. Н., доктор юридических наук, профессор
Ляхов Е. Г., доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Ассоциации Международного права
Мамитова Н. В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС
Мамычев А. Ю., доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Оганесян В. А., доктор юридических наук, профессор Ереванского государственного университета, зам. председателя Конституционного Суда Армении
Ристов А., профессор, доктор права, доцент юридического факультета Iustinianus Primus Университета Св. Кирилла и Мефодия в Скопье, Республика Северная Македония
Зражевская Т. Д., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области
Толочко О. Н., доктор юридических наук, зав. кафедрой международного права, Белорусский институт правоведения, г. Минск
Турлуковский Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права факультета права и администрации, Варшавский университет (Республика Польша)
Цибуленко З. И., доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права
Шапсугов Д. Ю., доктор юридических наук, профессор
Шатковская Т. В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС
Яценко Т. С., доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента частного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2022 Volume 9 Issue 4 October-December
Established by: Southern Federal University
(a Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education)
105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344006, Russian Federation
Editorial Office: 88 M. Gorkogo Street, office 321, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344002, Russian Federation
phone/fax: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfedu.ru; website: http://urvestnikpravo.sfedu.ru
The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate FS77-57149)
Publication frequency: 1 time per quarter. ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4
Included into the Russian Science Citation Index System (Licence Agreement 537-09/2014) Subscription Index E33060

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief: *Ovchinnikov, A. I.,* Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University
Responsible editor: *Tishchenko, E. V.*, PhD in Law, Associate Professor
Executive Secretary: *Frolova, E. Yu.,* PhD in Law, Associate Professor
Assistant to the Editor-in-Chief: *Konopiy A. S.*
Artemenko, N. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Southern Federal University
Volova, L. I., Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law Law Faculty, Southern Federal University
Djordjevic, A., Doctor of Law, Professor at the Law Faculty of the State University in Nis (Republic of Serbia)
Zinoviev, I. P., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Southern Federal University
Kolesnikov, Yu. A., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Financial Law, Law Faculty, Southern Federal University
Lukyantsev, A. A., Doctor of Law, Professor
Lyakhov, Yu. A., Doctor of Law, Professor
Nebratenko G. G., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Hovsepyan, Zh. I., Doctor of Law, Professor, Head of Department of State (Constitutional) Law, Law Faculty, Southern Federal University
Selivanova, E. S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law, Law Faculty, Southern Federal University
Smagina, E. S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law, Law Faculty, Southern Federal University
Stepanov, K. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal University
Tarasova, A. E., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of International Law, Law Faculty, Southern Federal University
Tsyganenko, S. S., Doctor of Law, Professor

EDITORIAL COUNCIL
Baranov, V. M., Doctor of Law, Professor, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the innovative development of scientific activity
Baranov, P. P., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of the RANEPA
Bondar, N. S., Doctor of Law, Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation
Biryukov, P. N., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University
Vasilyev, A. A., Doctor of Law, Director of the Institute of Law of the AltSU
Velichko, A. M., Doctor of Law
Geistenger, M., Doctor of Law, Professor of the University of Salzburg
Koretsky, D. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University
Kuznetsova, N. S., Doctor of Law, Professor, Academician of the Academy of Legal Sciences of Ukraine
Levushkin, A. N., Doctor of Law, Professor
Lyakhov, E. G., Doctor of Law, Professor, Vice President of the International Law Association
Mamitova, N. V., Doctor of Law, Professor, RANEPA
Mamychev, A. Yu., Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory for Political and Legal Studies, Department of Political Science, M. V. Lomonosov Moscow State University
Oganesyan, V. A., Doctor of Law, Professor at Yerevan State University, Deputy Chairman of the Constitutional Court of Armenia
Ristov, A., Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Iustinianus Primus Faculty of Law, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Republic of North Macedonia
Zrazhevskaya, T. D., Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region
Tolochko, O. N., Doctor of Law, Head of Department of International Law, Belarusian Institute of Law, Minsk
Turlukovsky, J., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Commercial Law, Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Poland)
Tsibulenko, Z. I., Doctor of Law, Professor of the Saratov State Academy of Law
Shapsugov, D. Yu., Doctor of Law, Professor
Shatkovskaya T. V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State at the Law Institute of RANEPA
Yatsenko, T. S., Doctor of Law, Professor, Head of the Private Law Department, National Research University Higher School of Economics

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ Science Index

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Россия

ERIH PLUS

Международная база данных, содержащая библиографическую информацию о научных журналах в области гуманитарных и социальных наук. Штаб-квартира – Норвегия

Google Академия

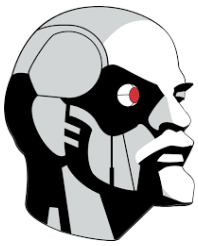
Поисковая система по полным текстам научных публикаций, вобравшая в себя данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов, выпускаемых основными научными издательствами Европы и Америки. Штаб-квартира – США

WorldCat®

Международный мультидисциплинарный каталог журналов открытого доступа. Содержит более 10 000 названий научных журналов и метаданные статей этих журналов. Штаб-квартира – Великобритания

DOAJ DIRECTORY OF OPEN ACCESS JOURNALS

Крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. Штаб-квартира – США



КиберЛенинка – российская научная электронная библиотека открытого доступа, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, а также общественный контроль качества научных публикаций. Насчитывает более 1 млн статей. Штаб-квартира – Россия

ГАРАНТ

Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации, первая массовая коммерческая справочно-правовая система в России (выпускается с 1990 года). Распространяется через дилерскую сеть из более чем 250 компаний в России и СНГ

ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2022 Том 9 Номер 4 Октябрь-Декабрь

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

БЕДЕНКОВ В. В.
Генезис научных представлений о правовом воспитании обыденного правосознания российского общества 9

ВАЛИЕВ Р. Г.
К вопросу о концептуализации дискреционной практики правового регулирования 17

ВАСИЛЬЕВ А. А., ПЕЧАТНОВА Ю. В.
«Реальные» правовые проблемы виртуальных миров компьютерных игр 26

ДОРОНИНА Н. Г., СЕМИЛЮТИНА Н. Г.
Особенности рецепции римского права в России: Византийская модель 33

ИСАЕВ И. А., РУМЯНЦЕВА В. Г.
Правящее меньшинство: возможные перспективы 39

ОВЧИННИКОВ А. И.
Традиционные духовно-нравственные ценности как основа категории «публичной порядок» в современном правовом регулировании 45

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ДЮЖИКОВ С. А.
Парламентские процедуры как способ разрешения конфликтов 56

ЖУКОВА А. Е., КУРОВ А. Е.
Биоинженерное право как часть конституционных основ обеспечения прав человека и гражданина 62

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

АБАШИДЗЕ А. Х.
Изменение современного международного права в условиях цивилизационного противостояния 69

АБДУЛЛАЕВ НАЗИМ НИЗАМИ ОГЛЫ
Правовые аспекты участия Азербайджанской Республики в ООН и взаимодействия с ее органами и программами 75

АРЗУМАНЯН А. Б.
Лицензии Creative Commons: история появления и использование в России и за рубежом 84

ЛЯХОВ Е. Г., ЛЯХОВ Д. Е., РЫЖАК В. А., ТАРАСОВА С. С.
К проблеме становления нормативно-правовых основ профилактики и борьбы с актами международного терроризма – угрозами мировому сообществу 90

ЯКУШЕВА Р. Р., АГАПОВА М. Р.
Проблемы международно-правового регулирования космической деятельности в условиях ее коммерциализации 97

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

ЗИНОВЬЕВА О. П.
О некоторых аспектах содержания общего имущества коттеджных поселков 107

ФАТХИ В. И.
Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования 113

ЧУПИЛИН Д. А.
Альтернативная подсудность споров, вытекающих из семейных правоотношений: проблемы и предложения 122

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

КАСЬЯНЮК Т. Н., ДЕМИДЧЕНКО Ю. В.
Экспертиза информационных материалов по делам экстремистской и террористической направленности: методический аспект вопроса 130

РАЗОГРЕЕВА А. М., ГЕРАЩЕНКО А. А.
Антикоррупционный интерфейс российской школы 135

СТЕПАНОВ К. В., МАЛИНА М. А.
Проблемы использования в уголовном процессе заключения специалиста, а также результатов судебных экспертиз негосударственных судебно-экспертных учреждений 144

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

КИСЕЛЕВА А. В., ЧЕРКАСОВ Ю. Ю.
Отдельные вопросы определения рисков и угроз инвестиционной привлекательности туристической деятельности 149

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

ДИДЕНКО М. С.
Эволюция основных научных подходов к понятию «источник права» в отечественном правоведении 154

НАПОЛЬСКИХ И. М.
Доверие как правовая ценность 161

ТАХМАЗОВ Э. Ш.
Сделочный эффект завещания 165

BULLETIN
OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2022 Volume 9 Issue 4 October-December

CONTENTS

GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES OF LEGAL RESEARCH AND PRACTICE

BEDENKOV, Vladimir V.
The Genesis of Scientific Concepts of Legal Education of the Ordinary Legal Consciousness in the Russian Society 9

VALIEV, Rafail G.
To the Question of Conceptualization of Discretionary Practice of Legal Regulation 17

VASILIEV, Anton A., and PECHATNOVA, Yuliya V.
'Real' Legal Problems of the Virtual Worlds of Computer Games 26

DORONINA, Natalia G., and SEMILYUTINA, Natalia G.
Peculiarities of Reception of the Roman Law in Russia: the Byzantine Model 33

ISAEV, Igor A., and RUMYANTSEVA, Valentina G.
The Ruling Minority: Possible Prospects 39

OVCHINNIKOV, Alexey I.
Traditional Spiritual and Moral Values as the Basis of the Category of 'Public Order' in Modern Legal Regulation 45

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

DYUZHIKOV, Sergey A.
Parliamentary Procedures as a Way of Conflict Resolution 56

ZHUKOVA, Anastasiya Ye., and KUROV, Arkadiy Ye.
Bioengineering Law as Part of Constitutional Grounds for Ensuring the Rights of a Human and a Citizen 62

INTERNATIONAL LAW

ABASHIDZE, Aslan Kh.
The Dimension of Contemporary International Law in the Context of Civilizational Confrontation 69

ABDULLAYEV, Nazim N.
Legal Aspects of the Participation of the Republic of Azerbaijan in the UNO and Interaction with its Bodies and Agencies 75

ARZUMANYAN, Anna B.
Creative Commons Licenses: the History of their Appearance and Use in Russia and Abroad 84

LYAKHOV, Yevgeny G., LYAKHOV, Denis Ye.,
RYZHAK, Victoria A., and TARASOVA, Svetlana S.
To the Problem of the Formation of the Regulatory and Legal Foundations for the Prevention and Combating the Acts of International Terrorism – Threats to the World Community 90

YAKUSHEVA, Regina R., and AGAPOVA, Maria R.
Commercialization of Space Activities: International-Law Aspects 97

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

ZINOVIEVA, Olga P.
On Some Aspects of Maintenance of the Common Property of Cottage Communities..... 107

FATKHI, Valentina I.
Legal Status of Virtual Game Property in the Context of Civil Legal Regulation 113

CHUPILIN, Dmitry A.
Alternative Jurisdiction of Disputes Resulting from Family Legal Relationship: Problems and Proposals 122

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

KAS'YANYUK, Tatiana N., and DEMIDCHENKO, Yury V.
Examination of Information Materials within Extremist and Terrorist Cases: Methods Aspect of the Issue 130

RAZOGREEVA, Anna M., and GERASHCHENKO, Aleksey A.
Anti-Corruption Interface of the Russian School..... 135

STEPANOV, Konstantin V., and MALINA Maksim A.
Problems with the Use Specialist`s Conclusion in Criminal Proceedings and Results of Forensic Examinations of Non-State Forensic Institutions..... 144

FINANCIAL LAW

KISELEVA, Alla V., and CHERKASOV, Yuriy Yu.
Some Issues of Determining the Risks and Threats to the Investment Attractiveness of Tourism Activities..... 149

PLATFORM FOR YOUNG SCIENCE

DIDENKO, Marina S.
Evolution of the Basic Scientific Approaches to the Concept of 'the Source of Law' in the Russian Law..... 154

NAPOLSKIKH, Inna M.
Trust as a legal value..... 161

TAKHMAZOV, Emil Sh.
Transactional Effect of a Will..... 165

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-1

Беденков Владимир Владимирович,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт Алтайского государственного университета, 656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, email: bedenkov-1989@mail.ru

Bedenkov, Vladimir V.,
Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law, Altai State University, 68 Socialisticheskiy Prospect, Barnaul, 656049, Russian Federation, email: bedenkov-1989@mail.ru

ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ ОБЫДЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

♦

THE GENESIS OF SCIENTIFIC CONCEPTS OF LEGAL EDUCATION OF THE ORDINARY LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE RUSSIAN SOCIETY

АННОТАЦИЯ. В представленной статье проведен анализ научных представлений о правовом воспитании обыденного правосознания российского общества, уяснены его сущность и значение. Исследование позволило сделать вывод, что правовое воспитание должно быть направлено на формирование социально активной позиции, законопослушности и навыков правомерного поведения. Это определит соответствующий характер правового поведения граждан и их социально-правовую активность. Формирование высокого уровня правовой культуры возможно только при тщательной разработке всех временных этапов правового воспитания, четком понимании их задач, определении необходимых средств их решения и выборе соответствующих форм правового воспитания. На каждом временном этапе необходимо ставить соответствующие этим этапам задачи правового воспитания и использовать адекватные формы правового воспитания, среди которых преемственность правового опыта, трансляция правовых традиций, организация социальной межличностной взаимопомощи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство; общество; правосознание; обыденное правосознание; правовая культура; правовое воспитание; правовое обучение.

ABSTRACT. The presented article provides the analysis of scientific ideas about the legal education of the ordinary sense of justice in the Russian society, clarifies its essence and significance. The study led to the conclusion that legal education should be aimed at the formation of a socially active position, law-abidingness and the skills of lawful behaviour. This will determine the appropriate nature of the legal behaviour of citizens and their social and legal activities. The formation of a high level of legal culture is possible only with a thorough development of all time stages of legal education, a clear understanding of their tasks, the determination of the necessary means for their solution, and the choice of appropriate forms of legal education. At each time stage, it is necessary to set the tasks of legal education corresponding to the stage and use adequate forms of legal education, including the continuity of legal experience, the translation of legal traditions, and the organization of social interpersonal mutual assistance.

KEYWORDS: state; society; legal consciousness; ordinary legal consciousness; legal culture; legal education; legal upbringing.

© В. В. Беденков, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Беденков, В. В. **Генезис научных представлений о правовом воспитании обыденного правосознания российского общества [Текст] / В. В. Беденков // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 9–16. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-1.**

FOR CITATION:

Bedenkov, V. V. The Genesis of Scientific Concepts of Legal Education of the Ordinary Legal Consciousness in the Russian Society [Text] / V. V. Bedenkov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 9–16 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-1.

Обыденное правосознание можно определить как духовно-интеллектуальную сферу правовых взглядов и чувств, воплощающих в себе правовые ценности, свойственных большинству членов данного общества, сформированных в результате личного опыта и определяющих повседневное правовое поведение людей. Обыденное правосознание является разновидностью правосознания, характеризует самую массовую аудиторию граждан. От научного и профессионального правосознания отличается отсутствием теоретической и формально-юридической рефлексии.

Обыденное правосознание российского общества является одним из системообразующих факторов отечественной правовой системы, поскольку позволяет субъектам воспроизводить в различные периоды времени правомерное поведение. Кроме того, обыденное правосознание российского общества отличается постоянным поиском справедливости и сочетанием права и морали. Роль обыденного правосознания по сравнению с иными формами правосознания состоит в том, что отношение к праву здесь не умозрительно, а является выражением личного правового опыта самой массовой аудитории людей.

Правовое воспитание – это очень сложный и трудоемкий процесс, к тому же напрямую связанный с эффективностью механизма правового регулирования. Для более ясной картины необходимо проанализировать некоторые дефиниции термина «правовое воспитание», которые встречаются в трудах отечественных исследователей в области правовой науки.

Стоит согласиться с точкой зрения А. Р. Ратинова, который определил, что в самом раннем возрасте ребенок впитывает первые элементы правовой культуры. Он приобретает навыки и усваивает стандарты нормативного поведения, получает первые юридические представления из сказок, в ролевых играх приобретает понятия о функциях права и постепенно формирует хотя и примитивную, детскую, но собственную картину правовой жизни [6].

О. Г. Шапиева подчеркивала роль нравственно-правового воспитания как систематического целенаправленного воздействия партийных и государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов и отдельных граждан на сознание и чувства личности с целью формирования разумных и возвышенных потребностей, уважения к нормам права и морали, убежденности в их социальной ценности и необходимости их исполнения, привития навыков правомерного и высоконравственного поведения, обеспечения социально-правовой активности и высокого уровня нравственно-правовой культуры гражданина СССР в сфере нравственных и правовых отношений [13, с. 14]. Данное определение в целом можно оценить положительно. Автор говорит не просто о правовом воспитании, а о нравственно-правовом воспитании, т. е. указывает на то, что при осуществлении правовоспитательной деятельности важно учитывать содержание не только правовых, но и моральных норм. Процесс морального воспитания личности должен идти параллельно с ее правовым воспитанием.

В. В. Тишенко отмечал, что программная стратегическая цель правового воспитания – формирование и развитие коммунистической направленности правосознания граждан, реально проявляющегося в их сознательном правомерном поведении, активном участии в управлении государственными и общественными делами, в укреплении социалистической законности и охране правопорядка, в непримиримости к буржуазной правовой идеологии [9, с. 10–11]. Автор указал на такие важные аспекты правового воспитания, как его воздействие на поведение индивидов, а также на их активную гражданскую позицию. В остальном данное определение страдает теми же недостатками, что и аналогичные определения по-

нятия «правовое воспитание», предлагавшиеся советскими учеными.

После анализа достоинств и недостатков предлагаемых исследователями дефиниций понятия «правовое воспитание», считаем целесообразным отметить, что под правовым воспитанием следует понимать организованную непрерывную деятельность, которая направлена на формирование зрелого правосознания, требующую социально активной позиции, законопослушности, саморегуляции и навыков правомерного поведения. Это определяет стабильность правопорядка, устойчивость правомерного поведения граждан и их гражданскую идентичность. Относительно субъектов правового воспитания в правовой науке нет единства мнений. Одним из ключевых компонентов правового воспитания выступает правовое обучение. Люди приобретают минимальный, необходимый объем правового обучения в период изучения отдельных правовых дисциплин в рамках среднего образования, обязательного для всех. Правовое обучение предполагает привитие обучаемому новых знаний, умений и навыков, и рассчитано на их применение на практике. В правовом обучении главное – это развитие когнитивных способностей индивида, его правового мышления, формирование теоретических основ правосознания и правовой культуры.

Правовое образование является необязательной частью правового воспитания граждан. Его получают те, кто решил связать свою жизнь с профессией юриста. Правовое образование формирует профессиональное правосознание граждан.

Правовое информирование, или правовое просвещение – синонимичные понятия. Правовое информирование (правовое просвещение) ставит своей целью только распространение между индивидами, социальными группами, во всем обществе основ правовых знаний. При этом неизвестно, будут ли правовые знания усвоены людьми. Другими словами, если процесс правового воспитания направлен на формирование определенного качественного уровня правосознания и правовой культуры граждан, то правовое информирование (правовое просвещение) приводит к потенциальному (но не всегда реальному) увеличению объема правовых знаний индивидов, становящихся составной частью правовой идеологии как важного структурного элемента правосознания.

Кроме этого, в литературе встречается термин «правовое осведомление». Под ним понимают доведение до сведения населения текущей актуальной правовой информации – о принятии, изменении или отмене нормативных правовых актов [8]. Именно такого рода правовая информация встречается в различных средствах массовой информации – газетах, на официальных сайтах органов публичной власти и т. п. Правовое осведомление является разновидностью правового информирования (правового просвещения).

Правовая пропаганда представляет собой одну из важных форм правового воспитания. Несмотря на частое использование данного понятия законодателем, легального определения понятия «правовая пропаганда» нет.

На наш взгляд, правовая пропаганда может предусматривать некоторую выборку правовых сведений, а правовое информирование – процесс более безразличный к результату, при котором до населения доводится максимальный объем правовой информации. Несомненную роль в процессе правового воспитания обыденного правосознания играет правовая социализация личности.

Как пишет П. Г. Зеленков, правовая социализация личности предполагает правовую адаптацию и правовое воспитание личности. Правовая адаптация, в свою очередь, подразумевает включение личности в социально-правовые структуры общества [4].

И. П. Усимова полагает, что правовая социализация – единство объективного и субъективного, целенаправленного процесса адаптации личности к нормальной правовой жизни в обществе, и по этой причине создавать или активизировать как благоприятные факторы и условия материальной и социальной жизни человека, так и действенной системы воспитательных условий. На их основе формируются осознанные позитивные социально-правовые и психологические установки, которые определяют поведение индивида в данном социальном и правовом пространстве. Они в свою очередь требуют создания благоприятных факторов и условий материальной и социальной жизни человека, а также действенной системы воспитательных условий [10].

Воспитание проводится поэтапно, и каждый такой этап имеет свой временной период, специфические задачи и предусматривает использование особых форм воспитания.

Первый этап воспитания – дошкольный. Он весьма важен для становления и последующего развития личности ребенка. Именно в этот период времени у человека закладываются основные, базовые представления о правовых ценностях, формируется вектор отношения к ним и стереотипы правового поведения в обществе. Е. В. Булгакова предлагает уже детей дошкольного возраста знакомить с элементарными правилами поведения в обществе и символами государства [3]. Поскольку формирование развитой правовой культуры невозможно без формирования развитой общей культуры, дети приобщаются к знаниям о достижениях духовной культуры различных стран и народов и своей родной культуры, которая должна осознаваться как важная и неотъемлемая часть мировой. Все эти сведения ребенок получает через использование таких средств правового воспитания, как чтение, беседа, игра, рисунок.

М. Д. Абдуллаева справедливо подчеркивает, что правовое воспитание ребенок должен получать на основе доступного для понимания материала, поэтому ребенка знакомят, приводят соответствующие примеры из сказок, используя иллюстрированные учебные пособия, видеофильмы, привлекающие и удерживающие интерес ребенка [1]. Важно, чтобы в области правового воспитания дети, их родители и учителя «работали в единой команде». Исследователи отмечают важность тесного сотрудничества дошкольных учреждений и родителей детей в правовоспитательной деятельности, поскольку родители способны свести на нет все благие начинания учреждения. Поэтому важно через анкетирование и беседы выявлять их правовую позицию и при необходимости корректировать их взаимодействие с ребенком. Хорошим подспорьем здесь является привлечение родителей к консультациям по правовым вопросам, к участию в круглых столах и т. п. Педагоги дошкольных учреждений вполне способны выявлять семьи, входящие в группы риска, в которых возможно или уже происходит нарушение прав и законных интересов ребенка, и которые могут негативным образом повлиять на формирование правосознания и правовой культуры детей.

При осуществлении воспитания дошкольников акцент должен делаться на формировании основ правовой идеологии и правовой психологии детей. В силу возраста дети еще не способны воспринимать и усваивать сложную правовую информацию, поэтому она должна даваться в необходимом минимуме с точки зрения объема и продолжительности занятий, не перегружать сознание ребенка, дабы не вызвать негативную ответную реакцию. Для лица, осуществляющего воспитание, очень важно вызвать интерес ребенка к правовой информации и преподносить ее в доступных для его понимания формах. Часто в детских садах организовываются отдельные мероприятия на правовые тематики, которые не носят системный характер, соответственно не дают широких результатов. Поэтом одной из мер по повышению правовой культуры дошкольников может послужить создание соответствующей программы. К ее созданию нужно привлечь юристов, педагогов, психологов. Также могут принять участие правовые центры и юридические объединения. Создание такой программы послужит ознакомлению детей с социально-правовыми нормами и правилами поведения, создаст условия по формированию правовой компетентности, сформирует социальную ответственность и способность понимать и оценивать не только поведение окружающих, но и свое. Но стоит отметить, что такая программа должна быть направлена не только на работу с детьми, но и воспитателями и родителями. На начальном этапе реализации такой программы важно провести диагностику правового уровня всех участников программы для изучения уровня правовой грамотности. Для непосредственной реализации программы по правовому воспитанию использовать соответствующие методы: для детей – игровые формы, рассказы, беседы, для родителей – тестовые задания, собрания, для воспитателей – семинары, встречи с юристами. Таким образом, создание такого «правового пространства» может послужить положительным образом на правовое воспитание и правовое просвещение всех участников этой программы.

Второй этап правового воспитания – школьный (от 6 до 17 лет). Этот период воспитания

является наиболее сложным и ответственным. В школьное время у ребенка происходит развитие черт характера, формируются устойчивые интересы, симпатии и антипатии, вырабатывается воля. Зарождаются первые проявления гражданственности, в полной мере начинают осознаваться категории долга, обязанности, ответственности. В связи с этим при правовом воспитании ребенка необходимо внедрить в его сознание соответствующие представления о добре, справедливости, совести, красоте, гуманности, благе – всем том, без чего обесценится самое лучшее образование.

Дети склонны к поверхностному и излишне субъективному восприятию явлений действительности, выработке категоричных и не вполне аргументированных суждений. Нередко школьники не могут должным образом оценивать жизненные ситуации и делать соответствующие выводы. Важно предупреждение девиантного поведения школьников, особенно подростков. В их среде нередко получают распространение протестные настроения, создается своеобразная субкультура, появляется стремление выделиться среди сверстников, наблюдается сильная зависимость от группы, особенно неформальной, объединяющей подростков [2, с. 13]. Дисгармоничность характера подростка повышает риск его девиантного поведения. Таким образом, система правового воспитания школьников должна учитывать их возрастные психофизиологические особенности, среду их жизнедеятельности, уровень общего образования и культурного развития.

Особое внимание стоит уделить тому, чтобы заинтересовать детей и мотивировать к изучению права. Современной молодежи, воспитанной в рамках цифровизации, не интересны банальные лекции и презентации. Важно организовать процесс обучения с использованием таких средств, которые заинтересуют ребят. Это могут быть различные цифровые форматы, игры (например, особо популярные сегодня так называемые квесты), диалоги и беседы с юристами-практиками, может быть, даже создание каких-либо компьютерных игр на правовую тематику.

Также школа в процессе воспитания должна тесно взаимодействовать с представителями правоохранительных органов. В условиях построения в России правового государства проблема профилактики правонарушений среди несовершеннолетних является одной из основных. В данном случае возникает вопрос о средствах профилактики, среди которых большое значение имеет правовое воспитание. Деятельность государства должна быть направлена на правовое воспитание молодежи [5].

Некоторые вузы в рамках программы непрерывного образования открывают профильные направления в базовых школах, где ученики могут готовиться к поступлению на юридический факультет. Углубленно изучаются история, обществознание, русский и иностранные языки. Также учащиеся изучают основы теории государства и права; основы истории государства и права России. В программу обучения включены профориентационные занятия, введение в специальность, иногда – практика на факультете.

Так, например, в Московской гимназии № 1558 есть юридические классы, попасть в которые можно, пройдя тестирование по обществознанию, русскому и английскому языкам. В гимназии № 1529 им. А. С. Грибоедова есть профильные классы при юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. На летних каникулах юридический класс ездит на образовательные экскурсии. Также учащиеся посещают высшие органы власти РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство и т. д. В гимназии проводится городская гуманитарная конференция научно-исследовательских работ учащихся «Грибоедовские чтения», организовано проведение ролевой игры «Школьная молодежная модель ООН» [11].

В Алтайском крае также успешно применяется практика по реализации образовательных программ в профильных правовых классах. Примером этому могут послужить школы № 52 и № 53 г. Барнаула. В них углубленно изучаются история, обществознание, русский язык и литература. Также учащиеся изучают основы теории государства и права; основы истории государства и права России. В программу обучения включены профориентационные занятия, введение в специальность. Ребята, обучающиеся в таких классах, имеют преимущество при поступлении в Барнаульский Юридический институт МВД РФ.

Таким образом, при осуществлении воспитания школьников целью ставится форми-

рование здорового правосознания и высокого уровня правовой культуры. Все компоненты правосознания детей должны формироваться гармонично. Одинаковый подход для всех школьников невозможен с учетом того, что разные дети в разном возрасте обладают своими психофизиологическими особенностями и развиваются в специфичной среде.

Третий этап правового воспитания охватывает молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет. Данный период наступает, когда человек уже сформировал свои основные правовые установки и обладает определенным уровнем правосознания.

Правовое воспитание молодежи должно окончательно сформировать высокий уровень правосознания, поэтому в деятельности колледжа или вуза весьма важна преемственность. Поскольку воспитуемыми являются довольно взрослые молодые люди, при осуществлении правового воспитания важно избежать излишней опеки над ними и увлечения административными мерами. Большая роль в правовом воспитании молодежи должна уделяться средствами массовой информации: периодическими изданиями, радио, кино, телевидением, Интернетом. Организация патриотического воспитания молодежи является неотъемлемой и важной частью политики каждого государства. Приоритетной задачей нашего государства является создание таких условий для работы и самореализации современной молодежи, в которых она могла бы реализовать свой потенциал, возможности, новаторские идеи на благо страны [12].

Правовое обучение на данном этапе выражается в преподавании юридических дисциплин как в учреждениях среднего профессионального образования, так и в вузах неюридического профиля. Проводятся обучающие правовые семинары, организуются правовые школы, клубы, курсы, научно-практические конференции. Следует отметить, что правовое воспитание молодежи очень тесно связано с ее активной общественной деятельностью. Прежде всего, имеется в виду трудовая деятельность, но не меньшее, а иногда и большее значение имеет деятельность в сфере общественных и самодеятельных организаций. Организуются так называемые общественно-правовые приемные на колесах, где студенты через консультации, распространение буклетов и листовок оказывают помощь людям в получении правовых сведений в области гражданского, трудового и иных отраслей права.

Таким образом, воспитание молодежи направлено на окончательное формирование ее правосознания и правовой культуры, поэтому в деятельности колледжа, вуза и других учреждений весьма важна преемственность. С одной стороны, у взрослого человека правосознание уже сформировано, и выработан определенный уровень правовой культуры. С другой стороны, это не значит, что его правосознание не подвергается различного рода деформациям, с которыми необходимо бороться. На этом этапе правового воспитания в основном должны использоваться такие формы правового воспитания, как правовое информирование и правовая пропаганда. По-прежнему важно самовоспитание граждан.

Четвертый этап – правовое воспитание граждан в возрасте от 35 до 65 лет; направлено на поддержание развитого зрелого правосознания и высокого уровня правовой культуры. В этот временной период значительная роль отводится правовому самовоспитанию, так как взрослый человек обладает вполне сформированной психикой и полностью осознает необходимость обладания правовой грамотностью. В этом возрасте правовое воспитание людей по-прежнему должно затрагивать все компоненты их обыденного правосознания. Конкретными мерами, способствующими укреплению обыденного правосознания для людей данной возрастной группы, может послужить организация проведения разного рода лекций и семинаров на правовую тематику. Важно, чтобы слушатели подобных лекций не только могли получить информацию, но и задать интересующие вопросы, получив тем самым обратную связь с лектором. Правовая информация, проговариваемая лекторами в данном случае, должна быть всесторонней, ясной и доступной для простого обывателя. Зачастую правовое информирование людей данной возрастной группы осуществляется с помощью средств массовой информации, а также различными некоммерческими организациями, специализирующимися на этом.

Пятый этап – правовое воспитание, направленное на пожилых людей (от 65 и старше). Это

именно та возрастная категория, которая является одной из наиболее уязвимой. Пожилые люди – это та категория общества, чьи права нарушаются чаще всего, именно пожилые люди нередко становятся жертвами мошенников. Человек пожилого возраста ни в коем случае не должен ощущать себя «отработанным» материалом. В этом возрасте он должен идти в ногу со временем и может активно участвовать в общественной жизни. Правовое просвещение пожилых людей должно содержать всестороннюю и доступную для восприятия правовую информацию. Зачастую правовое информирование пожилых людей осуществляется с помощью средств массовой информации, а также различными некоммерческими организациями, специализирующимися на этом. Также возможно функционирование открытых школ, кружков, центров гражданского образования и т. п. [7, с. 350]. Конкретными мерами по повышению правовой культуры может послужить организация для пожилых людей разного рода лекций и семинаров на правовую тематику. Важно, чтобы слушатели подобных лекций не только могли получить информацию, изложенную простым языком, но и задать интересующие вопросы, получив тем самым обратную связь с лектором.

Хорошим подспорьем также может послужить раздача различного печатного материала: листовок, брошюр и т. д. Особо актуальными темами для пожилых людей являются: «Права потребителей», «Вопросы в рамках ЖКХ», «Осторожно – мошенники!», «Куда обратиться за помощью?» и т. п. Можно с уверенностью сказать, что такие мероприятия будут способствовать не только повышению правовой грамотности, но и активизации социальной позиции пожилого населения.

В российском обществе же зачастую исходят из того, что пожилые люди имеют сниженные материальные потребности, и поэтому распределение благ среди них происходит по остаточному принципу. Постепенно у них теряются коммуникабельные способности, а криминализация общественной жизни порождает страх перед незнакомыми людьми, подозрительность и недоверие. Воспитание обыденного правосознания пожилых граждан в нашей стране остается пока на низком уровне. Особое внимание должно уделяться использованию таких форм правового воспитания, как правовое информирование и правовая пропаганда. Лица пожилого возраста в силу своих психофизиологических особенностей нуждаются в правовой защите, поэтому приоритетом государства в данном отношении остается поощрение их активной правовой позиции.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что важную роль и значение правового воспитания осознают все, но, к сожалению, в отечественной науке до сих пор так и не сложилось целостной теории правового воспитания. Это связано с тем, что законодатели пока не смогли выстроить логически стройную нормативно-правовую базу правового воспитания. Политико-директивные документы охватывают только отдельные сегменты работы по правовому воспитанию. В то же время попрежнему не принята единая государственная Концепция правового воспитания, на базе которой могли бы быть разработаны федеральные и региональные государственные программы по правовому воспитанию.

Литература

1. *Абдуллаева, М. Д.* Правовое воспитание как средство развития правовой культуры учащихся начальных классов [Текст] / М. Д. Абдуллаева // Наука и мир. – 2016. – Т. 3. – № 1. – С. 49–50.

2. *Беликова, С. Б.* Правовое воспитание старшеклассников как условие профилактики девиантного поведения [Текст] : автореф. дис. … канд. пед. наук / С. Б. Беликова. – Ставрополь, 2006. – 24 с.

3. *Булгакова, Е. В.* Разработка информационной модели мониторинга правосознания [Текст] / Е. В. Булгакова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 4. – С. 122–129.

4. *Зеленков, П. Г.* Правовое сознание в процессах социализации и десоциализации личности [Текст] / П. Г. Зеленков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – Т. 5. – № 23. – С. 37–38.

5. *Мухамбеткалиева, А. К.* Правовое воспитание как средство профилактики правонарушений среди несовершеннолетних [Текст] / А. К. Мухамбеткалиева // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 3. – С. 83–85.

6. *Ратинов, А. Р.* Актуальные задачи психологии права [Текст] / А. Р. Ратинов // Психологический журнал. – 1987. – № 1. – С. 14–29.

7. *Титова, Л. Г.* Гражданское просвещение пожилых людей: проблемы реализации в условиях современных обществ [Текст] / Л. Г. Титова, Е. С. Румянцева // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 4. – С. 347–353.

8. *Тихомирова, Л. В.* Юридическая энциклопедия [Текст] / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров ; под общ. ред. М. Ю. Тихомирова. – 5-е изд. – Москва : Изд-во М. Ю. Тихомирова, 2005. – 374 с.

9. *Тишенко, В. В.* Теоретические проблемы правового воспитания в развитом социалистическом обществе [Текст] : автореф. дис… докт. юрид. наук / В. В. Тишенко. – Москва, 1982. – 34 с.

10. *Усимова, И. П.* Правовая социализация личности [Текст] : автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. П. Усимова. – Москва, 2007. – 27 с.

11. Учеба.ру. Образование для детей. Школы с углубленным изучением права [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ucheba.ru/article/342

12. *Францискевич, И. Ю.* Правовые основы гражданско-патриотического воспитания молодежи в РФ [Текст] / И. Ю. Францискевич // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи : материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 324–325.

13. *Шапиева, О. Г.* Проблемы общей теории нравственно-правового воспитания [Текст] : автореф. дис… канд. юрид. наук / О. Г. Шапиева. – Ленинград, 1985. – 19 с.

References

1. *Abdullayeva, M. D.* Legal education as a means of developing the legal culture of primary school students [Text] / M. D. Abdullayeva // Nauka i mir. – 2016. – Vol. 3. – No. 1. – P. 49–50 [in Russian].

2. *Belikova, S. B.* Legal education of high school students as a condition for the prevention of deviant behavior [Text] : synopsis of a thesis for the degree of PhD in Pedagogical Sciences / S. B. Belikova. – Stavropol, 2006. – 24 p. [in Russian].

3. *Bulgakova, E. V.* Development of an information model for monitoring legal awareness [Text] / E. V. Bulgakova // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – No. 4. – P. 122–129 [in Russian].

4. *Zelenkov, P. G.* Legal consciousness in the processes of socialization and desocialization of personality [Text] / P. G. Zelenkov // Izvestiya of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. – 2006. – Vol. 5. – No. 23. – P. 37–38 [in Russian].

5. *Mukhambetkalieva, A. K.* Legal education as a means of preventing offenses among minors [Text] / A. K. Mukhambetkalieva // Topical issues of combating crimes. – 2015. – No. 3. – P. 83–85 [in Russian].

6. *Ratinov, A. R.* Actual problems of psychology of law [Text] / A. R. Ratinov // Psychological Journal. – 1987. – No. 1. – P. 14–29 [in Russian].

7. *Titova, L. G.* Civic education of the elderly: problems of implementation in modern societies [Text] / L. G. Titova, E. S. Rumyantseva // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2015. – No. 4. – P. 347–353 [in Russian].

8. *Tikhomirova, L. V.* Legal Encyclopedia [Text] / L. V. Tikhomirova, M. Yu. Tikhomirov ; under the general editorship of M. Yu. Tikhomirov. – 5th ed. – Moscow : Publishing House of M. Yu. Tikhomirov, 2005. – 374 p. [in Russian].

9. *Tishenko, V. V.* Theoretical problems of legal education in a developed socialist society [Text] : synopsis of a thesis for the degree of the Doctor of Law / V. V. Tishenko. – Moscow, 1982. – 34 p. [in Russian].

10. *Usimova, I. P.* Legal socialization of personality [Text] : synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law / I. P. Usimova. – Moscow, 2007. – 27 p. [in Russian].

11. Education for children. Schools with in-depth study of law [Electronic resource]. – URL: https://www.ucheba.ru/article/342 [in Russian].

12. *Franciskevich, I. Yu.* The legal foundations of civil-patriotic education of youth in the Russian Federation [Text] / I. Yu. Franciskevich // Civil-patriotic education of youth : materials of the international scientific and practical conference. – St. Petersburg, 2017. – P. 324–325 [in Russian].

13. *Shapieva, O. G.* Problems of the general theory of moral and legal education [Text] : synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law / O. G. Shapieva. – Leningrad, 1985. – 19 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 14.06.2022
Received June 14, 2022

УДК 34.03
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-2

Валиев Рафаиль Газизуллович,
кандидат политических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права, юридический
факультет, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, доцент,
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
email: raf.val.111@yandex.ru

Valiev, Rafail G.,
PhD in Political Sciences, Associate Professor
at the Department of Theory and History of State
and Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region)
Federal University, Associate Professor,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan,
420008, Russian Federation,
email: raf.val.111@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДИСКРЕЦИОННОЙ ПРАКТИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

♦

TO THE QUESTION OF CONCEPTUALIZATION OF DISCRETIONARY PRACTICE OF LEGAL REGULATION

АННОТАЦИЯ. В порядке развития научного познания феномена усмотрения в статье теоретизируется практика его реализации как функционально значимого потенциала процессов правового регулирования. Актуальность исследования обусловлена значительным влиянием усмотрения на процессы правового регулирования.

Предметом исследования являются основания концептуализации дискреционной практики правового регулирования как аналога процессов правового регулирования в аспекте практического использования усмотрения его субъектов. Целью исследования является актуализация теоретико-правового представления о сущности и закономерностях практики реализации усмотрения субъектами правового регулирования. Достижение цели исследования осуществляется в рамках междисциплинарного подхода, позволившего интегрировать отраслевые и общетеоретические аспекты познания усмотрения субъектов правового регулирования на уровне концепта «дискреционная практика правового регулирования».

Научная новизна исследования заключается в актуализации теоретико-правового статуса дискреционной практики правового регулирования, призванного выражать опыт праворегулирующей деятельности в аспекте функционально значимой роли усмотрения ее субъектов как фактора практики правового регулирования. Использование структурно-функционального подхода в корреляции с дуалистической диалектикой позволило выявить двойственную природу, определить содержание понятия, выявить закономерности и сформулировать некоторые теоретические законы развития дискреционной практики правового регулирования.

ABSTRACT. In order to develop scientific knowledge of the phenomenon of discretion, the article theorizes the practice of its implementation as a functionally significant potential of legal regulation processes. The relevance of the study is due to the significant influence of discretion on the processes of legal regulation.

The subject of the study is the basis for conceptualizing the discretionary practice of legal regulation as an analogue of the processes of legal regulation in the aspect of the practical use of the discretion of its subjects. The purpose of the study is to update the theoretical and legal understanding of the essence and patterns of the practice of implementing discretion by subjects of legal regulation. The achievement of the research goal is within the framework of an interdisciplinary approach that allowed integrating industry and general theoretical aspects of cognition of the discretion of subjects of legal regulation at the level of the concept of 'discretionary practice of legal regulation'.

The scientific novelty of the research is in the actualization of the theoretical and legal status of the discretionary practice of legal regulation, designed to express the experience of law-regulating activity in the aspect of the functionally significant role of discretion of its subjects as a factor in the practice of legal regulation. The use of a structural-functional approach in correlation with dualistic dialectics allowed us to identify the dual nature, determine the content of the concept, identify patterns and formulate some theoretical laws of the development of discretionary practice of legal regulation.

© Р. Г. Валиев, 2022

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: практика; правовое регулирование; практика правового регулирования; закономерности дискреционной практики правового регулирования; праворегулирующее усмотрение.

KEYWORDS: practice; legal regulation; practice of legal regulation; patterns of discretionary practice of legal regulation; regulatory discretion.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Валиев, Р. Г. **К вопросу о концептуализации дискреционной практики правового регулирования [Текст] / Р. Г. Валиев // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 17–25. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-2.**

FOR CITATION:

Valiev, R. G. To the Question of Conceptualization of Discretionary Practice of Legal Regulation [Text] / R. G. Valiev. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 17–25 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-2.

Введение. Хорошо известно, и это отражено в юридической доктрине, что в развитии практики правового регулирования значительна роль усмотрения адресатов объективного и субъективного права. Будучи органично включенным в содержание правосубъектности частных и публичных субъектов, оно олицетворяет собой тот потенциал, который позволяет самоопределяться в вопросе формирования, интерпретации и реализации нормативных и индивидуальных правовых предписаний. Эта возможность – существенное юридически значимое свойство усмотрения. Очевидно именно поэтому В. В. Лазарев называет усмотрение одной из правовых ценностей [10, с. 144]. Как отмечает Ю. А. Тихомиров, «именно оно подчас в решающей степени определяет содержание законов и актов управления, позиции и действия государственных органов, отношение госслужащих к людям» [18, с. 70].

Усмотрение свойственно как общенормативному, так и индивидуальному правовому регулированию. Оно может рассматриваться на уровне как объективного, так и ситуационного права, в рамках которого создаются индивидуальные правовые нормы. С учетом изложенного следует согласиться с мнением, что «усмотрение – объективно существующее и социально оправданное правовое явление» [5, с. 99].

Состояние разработанности проблематики усмотрения. Проблема усмотрения в разное время так или иначе рассматривалась представителями различных отраслей юридической науки [2; 11; 19; 20; 21; 22; 23]. По поводу статуса усмотрения в системе правового регулирования высказывались различные, но близкие по смыслу и вполне оправданные взгляды. Так, по мнению Т. В. Кашаниной, усмотрение – это элемент индивидуального правового регулирования [7, с. 9]. В концепции А. А. Никитина усмотрение – это «результат интеллектуально-практической волевой деятельности субъекта <…> – решение по вопросу, имеющему юридическое значение, и выраженное в определенных деяниях в правотворческой, правореализационной, правоинтерпретационной сферах, либо в общей модели правового поведения данного субъекта» [12, с. 16]. Немало научных трудов по проблематике усмотрения посвящено правоприменительному и правореализационному аспектам его исследования [1; 8; 17], а также усмотрению в праве [12; 13; 17]. Усмотрение как юридически значимое явление интерпретируется через призму права посредством таких категорий, как «усмотрение в праве» [12], «правовое усмотрение» [14], «дискреция» [6] и т. п. Между тем масштаб распространения усмотрения в правовой системе не ограничивается объективным правом и охватывает собой правовую и юридическую практику, правосознание, правовую культуру. Усмотрение опосредует правовую политику, правотворчество и правотворческую систематизацию норм права, толкование права, правоприменение и правореализацию. Однако обозначенные тенденции развития практики правового регулирования, опосредуемые усмотрением ее субъектов, остаются за рамками теории правового регулирования. С этой точки зрения актуализация усмотренческого (далее – дискреционного) начала практики правового регулирования является одной из наиболее востребованных задач научного познания проблематики усмотрения.

Современный уровень научного познания феномена усмотрения характеризуется док-

тринальным плюрализмом его трактовок, отличающихся полярностью его гносеологического восприятия. Однако дискретность в его исследовании ограничивает его целостное восприятие. Вследствие зависимости правового регулирования от усмотрения его субъектов практика правового регулирования обретает дискреционный характер, что обусловливает актуальность предметного исследования практики реализации усмотрения субъектов правового регулирования. Такое исследование представляется плодотворным в порядке концептуализации дискреционной практики правового регулирования.

Результаты исследования. Усмотрение имеет значение функционально значимого потенциала практики правового регулирования, поскольку оказывает решающее влияние как на праворегулирующую деятельность, так и ее результаты, в качестве которых выступают нормативные, правоинтерпретационные и правореализационные правовые акты. Основные проявления этого потенциала выражаются в том, что праворегулирующее усмотрение:

– предопределяет меру возможной и необходимой самостоятельности субъектов общенормативного и индивидуального правового регулирования;

– представляет собой ситуационный способ решения субъектом правового регулирования юридически значимых вопросов общеправового и индивидуального правового регулирования, основанный на юридической квалификации соответствующих обстоятельств общеправового и индивидуального правового регулирования;

– обеспечивает гибкость объективного права и правового регулирования;

– позволяет преодолевать противоречие между абстрактностью норм права и конкретностью социальной практики;

– опосредует правотворческую и правореализационную ситуацию, связанную с моделированием и систематизацией норм права, проектированием нормативных правовых актов, а также применением норм права и их реализацией;

– обеспечивает решение вопроса о достаточности, допустимости и относимости юридически значимых фактов;

– обеспечивает субсидиарное регулирование в условиях пробелов, преодоление юридических коллизий, достижение определенности структурных элементов объективного и субъективного права, на уровне нормативного и казуального толкования, а также при аналогии закона и аналогии права. В таком значении усмотрение субъектов правового регулирования выступает в качестве правовой ценности.

Будучи институционализировано на уровне дискреционных правомочий и полномочий адресатов норм права, усмотрение охватывает собой ту сторону практики правового регулирования, которая представлена реализацией абстрактно-общих и относительно определенных предписаний нормативных правовых средств, порождающей правовую неопределенность и противоречия в правовом регулировании. Это, например, ситуация, в которой законодатель осознанно оставляет решение вопроса на правоприменительном уровне, «когда законодатель ориентируется на конкретизацию употребленных им дефиниций, оценочных понятий» [9]. Аналогичным образом проявляет себя и усмотрение субъектов индивидуального правового регулирования, которое востребовано при оценке достаточности и допустимости доказательств по делу, толковании индивидуальных правовых актов и формулировании индивидуальных правовых предписаний. С этой точки зрения опыт правового регулирования, опосредованный усмотрением его субъектов, образует собой содержание одной из сторон практики правового регулирования, которую можно рассматривать как дискреционную практику правового регулирования.

Гносеологически значимой основой познания дискреционной практики правового регулирования выступает концепт «практика правового регулирования» [4]. Гносеологическая ценность концепта «практика правового регулирования» заключается в том, что он позволяет:

– теоретически реконструировать и воспроизводить эмпирические проявления праворегулирующей деятельности и регулирующего воздействия норм материального и процессуального права;

– выявлять противоречия между институционально-правовой моделью и реальными результатами деятельности субъектов право-

вого регулирования, характеризующимися деструктивными проявлениями неадекватности усмотрения ее субъектов его назначению;

– выявлять деструктивные проявления опыта правового регулирования, когда его иррациональные, психологические начала превалируют над его рациональными, интеллектуально-волевыми свойствами;

– осуществлять аудит и проводить диагностику опыта праворегулирующей деятельности на предмет ее адекватности назначению и социально значимым целям правового регулирования, а также степени ее совершенства, эффективности и проявлений неэффективности.

Основаниями актуализации дискреционной практики правового регулирования как предмета настоящего исследования выступают следующие факторы:

– гносеологические (ограниченность сформированного в юридической доктрине знания о репрезентативности усмотрения как функционально значимом потенциале практики правового регулирования);

– эмпирические, системно-функциональные тенденции и противоречия (усмотрение представлено как позитивными, так и негативными результатами правотворческой, судебной и правоохранительной политики, материалами юрисдикционной и неюрисдикционной правоприменительной практики, материалами правоинтерпретационной и правореализационной практики);

– институционально-правовые (усмотрение представлено на уровне абсолютного большинства институтов права, имеет общеправовой институционально-правовой статус);

– когнитивно-волевые (усмотрение представлено результатами собственного наблюдения, анализа и осмысления деструктивных дискреционных тенденций как угроз практики правового регулирования);

– психологические (усмотрение представлено результатами сопереживания деструктивных дискреционных тенденций);

– идеологические, философско-правовые (осознание необходимости оптимизации в соответствии с идеями об идеальной модели практики юридически значимого усмотрения субъектов правового регулирования).

Дискреционная практика правового регулирования характеризуется особенностями ее структуры. В соответствии с дуалистической диалектикой ее содержание характеризуется диалектическим единством нормативно обусловленной юридически значимой активности субъектов правового регулирования и актов правового регулирования. На макроуровне структура дискреционной практики правового регулирования складывается из двух дуалистических подсистем – деятельностной и результативной подсистемы общеправового регулирования (формирования, систематизации, интерпретации и реализации норм права), а также деятельностной и результативной подсистемы индивидуального правового регулирования (формирования, интерпретации и реализации индивидуальных правовых норм). Обозначенные подсистемы олицетворяют собой динамический и статический аспекты характеристики праворегулирующего усмотрения, выражающиеся соответственно в дискреционной праворегулирующей деятельности и дискреционных правовых актах.

Взаимосвязь деятельностной и результативной сторон, олицетворяющих собой динамический и статический аспекты характеристики усмотрения субъектов правового регулирования, является характерной закономерностью развития дискреционной практики правового регулирования. Динамическим содержанием дискреционной практики правового регулирования выступает система деятельностных процессов реализации усмотрения субъектов правотворчества, интерпретации, правоприменения и правореализации, взятых в единстве с ее результатами, выраженными в опосредованных им правовых актах.

Динамический и статический аспекты характеристики праворегулирующего усмотрения имеют два уровня презентации – правотворческий и правоприменительный (правореализационный). На правотворческом уровне динамический и статический аспекты усмотрения выражаются соответственно в дискреционных правотворческих действиях и нормативных правовых актах. На правоприменительном (правореализационном) уровне динамический и статический аспекты усмотрения выражаются соответственно в дискреционных действиях субъектов индивидуального правового регулирования и индивидуальных правовых актах. Правотворческому и правореализационному

уровням усмотрения коррелирует правоинтерпретационный уровень, выражающийся в толковании норм права субъектами общеправового и индивидуального правового регулирования, а также Конституционного и Верховного Суда РФ.

Важнейшим основанием концептуализации дискреционной практики правового регулирования выступают тенденции и противоречия практики правового регулирования, опосредуемые усмотрением субъектов правового регулирования (далее – дискреционные тенденции). Дискреционные тенденции в практике правового регулирования обусловлены значительным влиянием усмотрения на деятельность его субъектов. Это проявления динамики позитивного и негативного опыта реализации усмотрения ее субъектов.

Актуальность теоретической модели дискреционной практики правового регулирования эмпирически обусловлена позитивными и негативными дискреционными тенденциями, что предопределяет ее двуединую сущность, т. е. позитивную и негативную стороны опыта правового регулирования, опосредуемого усмотрением его субъектов. Изучение дискреционных тенденций практики правового регулирования позволяет сформулировать вывод о недооценке юридической наукой негативного потенциала праворегулирующего усмотрения, природа которого обусловлена проблемами правосознания его субъектов и технико-юридическими дефектами объективного права. Между тем субъективный характер и латентность усмотрения весьма противоречиво отражаются на процессах правового регулирования, обусловливая деструктивные дискреционные тенденции. Таким образом, актуализация дискреционных тенденций в развитии практики правового регулирования имеет гносеологическое значение для концептуализации дискреционной практики правового регулирования. Дискреционные тенденции современной практики правового регулирования выступают эмпирическим основанием актуализации атипичной модели дискреционной практики правового регулирования, которая характеризуется деструктивными проявлениями неадекватного использования усмотрения, противоречащего его институциональному назначению.

Деструктивные проявления атипичной дискреционной практики правового регулирования сопряжены с произволом усмотрения ее субъектов и дифференцируются в трех группах:

– на уровне общеправового регулирования – в технико-юридических дефектах предписаний нормативных правовых актов, юридических конструкциях и противоречиях содержания отдельных нормативных правовых средств, а также деструктивных дискреционных действиях субъектов правового регулирования;

– на уровне индивидуального правового регулирования судебной, правоохранительной и правозащитной деятельности – в необоснованных актах правоприменения, отсутствии в них юридической аргументации и формальных отписках, правоприменительных ошибках, злоупотреблении дискреционными полномочиями и различных формах злоупотреблениях профессиональным статусом, противоречащих правовым принципам;

– на уровне автономного индивидуального правового регулирования – в различных формах злоупотреблениях субъективным правом.

Концептуализация дискреционной практики правового регулирования детерминируется условиями общественного развития и характеризуется определенными закономерностями.

Во-первых, актуализация дискреционной практики правового регулирования обусловлена нестабильностью социальной практики и значительным усложнением условий общественного развития, что, в свою очередь, значительно усложняет правовое регулирование. Возрастающее разнообразие общественных отношений, с одной стороны, обусловливает потребность дифференцированного подхода к их правовой регламентации, а с другой – невозможность абсолютным образом использовать детальную регламентацию на основе исключительно казуального, конкретно определенного формулирования предписаний правовых норм. В этой связи все операции правотворческого субъекта, а именно правовая актуализация, систематизация норм и отношений, осуществляются на основе праворегулирующего усмотрения, которое обретает роль существенного фактора правовой регламентации. Следовательно, усложнение условий общественного развития порождает актуальность усмотрения. В условиях же стабильности и единообразия

социальной практики востребованность усмотрения субъектов правового регулирования закономерно ограничивается. Таково содержание *закона корреляции актуальности (востребованности) праворегулирующего усмотрения и разнообразия социальной практики*: разнообразие и нестабильность социальной практики расширяют социальные основания востребованности усмотрения субъектов правового регулирования при формировании правовых норм и, наоборот, стабилизация и единообразие социальной практики ограничивают востребованность усмотрения субъектов правового регулирования.

Во-вторых, теоретическая актуализация дискреционной практики правового регулирования обусловлена объективным и субъективным правом, в которых находит свое выражение феномен юридически значимого усмотрения. Именно система норм объективного и ситуационного права, выступающего «формализованным результатом индивидуального правового регулирования» [15], предполагает либо непосредственно закрепляет так называемые дискреционные правомочия (полномочия) его адресатов, предоставляющие им возможность действовать по собственному усмотрению при принятии юридически значимых решений. На уровне общего правового регулирования усмотрение адресатов права выражено в предписаниях нормативных правовых актов. На уровне индивидуального правового регулирования – на уровне индивидуальных правовых актов и договоров. Такая презентация усмотрения позволяет заключить, что симбиоз правового регулирования и усмотрения его субъектов является характерной закономерностью практики правового регулирования.

Концептуализация дискреционной практики правового регулирования актуальна и в аспекте обстоятельств праворегулирующей ситуации, в которых усмотрение потенцирует непредсказуемость деятельности субъектов правового регулирования. Эта непредсказуемость обусловлена неопределенностью в общеправовом регулировании на уровне нормативных правовых предписаний. Исследуя проблему определенности правового регулирования, Н. А. Власенко называет усмотрение способом перехода от неопределенности к определенности [5]. Неопределенность общеправового регулирования обусловливает неопределенную природу значительной части практики индивидуального правового регулирования, развитие и оптимизация которой находится в зависимости от усмотрения субъектов правоприменения. Более того, посредством усмотрения субъектов правоприменительной и автономной правореализации на ситуационном уровне правового регулирования обеспечивается преодоление заведомой неопределенности объективного права. Иными словами, между неопределенностью общеправового регулирования и дискреционностью (зависимостью от усмотрения) индивидуального правового регулирования имеется устойчивая и необходимая корреляция. Дискреционность (зависимость от усмотрения) индивидуального правового регулирования находится в прямой зависимости от степени определенности общеправового регулирования – чем менее определенными являются нормативные правовые предписания, тем более дискреционным оказывается индивидуальное правовое регулирование и, наоборот, чем более определенными являются нормативные правовые предписания, тем менее дискреционным является индивидуальное правовое регулирование. Такова динамика дискреционной практики правового регулирования. Таков *закон корреляции определенности и дискреционности правового регулирования*.

Дискреционная практика правового регулирования находится в зависимости от абстрактно-общих, относительно определенных принципов права и предписаний относительно определенных и альтернативных гипотез, диспозиций и санкций управомочивающих, статусных и охранительных норм права, оценочных юридических конструкций, а также диспозитивных технико-юридических конструкций («вправе…, «может…, и т. п.). Обозначенные нормативные правовые средства в своей совокупности образуют так называемую дискреционную, т. е. зависящую от усмотрения, юридическую технику – систему нормативных правовых средств, реализация которых зависит от их усмотрения. Правовое регулирование посредством дискреционной юридической техники позволяет придать гибкость объективному праву. При этом можно говорить о необходимой и устойчивой связи средств дискреционной юридической техники

актов правового регулирования и усмотрения его субъектов. Использование дискреционной юридической техники обусловливает востребованность праворегулирующего усмотрения и, наоборот, чем менее дискреционные технико-юридические средства используются в правовом регулировании, тем менее востребовано усмотрение его субъектов. Обозначенные закономерности образуют содержание *закона корреляции технико-юридических средств правового регулирования и усмотрения его субъектов*: чем более дискреционный характер имеет юридическая техника нормативных средств правового регулирования, тем более неопределенным является смысл правовых предписаний и, наоборот, чем менее дискреционный характер имеет юридическая техника нормативных средств правового регулирования, тем большей определенностью характеризуется смысл правовых предписаний.

Выводы. Значительная зависимость правотворческой, правосистематизационной, правоинтерпретационной, правоприменительной и правореализационной деятельности и ее результатов от усмотрения субъектов правового регулирования предопределяют его общеправовой статус как функционально значимого потенциала практики правового регулирования. Однако фрагментарность и ограниченность сформированного в юридической доктрине знания о репрезентативности усмотрения в праве не исчерпывают всех проявлений его функционально значимого потенциала как фактора правового регулирования и предопределяют востребованность комплексного теоретико-правового исследования практики реализации праворегулирующего усмотрения в порядке концептуализации дискреционной практики правового регулирования.

Актуальность концептуализации дискреционной практики правового регулирования эмпирически обусловлена как позитивными, так и негативными дискреционными тенденциями правового регулирования общественных отношений, выражающими дихотомию двух противоположных сторон опыта правового регулирования, опосредуемого усмотрением его субъектов.

Первая сторона – соответствующий потребностям правового регулирования позитивный опыт праворегулирующего усмотрения, будучи фактором развития правового регулирования, характеризуется его соответствием назначению в механизме правового регулирования, целесообразностью и обоснованностью, гармонизацией частных и публичных интересов, сведением к минимуму правотворческих и правоприменительных ошибок.

Вторая сторона – противоречащий первой стороне негативный опыт деструктивного праворегулирующего усмотрения – его атипичная, дисфункциональная практика реализации, определяемая системой маркеров негативных форм, отражающих его деструктивный потенциал на уровне общего и индивидуального правового регулирования.

Дискреционная практика правового регулирования в широком смысле – интегративное понятие, выражающее взятый в пространственном и временном континууме объективированный общенациональный и международный опыт правового регулирования, опосредуемый усмотрением его субъектов, опредмеченный в системе предписаний нормативных, правоинтерпретационных, правоприменительных и правореализационных актов.

Дискреционная практика правового регулирования в узком значении – актуальный ситуационно-конкретный опыт правотворческой, правосистематизационной, интерпретационной, правоприменительной и правореализационной деятельности властных и невластных субъектов, включая опыт субъектов специальной профессиональной юридической деятельности, основанный на использовании их усмотрения.

Модель дискреционной практики правового регулирования способна служить общим «знаменателем» всего многообразия эмпирических проявлений праворегулирующего усмотрения, поскольку объективируется на уровне позитивного и негативного опыта правового регулирования и его результатах. Эта модель позволяет изучать как позитивные, так и негативные тенденции и противоречия между институционально-правовой моделью и реальными результатами праворегулирующей деятельности, характеризующимися деструктивными проявлениями неадекватности праворегулирующего усмотрения его назначению в механизме правового регулирования.

Литература

1. *Антропов, В. Г.* Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование: логико-семантический аспект [Текст] : дис. … канд. юрид. наук / В. Г. Антропов. – Волгоград, 1995. – 180 с.

2. *Берг, Л. Н.* Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект) [Текст] : дис. …канд. юрид. наук / Л. Н. Берг. – Екатеринбург, 2008. – 202 с.

3. *Болдырев, Н. Н.* Когнитивная семантика [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. – 123 с.

4. *Валиев, Р. Г.* Практика правового регулирования: актуализация и категоризация общетеоретического знания [Текст] / Р. Г. Валиев // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 54–66. – DOI: 10.47905/ MATGIP.2021.25.4.005.

5. *Власенко, Н. А.* Разумность и определенность в правовом регулировании : монография [Текст] / Н. А. Власенко. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. – 157 с.

6. *Демин, А. В.* Дискреция в налоговом праве [Текст] / А. В. Демин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 35. – С. 42–55.

7. *Кашанина, Т. В.* Децентрализация в правовом регулировании: Структурный анализ [Текст] : дис. … докт. юрид. наук / Т. В. Кашанина. – Москва, 1992. – 350 с.

8. *Кораблина, О. В.* Усмотрение в правоприменительной деятельности (общетеоретический и нравственно-правовой аспекты) [Текст] : дис. … канд. юрид. наук / О. В. Кораблина. – Саратов, 2009. – 178 с.

9. *Лазарев, В. В.* Технико-юридические приемы сокрытия законодательной воли [Текст] / В. В. Лазарев // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 24–28.

10. *Лазарев, В. В.* Философия прагматизма и реализма как методология судебного правотворчества и усмотрения [Текст] / В. В. Лазарев // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев и др. ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – Москва : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2020. – С. 143–158.

11. *Люблинский, П. И.* Основания судейского усмотрения в уголовных делах [Текст] / П. И. Люблинский. – Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1904.– 34 с.

12. *Малиновский, А. А.* Усмотрение в праве [Текст] / А. А. Малиновский // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 102–104.

13. *Никитин, А. А.* Феномен усмотрения в праве [Текст] / А. А. Никитин. – Саратов : ИЦ «Наука», 2021. – 459 с.

14. *Никитин, А. А.* Правовое усмотрение: теория, практика, техника [Текст] : дис. … докт. юрид. наук / А. А. Никитин. – Саратов, 2021. – 514 с.

15. *Погодин, А. В.* Ситуационное право и общерегулятивное правоотношение в правореализации [Текст] / А. В. Погодин // Юридический мир. – 2013. – № 2. – С. 64–68.

16. *Скударнов, А. С.* Усмотрение в процессе реализации прав, свобод и обязанностей граждан (и их объединений) [Текст] : дис … канд. юрид. наук / А. С. Скурданов. – Красноярск, 2014. – 211 с.

17. Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ) [Текст] / В. Д. Подмосковный, И. Н. Сенякин, А. Б. Степин. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 240 с.

18. *Тихомиров, Ю. А.* Административное усмотрение и право [Текст] / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2000. – № 4. – С. 70–79.

19. *Bouveresse, A.* Pouvoir discrétionnaire dans l'ordre juridique Communautaire [Texte] / A. Bouveresse. – Bruxelles : Bruylant, 2010. – 618 p.

20. *Davis, K. K.* Discretionary Justice in Europe and America [Text] / K. K. Davis. – Urbana, Chicago and London : University of Illinois Press, 1976. – 203 p.

21. *Galligan, D. J.* Discretionary powers: a legal study of official discretion [Text] / D. J. Galligan. – Clarendon Press, 1990. – 432 p.

22. *Ford, Ch. A.* Judicial discretion in international jurisprudence: article 38 (1) (c) and "general principles of law" / Ch. A. Ford // Duke J. of Comparative & Intern. Law. – Durham, 1995. – Vol. 5. – No. 1. – P. 35–86.

23. *Waline, M.* Le pouvoir discrétionnaire de l'administration et sa limitation par le contrôle juridictionnel [Texte] / M. Waline. – Paris : M. Giard, 1930. – 31 p.

References

1. *Antropov, V. G.* Law enforcement discretion: concept and formation: logical and semantic aspect [Text] : thesis for the degree of PhD in Law / V. G. Antropov. – Volgograd, 1995. – 180 p. [in Russian].

2. *Berg, L. N.* Judicial discretion and its limits (general theoretical aspect) [Text] : thesis for the degree of PhD in Law / L. N. Berg. – Yekaterinburg, 2008. – 202 p. [in Russian].

3. *Boldyrev, N. N.* Cognitive semantics [Text] / N. N. Boldyrev. – Tambov : Publishing House of Tambov State University, 2000. – 123 p. [in Russian].

4. *Valiev, R. G.* The practice of legal regulation: actualization and categorization of general theoretical knowledge [Text] / R. G. Valiev // Theory of state and law. – 2021. – No. 4(25). – P. 54–66. – DOI: 10.47905/ MATGIP.2021.25.4.005 [in Russian].

5. *Vlasenko, N. A.* Reasonableness and certainty in legal regulation : monograph [Text] / N. A. Vlasenko. – Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : INFRA-M Publ., 2019. – 157 p. [in Russian].

6. *Demin, A. V.* Discretion in tax law [Text] / A. V. Demin // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. – 2017. – Issue 35. – P. 42–55 [in Russian].

7. *Kashanina, T. V.* Decentralization in legal regulation: Structural analysis [Text] : thesis for the degree of Doctor of Law / T. V. Kashanina. – Moscow, 1992. – 350 p. [in Russian].

8. *Korablina, O. V.* Discretion in law enforcement (general theoretical and moral and legal aspects) [Text] : thesis for the degree of PhD in Law / O. V. Korablina. – Saratov, 2009. – 178 p. [in Russian].

9. *Lazarev, V. V.* Technical and legal methods of concealing the legislative will [Text] / V. V. Lazarev // Legal technique. – 2007. – No. 1. – P. 24–28 [in Russian].

10. *Lazarev, V. V.* Philosophy of pragmatism and realism as a methodology of judicial law-making and discretion [Text] / V. V. Lazarev // Judicial doctrines in Russian law: theory and practice : monograph / P. P. Serkov, V. V. Lazarev, H. I. Gadzhiev and others ; ed. by V. V. Lazarev, H. I. Gadzhiev. – Moscow : IZiSP : Norma Publ. : INFRA-M Publ., 2020. – P. 143–158 [in Russian].

11. *Lyublinsky, P. I.* Grounds of judicial discretion in criminal cases [Text] / P. I. Lyublinsky. – St. Petersburg : Senatskaya tip., 1904. – 34 p. [in Russian].

12. *Malinovsky, A. A.* Discretion in law [Text] / A. A. Malinovsky // State and law. – 2006. – No. 4. – P. 102–104 [in Russian].

13. *Nikitin, A. A.* The phenomenon of discretion in law [Text] / A. A. Nikitin. – Saratov : IC "Science", 2021. – 459 p. [in Russian].

14. *Nikitin, A. A.* Legal discretion: theory, practice, technique [Text] : thesis for the degree of Doctor of Law / A. A. Nikitin. – Saratov, 2021. – 514 p. [in Russian].

15. *Pogodin, A. V.* Situational law and general regulatory legal relations in legal realization [Text] / A. V. Pogodin // Legal World. – 2013. – No. 2. – P. 64–68 [in Russian].

16. *Skudarnov, A. S.* Discretion in the process of realizing the rights, freedoms and duties of citizens (and their associations) [Text] : thesis for the degree of PhD in Law / A. S. Skurdanov. – Krasnoyarsk, 2014. – 211 p. [in Russian].

17. Judicial discretion in private law (general theoretical analysis) [Text] / V. D. Podmoskovny, I. N. Senyakin, A. B. Stepin. – Saratov : Publishing House of the State Educational Institution of Higher Education "Saratov State Academy of Law", 2005. – 240 p. [in Russian].

18. *Tikhomirov, Yu. A.* Administrative discretion and law [Text] / Yu. A. Tikhomirov // Journal of Russian Law. – 2000. – No. 4. – P. 70–79 [in Russian].

19. *Bouveresse, A.* Pouvoir discretionnaire dans l'ordre judique Communautaire [Texte] / A. Bouveresse. – Bruxelles : Bruylant, 2010. – 618 p. [in French].

20. *Davis, K. K.* Discretionary Justice in Europe and America [Text] / K. K. Davis. – Urbana, Chicago and London : University of Illinois Press, 1976. – 203 p. [in English].

21. *Galligan, D. J.* Discretionary powers: a legal study of official discretion [Text] / D. J. Galligan. – Clarendon Press, 1990. – 432 p. [in English].

22. *Ford, Ch. A.* Judicial discretion in international jurisprudence: article 38 (1) (c) and "general principles of law" / Ch. A. Ford // Duke J. of Comparative & Intern. Law. – Durham, 1995. – Vol. 5. – No. 1. – P. 35-86 [in English].

23. *Waline, M.* Le pouvoir discrétionnaire de l'administration et sa limitation par le contrôle judictionnel [Texte] / M. Waline. – Paris : M. Giard, 1930. – 31 p. [in French].

Поступила в редакцию 15.10.2022
Received October 15, 2022

УДК 340
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-3

Васильев Антон Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, директор Юридического
института Алтайского государственного
университета, 656049, г. Барнаул,
пр. Социалистический, д. 68,
email: anton_vasiliev@mail.ru

Печатнова Юлия Вадимовна,
ассистент кафедры теории и истории
государства и права, Юридический
институт Алтайского государственного
университета, 656049, г. Барнаул,
пр. Социалистический, д. 68,
email: jp_0707@mail.ru

Vasiliev, Anton A.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History
of State and Law, Director of the Institute of Law,
Altai State University,
68 Socialisticheskiy Prospect, Barnaul,
656049, Russian Federation,
email: anton_vasiliev@mail.ru

Pechatnova, Yuliya V.,
Assistant at the Department of Theory
and History of State and Law, Institute of Law,
Altai State University,
68 Socialisticheskiy Prospect, Barnaul,
656049, Russian Federation,
email: jp_0707@mail.ru

«РЕАЛЬНЫЕ» ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛЬНЫХ МИРОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР *

♦

'REAL' LEGAL PROBLEMS OF THE VIRTUAL WORLDS OF COMPUTER GAMES *

АННОТАЦИЯ. В статье подробно проанализированы проблемы правового регулирования компьютерных игр. Особое внимание уделено правовой природе компьютерных игр, которые могут рассматриваться как результат интеллектуальной деятельности, объект авторского права (первичный и (или) вторичный), разновидность информации и т. д. Ввиду множественности подходов в пониманию компьютерных игр в правоприменительной практике возникают спорные вопросы правового регулирования компьютерных игр в части идентификации пользователей компьютерной игры, юрисдикции споров, осложненных виртуальным элементом, анализа возможности оборота виртуальной собственности, налогообложения дохода от дистрибуции компьютерных игр, киберспорта, использования исключительных прав на компьютерную игру, юридической охраны персональных данных, проблем зависимости от виртуального пространства и перспектив применения виртуальной реальности к действительным правоотношениям. Авторами был сделан вывод о том, что в настоящее время обозначается целый ряд важных проблем правового регулирования общественных отношений, осложненных виртуальным элементом, которые требуют незамедлительного реагирования посредством внесения соответствующих уточнений в отечественном законодательстве.

ABSTRACT. The article analyses the problems of legal regulation of computer games in detail. The authors focus on the legal nature of computer games, which can be considered a result of intellectual activity, an object of copyright (primary and (or) secondary), a type of information, etc. Due to the plurality of approaches to the understanding of computer games in law enforcement practice, controversial issues of legal regulation of computer games arise. Among them are the identification of users of a computer game, jurisdiction of disputes complicated by a virtual element, analysing the possibility of the virtual property turnover, taxing income from the distribution of computer games, e-sports, the use of exclusive rights to a computer game, legal protection of personal data, problems of dependence on the virtual space, and the prospects for the application of the virtual reality to the actual legal relations. The authors conclude that currently there are a number of important problems of legal regulation of social relations, complicated by the virtual element, which require an immediate response through the introduction of appropriate clarifications in domestic legislation.

© А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова, 2022

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компьютерные игры; киберспорт; виртуальная реальность; правовое регулирование; интернет-право.

KEYWORDS: computer games; e-sports; virtual reality; legal regulation; Internet law.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

***Васильев, А. А.* «Реальные» правовые проблемы виртуальных миров компьютерных игр [Текст] / А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 26–32. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-3.**

FOR CITATION:

Vasiliev, A. A. 'Real' Legal Problems of the Virtual Worlds of Computer Games [Text] / A. A. Vasiliev, Yu. V. Pechatnova. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 26–32 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-3.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Индустрия компьютерных игр: в поисках правовой модели» № 22-28-00433, https://rscf.ru/project/22-28-00433.*

** The article is within Project No. 22-28-00433 'Industry of Computer Games: in Searches for a Legal Model', https://rscf.ru/project/22-28-00433, with the financial support from the Russian Science Foundation.*

В классическом понимании право направлено на регулирование общественных отношений, предметом которых являются объекты реальности (например, вещи) и специальные юридические конструкции (например, имущественные права).

Компьютерные игры как объект правового регулирования представляют собой специфический виртуальный объект, который, несмотря на нематериальность, вызывает ряд реальных правовых проблем.

Настоящее исследование проводится в условиях пробельности правового регулирования в анализируемом вопросе, в связи с чем направлено, прежде всего, на фиксацию наиболее проблемных вопросов правового регулирования общественных отношений, осложненных виртуальном элементом, с целью их дальнейшего изучения и осмысления в правовой науке.

Итак, несмотря на экзотический характер компьютерных игр для юриспруденции, круг правовых вопросов относительно индустрии компьютерных игр обширен. В число правовых проблем компьютерных игр можно включить следующие тематические вопросы.

1. **Компьютерная игра представляет собой результат интеллектуальной деятельности, и соответственно, автор (разработчик) игр защищен законодательством об охране интеллектуальной собственности.**

С точки своего содержания компьютерная игра представляет собой программу для электронно-вычислительных машин, и в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации автор такой программы обладает комплексном интеллектуальных прав, включая личные права автора и исключительные (имущественные) права (ст. 1261 ГК РФ).

Специалистами по праву компьютерных игр высказывается несколько позиций относительно природы компьютерных прав в качестве объекта права интеллектуальной собственности:

а) компьютерная игра есть мультимедийный продукт как совокупность различных компонентов: текст, музыка, аудиовизуальное произведение, технический код (ст. 1240 ГК РФ) [1];

б) широкий подход к интерпретации компьютерной игры, согласно которому она может быть:

– мультимедийным продуктом;

– программой для электронно-вычислительных машин;

– базой данной, когда фактически игра представляет собой совокупность уже известных игровых компонентов, но вводится иной, ранее неизвестный порядок игры (правила игры) [2].

В любом случае компьютерная игра по российскому праву признается объектом авторского права и на нее распространяется режим правовой охраны литературного произведения.

Примечательно, что в правовой фикции компьютерной игры в качестве литературного произведения реализуется концепция нарратологии в понимании игры как текста. Действительно, в компьютерных играх можно обособить текст как отдельный компонент (собственно текст как сюжет и набор правил игры). Причем эта точка зрения в полной мере верна в отношении текстовых игр, в которых отсутствуют аудиовизуальный ряд и графиче-

ские элементы (например, это такие игры как Tale, Zork, Сказание и др.). Вместе с тем текстом многие компьютерные игры не ограничиваются и содержат иные результаты интеллектуальной деятельности.

Важно, что использование в компьютерных играх сюжета, персонажей из литературных произведений требует в соответствии с авторским правом согласия правообладателя литературного произведения, и сама игра в таком случае является производным произведением.

Игра Hogwarts Legacy основана на книжном мире Д. Роулинг. Соответственно необходимо согласие автора книжной эпопеи на использование сюжета и персонажей в игре. Известен спор о правах на Легендариум Средиземья для игры Shadow of Mordor. Так, наследник Д. Р. Р. Толкина Кристофер Толкин вплоть до своей смерти оспаривал саму возможность использования идеи Средиземья без его разрешения.

С правовой точки зрения компьютерные игры по мотивам книг являются производными произведениями, поскольку в их основе находятся литературные произведения, созданные творческим трудом не разработчиков игр, а авторов книг.

Для целей правового регулирования важно наличие творческого труда при создании произведения как ключевой характеристики самостоятельного и нового произведения. Компьютерные игры по мотивам книг таким свойством не обладают, даже если в них иная сюжетная линия или появляются иные персонажи. Примечательно, что разработчикам игр нужно получать разрешение на отступление от оригинального произведения, иначе налицо искажение произведения и факт нарушения авторского права.

Технический код, лежащий в основе компьютерной игры, подпадает под действие режима литературного произведения. Программа для электронно-вычислительных машин в отличие от литературного произведения может быть зарегистрирована в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности и внесена в реестр российского программного обеспечения. Утечка кода без такой регистрации позволяет иным разработчикам использовать код для своих игр. Так, Закар Барт, создатель игры Infiniminer, случайно допустил утечку кода в сеть, что позволило создавать ее аналоги. Известен также спор Blizzard Activision и Valve за бренд DOTA с точки зрения копирования игровой механики и исходного кода.

2. **Компьютерная игра является разновидностью информации**, и в зависимости от ее содержания возможно применение того или иного режима ее распространения. В мировой практике ограничениям и запретам подвергается распространение информации в интернете и онлайн-играх по двум направлениям:

– запрет на распространение информации, опасной для психического развития детей (порнография, насилие и пр.). Чаще всего законодатель использует возрастные рейтинги, по достижении которых та или информация и игры становятся доступными для пользователей. В одних странах (США) рейтинги устанавливаются сообществами в игровой индустрии, в других – такие рейтинги жестко регламентируются. В Южной Корее и Китае введены жесткие ограничения по времени и средствам, которые могут быть потрачены детьми на игры;

– запрет на распространение информации в компьютерных играх, которые могут быть опасны для публичных интересов (разжигание расовой и национальной ненависти, подготовка актов терроризма и пр.). Так, в практике российских судов был случай, когда рассматривался вопрос о блокировке игры Minecraft в части размещения инструкции по изготовлению бомбы (хотя в ней не было конкретных рекомендаций и на ее основании было невозможно изготовить настоящую бомбу).

В России долгое время не было собственной системы рейтингов в отношении компьютерных игр, а фактически использовалась европейская система рейтингов PEGI (Pan European Game Information). При этой системе издатель игры должен заполнить анкету, и игре присваивается соответствующий рейтинг. Контроль соответствия игры рейтингу осуществляют Нидерландский институт классификации аудиовизуальных средств массовой информации (NICAM) и Совет по стандартам видео (VSC).

Только в связи с принятием Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ была введена российская система рейтингов RARS (Russian Age Rating System). Публичная власть не участвует в при-

своении рейтингов, но контролирует соответствие игр рейтингам. При нарушении правил рейтингования на нарушителя возможно возложение административной ответственности до 200 000 рублей. В российском праве выделено четыре возрастных рейтинга в отношении информации и игр в зависимости от их содержания и потенциальной опасности для детей:

– в возрасте до 6 лет;
– в возрасте с 6 лет;
– в возрасте с 12 лет;
– в возрасте с 16 лет [9].

Игровая продукция в соответствии с российским законом подлежит обязательной маркировке с указанием возрастного рейтинга.

3. В сфере компьютерных игр проявляются все **системные проблемы, характерные для интернет-права: идентификация пользователей, выбор юрисдикции, ответственность информационных посредников, пиринговые технологии, автоматизированные действия и пр. [11].**

Так, в онлайн-играх в полной мере проявляется проблема идентификации пользователя в связи с универсальным использованием электронной личности – аватара (вымышленного лица). В случае необходимости возникают трудности в определении истинного лица пользователя в компьютерной игре. В мировой практике сложился широкий круг способов идентификации пользователей: электронная цифровая подпись (простая и квалифицированная), использование идентификации по номеру телефона, электронной почте и СМС-регистрации и многие другие формы установления личности. Китай, к примеру, с 2015 г. ввел запрет на использование в сети вымышленных имен и обязал всех граждан использовать свои подлинные имена.

Не менее сложной выступает проблема выбора юрисдикции – органа правосудия и применимого права в случае споров относительно компьютерных игр, поскольку по определению игра в онлайн-пространстве носит трансграничный характер и не имеет однозначной территориальной привязки.

В мировой литературе в этой части господствует концепция отсутствия суверенитета государства в отношении интернет-пространства. Однако целый ряд стран идет по пути идеи суверенного интернета, пытаясь распространить на сеть свою публичную власть и ограничить информационное воздействие со стороны других стран (КНР, Россия). Единого подхода в выборе юрисдикции в отношении споров, вытекающих из использования интернета, до сих пор нет.

Можно отметить, что в США используется доктрина «минимума контактов», согласно которой при определении места рассмотрения спора и применимого права определяется территория, на которую направлено действие участника интернет-коммуникации. Другим способом определения юрисдикции может быть ограничение прав суверенной власти исключительно теми доменными именами, которые связаны с этой властью.

4. **Одной из самых сложных и в юридическом плане нерешенных вопросов в интернет-праве и праве компьютерных игр выступает проблема виртуальной собственности и оборота виртуального имущества.**

С одной стороны, требуют правового решения вопросы прав на виртуальные объекты в виде доменных имен, сайтов, пользовательского контента в социальных сетях и пр.

С другой стороны, отдельной проблемой выступают правовой режим виртуальных вещей в мире компьютерных игр, их оборот и конвертация на реальном рынке за настоящие, а не виртуальные деньги: моды, лутбоксы, виртуальные артефакты и т. п.

5. **Не менее интересен вопрос налогообложения доходов, полученных от дистрибуции компьютерных игр и продажи внутриигрового имущества и персонажей.**

Очевидно, что организации, которые занимаются продажей игр и предоставлением доступа к онлайн-играм, получают доходы и соответственно подпадают под общие правила налогового законодательства о налогообложении прибыли. В зависимости от целого ряда условий возможно применение как общего режима налогообложения прибыли, так и использование специальных налоговых режимов (например, упрощенной системы налогообложения) [8].

В юридической литературе обсуждается тема введения особого налога на прибыль или НДС по льготному режиму для компаний IT-сектора.

Первым шагом в России стало введение так называемого «налога на Google» – НДС для

иностранных организаций, которые осуществляют действия в отношении российских физических и юридических лиц через интернет и не имеют обособленных подразделений на территории Российской Федерации.

В мире начала наблюдаться конкуренция налоговых режимов за размещение на своей территории технологических компаний с точки зрения предоставления режима преференций по налогам и иным платежам (Intellectual Property Box). В публичном дискурсе стали вноситься предложения о введении специального цифрового налога и налога на зарубежные игровые площадки в виде 5 % от прибыли для финансирования игровых проектов, популяризирующих русскую историю и культуру [5].

С 2021 года в Российской Федерации был введен льготный налоговый режим для IT-компаний. Была снижена ставка по налогу на прибыль с 20 до 3 % от прибыли, а страховые взносы были уменьшены с 14 до 7,6 %.

Тем не менее остается нерешенным вопрос о налогообложении случаев продажи внутриигрового имущества и персонажей. Несмотря на то, что доход физического лица очевиден, сам механизм взимания налога в таком случае до сих пор не определен.

6. **Компьютерные игры вызвали к жизни новый вид спорта – киберспорт как профессиональную деятельность [3].**

Многим может показаться, что классический киберспорт вряд ли нуждается в правовом сопровождении.

Россия оказалась первой страной, в которой еще в 2001 году на официальном уровне профессиональное занятие компьютерными играми было отнесено к киберспорту по распоряжению руководителя Госкомспорта России. Однако в тот момент киберспорт не соответствовал критериям общероссийских видов спорта по причине распространения в меньше чем половине субъектов Российской Федерации.

Новый виток в правовом закреплении статуса киберспорта был связан с Приказом Министерства спорта РФ от 29.04.2016, когда компьютерный спорт был признан официальным видом спорта и включен во Всероссийский реестр видов спорта. К видам компьютерного спорта тогда были отнесены боевая арена, соревновательные головоломки, стратегия в реальном времени и технический симулятор. Позднее виды киберспорта были расширены за счет спортивного симулятора и файтинга.

Приказом Министерства спорта РФ от 22.01.2020 «Об утверждении правил вида спорта “компьютерный спорт”» установлен целый ряд требований к компьютерному спорту, включая антидопинговые правила, допуск к соревнованиям лиц, достигших 14 лет и сдавших нормативы ГТО.

В приказе содержатся определения важных для организации игр терминов: арена, видеоигра, симулятор и пр. Так, компьютерный спорт определяется как «киберспорт, е-спорт, электронный спорт (англ. cybersport, e-Sport, esport, esports, electronic sport) – вид соревновательной деятельности и специальной практики подготовки к соревнованиям на основе компьютерных и/или видеоигр, где игра предоставляет среду взаимодействия объектов управления, обеспечивая равные условия состязаний человека с человеком или команды с командой» [10].

Весьма необычным для юридических целей является квалификация видеоигр данными правилами в качестве спортивного инвентаря, т. е. по сути вещи, хотя это, вне всякого сомнения, результат интеллектуальной деятельности. Оправдать такой подход можно лишь с точки зрения обоснования финансирования приобретения такого инвентаря за счет бюджетных средств для подготовки спортивных команд.

В 2021 году был принят приказ Минспорта РФ «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта “компьютерный спорт”», который установил требования к подготовке киберспортсменов.

Тем не менее остаются неурегулированными вопросы статуса киберспортсменов в качестве работников, особенности их труда, правовых режимов интеллектуальной собственности, правила трансляции видеоигр и т. п. [6; 7].

Несмотря на правовые лакуны, споры с участием киберспортсменов стали попадать в сферу российского правосудия, пока в качестве исключения из общего правила об отсутствии правовых аспектов в игровом пространстве.

Так, Свердловский районный суд г. Белгорода в 2016 году рассматривал заявление Arcade eSports к игроку Ивану Картанкову, который нарушил целый ряд условий договора по участию в командных соревнованиях по Dota 2:

отсутствие на буткемпе, переговоры с другими организациями, беспричинный отказ от использования командного тэга. Суд признал киберспортсмена виновным в нарушении условий соглашения и постановил взыскать с него 115 000 рублей в пользу истца, в команду которого входил игрок [4].

7. **Отдельной гранью игровой индустрии выступает правовое регулирование отношений между разработчиками и продавцами игр в части использования исключительных прав, режима служебных произведений.**

В данной части на отношения разработчиков игр и игровых платформ распространяются нормы гражданского права относительно договоров на отчуждение исключительных прав авторов.

Такие договоры позволяют игровым дистрибьюторам законным образом с согласия авторов-разработчиков тиражировать компьютерные игры, предоставлять доступ к онлайн-играм. Если создание компьютерной игры за вознаграждение поручается разработчику, то возможно обличение данных взаимоотношений в форму договора авторского заказа. Наконец, если разработчик создает компьютерные игры в рамках своих трудовых обязанностей, то в отношении игры применяется режим служебного произведения (право на исключительные права признается за работодателем, возможны особые условия по вознаграждению в случае разработки компьютерной игры и т. п.).

8. Одной из серьезных проблем правового регулирования компьютерных игр выступает **юридическая охрана персональных данных,** которые предоставляются игроками в ходе использования игры (данные банковских карт, данные счетов, иная частная информация).

Приходится констатировать, что операторы компьютерных онлайн-игр неспособны надлежащим образом защитить персональные данные, и периодически возникают случаи утечки персональных данных. Очевидно, что потерпевшие вправе требовать восстановления их нарушенных прав в соответствии с законодательством о персональных данных.

9. Одной из наиболее сложных в социальном и правовом отношении проблем компьютерных игр выступает **манипулирование разработчиками и операторами компьютерных игр пристрастием к игре (аддикцией).**

10. **Наконец, одной из перспективных и новых сфер преломления игровых практик в юриспруденции выступает использование игр как пространства правовых экспериментов для оценки эффективности тех или иных правовых институтов.**

Таким образом, компьютерные игры представляют собой разновидность виртуальных миров как пространства воображения человеческого сознания, созданного с помощью технических средств.

Вместе с тем, несмотря на виртуальность, компьютерные игры порождают ряд реальных правовых споров, которые, вследствие пробелов в правовом регулировании, зачастую не имеют внятного разрешения.

Литература

1. *Андреев, Н. Ю.* Субъективный учебник по праву компьютерных игр [Электронный ресурс] / Н. Ю. Андреев // ООО Издательская группа «Закон». – URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/4/subektivnyj_uchebnik_po_pravu_kompyuternyh_igr_vvedenie_i_paragraf_pervyj (дата обращения: 27.10.2022).

2. *Архипов, В. В.* Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики [Текст] / В. В. Архипов // Закон. – 2015. – № 11. – С. 61–69.

3. *Архипов, В. В.* Киберспортивное право: миф или реальность? [Текст] / В. В. Архипов // Закон. – 2018. – № 5. – С. 80–92.

4. В России впервые осудили киберспортсмена за нарушение условий контракта [Электронный ресурс] // DOTA2.net. – URL: https://dota2.net/news/6974-v-rossii-vpervye-osudili-kibersportsmena-za-narushenie-usloviy-kontrakta (дата обращения: 27.10.2022).

5. *Васильев, А. А.* Особенности налогообложения производителей компьютерных игр: перспективы установления нового «цифрового налога» [Текст] / А. А. Васильев, Е. А. Реммих, В. А. Борисов // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 4. – С. 13–19.

6. *Васильев, А. А.* Проблемы правового регулирования киберспорта в России и за рубежом [Текст] / А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова // Актуальные проблемы спортивного права: российский и зарубежный опыт : сборник материалов Всероссийского круглого стола (с международным участием). – Барнаул, 2021. – С. 23–30.

7. *Коваленко, Е. Ю.* Правовое регулирование киберспорта в России и некоторых странах Азии [Текст] / Е. Ю. Коваленко, Н. В. Тыдыкова, А. К. Кусаинова // Российско-азиатский правовой журнал. – 2021. – № 3. – С. 51–57.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Текст] : федеральный закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.08.2000. – №32. – Ст. 3340.

9. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Текст] : федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 48.

10. Об утверждении правил вида спорта «компьютерный спорт» [Электронный ресурс] : приказ Министерства спорта РФ от 22.01.2020 // Министерство спорта РФ. – URL: https://www.minsport.gov.ru (дата обращения: 27.10.2022).

11. *Шобей, Л. Г.* Системные правовые проблемы современного интернет-пространства [Текст] / Л. Г. Шобей, П. А. Чернова // Экономика. Право. Общество. – 2019. – № 3. – С. 69–74.

References

1. *Andreev, N. Yu.* Subjective textbook on the law of computer games [Electronic resource] / N. Yu. Andreev // LLC Publishing Group Law. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/4/subektivnyj_uchebnik_po_pravu_kompyuternyh_igr_vvedenie_i_paragraf_pervyj (date of application: 27.10.2022) [in Russian].

2. *Arkhipov, V. V.* Intellectual property in the industry of computer games: problems of theory and practice [Text] / V. V. Arkhipov // Law. – 2015. – No. 11. – P. 61–69 [in Russian].

3. *Arkhipov, V. V.* Cybersport Law: Myth or Reality? [Text] / V. V. Arkhipov // Law. – 2018. – No. 5. – P. 80–92 [in Russian].

4. For the first time in Russia, an esportsman was convicted for violating the terms of the contract [Electronic resource] // DOTA2.net. – URL: https://dota2.net/news/6974-v-rossii-vpervye-osudili-kibersportsmena-za-narushenie-usloviy-kontrakta (date of application: 27.10.2022) [in Russian].

5. *Vasiliev, A. A.* Features of taxation of computer game manufacturers: prospects for establishing a new “digital tax” [Text] / A. A. Vasiliev, E. A. Remmikh, V. A. Borisov // Russian-Asiatic Legal Journal. – 2020. – No. 4. – P. 13–19 [in Russian].

6. *Vasiliev, A. A.* Problems of legal regulation of cybersport in Russia and abroad [Text] / A. A. Vasiliev, Yu. V. Pechatnova // Actual problems of sports law: Russian and foreign experience : collection of materials of the All-Russian round table (with international participation). – Barnaul, 2021. – P. 23–30 [in Russian].

7. *Kovalenko, E. Yu.* Legal regulation of cybersport in Russia and some Asian countries [Text] / E. Yu. Kovalenko, N. V. Tydykova, A. K. Kusainova // Russian-Asian legal journal. – 2021. – No. 3. – P. 51–57 [in Russian].

8. The Tax Code of the Russian Federation (Part Two) [Text] : Federal Law of 05.08.2000 No. 117 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 07.08.2000. – No. 32 (date of application: 27.10.2022) [in Russian].

9. On the protection of children from information harmful to their health and development [Text] : Federal Law of 29.12.2010 No. 436 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 03.01.2011. – No. 1 (date of application: 27.10.2022) [in Russian].

10. On the approval of the rules of the sport “computer sports” [Electronic resource] : order of the Ministry of Sports of the Russian Federation of 22.01.2020 // Ministry of Sports of the Russian Federation. – URL: https://www.minsport.gov.ru (date of application: 27.10.2022) [in Russian].

11. *Shobey, L. G.* Systemic legal problems of the modern Internet space [Text] / L. G. Shobey, P. A. Chernova // Economics. Right. Society. – 2019. – No. 3. – P. 69–74 [in Russian].

Поступила в редакцию 01.11.2022
Received November 01, 2022

УДК 340
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-4

Доронина Наталья Георгиевна,
Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, и.о. заведующего отделом международного частного права, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ», 117218, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34, email: office2@izak.ru

Doronina, Natalia G.,
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Acting Head of the Department of International Private Law, Federal State Research Institution 'The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation', 34 Bolshaya Cheryomushkinskaya Str., Moscow, 117218, Russian Federation, email: office2@izak.ru

Семилютина Наталья Геннадьевна,
доктор юридических наук, главный научный сотрудник, Отдел сравнительно-правовых исследований ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ», 117218, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34; профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева, МГИМО МИД РФ, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, email: foreign3@izak.ru

Semilyutina, Natalia G.,
Doctor of Law, Chief Researcher, Department of Comparative Legal Studies, Federal State Research Institution 'The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation', 34 Bolshaya Cheryomushkinskaya Str., Moscow, 117218; Professor at the S. N. Lebedev Department of International Private and Civil Law, MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation, email: foreign3@izak.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА В РОССИИ: ВИЗАНТИЙСКАЯ МОДЕЛЬ *

♦

PECULIARITIES OF RECEPTION OF THE ROMAN LAW IN RUSSIA: THE BYZANTINE MODEL

АННОТАЦИЯ. Противоречивость оценок и итогов развития западной традиции права обуславливается стремительностью перемен, произошедших в 90-е годы XX века, связанной с быстрой сменой ценностей и векторов развития, имевших место, по своему существу сравнимых с падением Западной Римской империи. Для выяснения справедливости, обоснованности взаимоисключающих оценок представляется необходимым рассмотреть как путь формирования «западной модели», так и возможные альтернативы и иные направления развития права и правосудия в историческом и современном отражении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Византийская модель; цивилизационный выбор; ценности; культурно-исторические корни.

ABSTRACT. Contradictory evaluations and outcomes of the development of the Western legal tradition are conditioned by the rapid changes, which took place in the 1990s and were connected with a fast change of values and vectors of development, which in their essence were comparable to the fall of the Western Roman Empire. To clarify the fairness and validity of the mutually exclusive assessments it seems necessary to consider both the way of formation of the 'Western model' and possible alternatives and other directions of development of law and justice in the historical and contemporary reflection.

KEYWORDS: Byzantine model; civilizational choice; values; cultural and historical roots.

© Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

***Доронина, Н. Г.* Особенности рецепции римского права в России: Византийская модель [Текст] / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 33–38. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-4.**

FOR CITATION:

Doronina, N. G. Peculiarities of Reception of the Roman Law in Russia: the Byzantine Model [Text] / N. G. Doronina, N. G. Semilyutina. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 33–38 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-4.

** Статья подготовлена на основании выступления авторов на Секции кафедры международного права «Международное право и цивилизационный выбор России в XXI веке» в рамках Ежегодной Международной научно-практической конференции «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2022», организованной Южным федеральным университетом 28 октября 2022 г.*

1. Принято считать, что Россия исторически рецепировала (заимствовала) романо-германскую модель права по мере своего сближения с Западной Европой, которая, начиная с реформ Петра I, рассматривалась в качестве «цивилизованного мира», обладающего глубокими научными познаниями, техническими достижениями и представлениями о справедливой, правильной, а следовательно, надлежащей и единственно-возможной организации общества. Между тем такое представление о т. н. западной традиции права представляется не вполне правильным. По образному выражению Р. Иеринга, «три раза Рим диктовал миру законы, три раза приводил народы к единству: в первый раз, когда римский народ был еще в полной силе – к единству *государства*; во второй раз после того, как этот народ уже исчез – к единству *церкви*; в третий раз – вследствие усвоения римского права в средние века – к единству права; в первый раз внешним принуждением – силой оружия, два другие раза – силою духа» [2, с. 1]. Однако данное суждение не отражает некоторых деталей.

Прежде всего, совершенство римского права, в полной мере отраженное в Дигестах Юстиниана, является творением не столько собственно римских юристов, сколько творением юристов из Константинополя. Как известно, в V в. Римская империя окончательно распалась на две половины – Восточную и Западную. При этом Западная половина подвергалась регулярным атакам варварских племен, пока «в 476 году случилось, наконец, событие, известное под громким названием падения западной римской империи и состоящее в том, что предводитель герулов Одоакр заявил семнадцатилетнему императору Ромулу Августулу о необходимости тотчас же отказаться от престола и уехать в поместье» [9, с. 3–4]. В Восточной же части империи, Византии, в это время велась работа по систематизации и кодификации законодательства. В итоге в 530 г. император Юстиниан поручил юристу Требониану систематизировать накопившиеся законы, для чего была сформирована комиссия из ученых Константинопольской академии и адвокатов-практиков [7]. Таким образом, римское право является столько же римским, сколько константинопольским, а точнее – византийским. Следует заметить также то, что различия в традициях права – Западной и Восточной – имеют не только и не столько географический, сколько идеологический, мировоззренческий характер.

2. Византийцы действительно и не без оснований настойчиво возводили свою государственность к римскому корню, оговаривая при этом, что их Рим – «новый», «второй». При этом от «первого Рима» византийцы унаследовали «тенденцию отождествлять империю со всем миром»: «даже законы Юстиниана, несмотря на то, что имели конкретных дестинаторов, адресовались “всему земному шару”» [5, с. 12]. При этом «в то время как Византия сохранила систему ненаследственной централизованной монархии, хотя бы и формально обеспечила **конституитет римской государственности** (*выделено нами. – Авт.*), на развалинах Западной Римской империи возник чуждый этой государственности и отрицающий ее мир бесчисленного множества аморфных в политическом отношении образований» [5, с. 7].

Второй особенностью Византизма помимо выраженного этатизма, то есть понимания значения централизованной государственной власти являлось также понимание значения необходимости присутствия высшего духовного начала. В этом смысле на Pax Romana (в том

числе с учетом Византийской редакции) «наслаивается» Pax Christiana [5, с. 12].

Проблема «одухотворения» (обожествления) власти имеет два аспекта: внешний и внутренний. Внешний требует юридического анализа и оценки принципа территориальности. В самом деле, в истории известны случаи выхода власти за пределы контролируемой властью территории. Например, влияние власти Папы выходило за пределы Ватикана, Византии – за пределы Константинополя, отмечались и иные случаи своего рода «экстерриториальности».

Так, на территории Западной Европы даже после образования Священной римской империи сохранялась множественность моделей правосудия, включающих в себя как модели формирующихся светских варварских государств, так и иные внегосударственные, «глобальные» вне-национальные системы правосудия. Речь идет, в частности, о системе канонического права и модели канонического правосудия, о системе торгового права (jus mercatorum или jus mercaturae), формировавшейся в Средние века, в качестве специальной «сословной» отрасли частного права в рамках национальных правовых систем[1]. В этом jus mercatorum отличается от современной концепции вне- или наднационального lex mercatoria в современной правовой доктрине. Как система канонического, так и система торгового права, с одной стороны, не имели определенной территориальной привязки, равно как и тесной связи с идеями территориального суверенитета власти[2]. В этом случае изучение и анализ такого влияния и его механизмов оказываются весьма актуальными и в современных условиях, в том числе при применении санкций, реализации идей «русского мира» и др.

Внутренний аспект «боговдохновленности» власти состоит не только и не столько в реализации принципа «нет власти не от Бога». Речь идет о взаимных обязанностях власти перед подданными и подданных перед властью. В Западной Европе «произошла приватизация государства, низведение его до ранга res private военного вождя, его родовой собственности и соответственно как бы одомашнивания (доместикации) государственных служб» [5, с. 7]. При этом обладание властью определяется «не свыше», а решением большинства подвластных, то есть демократическим способом. Таким образом, государь отвечает не перед Богом, а перед его избравшими подданными, которых он, таким образом, оказывается обязанным «ублажать» и потворствовать их разврату[3].

Наконец, **третьей особенностью** византийской правовой традиции является стремление объединить различные народы под единой крышей государственности. «Если раньше право римского гражданства и привилегии жаловались индивидуально, то Юстиниан своей новеллой ввел коллективное гражданство целых народностей, предпосылками которого было обращение в христианство, признание суверенитета императора, принятие на себя всех обязанностей, подобавших подданным императора и прежде всего жить в соответствии с нормами римского права» [5, с. 11]. На территории западной части Империи сменивший захватившего Рим Одоакра Теодорих ввел методы управления и административного устройства, полностью заимствованные из римского устройства. Стремясь создать единую нацию, единый народ через объединение готов и римлян, Теодорих, тем не менее, был вынужден разделить население на «готов», воинов, живших в соответствии с варварскими

[1] «Наивысшего развития идея самостоятельного торгового права достигает во французско-германском периоде, обнимающем собой девятнадцатое столетие. Вот почему эта эпоха по преимуществу названа периодом торгового права, в отличие от jus mercatorum и даже jus mercatutae статутов и итальянских коммерциалистов. Второй период в развитии идеи специального торгового права является выдающимся как по законодательным работам, так и по блестящему развитию европейской литературы торгового права. Этот период стоит в тесной связи с предыдущим и в то же время подготовляет своим крайним развитием совершающуюся на наших глазах реакцию в идее самостоятельного торгового права». – См.: [12, с. 53].

[2] Следует оговориться, однако, что каноническое право применительно к странам Западной Европы имело связь с территорией Ватикана (Папской области); однако юрисдикция канонических судов выходила за рамки государства Папы с учетом того, что Церковь «имеет непосредственно божественное происхождение; она существует jure divino и с тем вместе уполномочена действовать сообразно своему внутреннему существу и исключительному назначению, независимо от какого-либо мирского авторитета по времени и месту. Она развивалась во враждебном ей римском государстве и всегда и везде требует, чтобы *божие принадлежало Богу*». – См.: [6, с. 346].

[3] Наиболее последовательно эти идеи получили отражение в полемике Ивана Грозного и князя А. Курбского.

обычаями, и гражданское римское население, именовавшееся private (частные люди). Каждая из групп жила по своим законам и имела свои суды. «Несмотря на усилия Теодориха как-нибудь смягчить, сгладить отличия победителей от побежденных, удасться в полной мере это ему не могло» [11, с. 3–4].

Падение и разрушение Римской империи привело к разрушению единого правового пространства и порядка, который стал вытесняться правовыми порядками многочисленных племен и народов, начавших заселять территорию, прежде всего, Западной Римской империи. Для управления в таких условиях применяется принцип «разделяй и властвуй», достигающий своего апогея в националистической идеологии, периодически захлестывающей именно страны Западной Европы, рецепировавших римскую, а не византийскую модель.

3. Приняв христианство во времена правления князя Владимира, Русское государство сделало свой цивилизационный выбор в пользу христианства. Напомним, что православие считалось христианской религией Византизма, в то время как папизм и католичество к христианству не относились. Падение Константинополя в 1453 г., Флорентийская уния, отвергнутая как на западе, так и на востоке[1], дали основания для развития доктрины «Москва – Третий Рим»[2]. Как раз на это время приходится период правления российского царя Ивана IV Грозного (1533–1584 гг.), ставший переломным для развития современной цивилизации. Внешним проявлением такого осознания роли Московского княжества как центра восстанавливаемого и создаваемого заново государства стало изменение титулования московского князя, отразившее понимание княжеской власти как подобной власти кесаря, вдохновляемой и благословляемой волей Божьей.

Наиболее полным образом идея Ивана Грозного относительно самодержавия была вербализована в эпистолярном наследии, в частности в переписке с А. Курбским. Здесь нельзя не согласиться с Я. С. Лурье в том, что переписка Грозного с Курбским принадлежит к числу самых известных памятников древнерусской литературы, но смысл и назначение той переписки, ее место в истории общественной мысли недостаточно исследованы [3]. Для юриста эпистолярное наследия царя Ивана IV имеет ценность в смысле практической реализации идей и воззрений авторов, выраженных в письмах, в конкретные правовые решения и акты, повлиявшие на систему государственного устройства.

4. Попытка сближения со странами Запада, начавшаяся после Смутного времени с воцарением династии Романовых, достигла высшей ступени при императоре Петре I. В дальнейшем Россия стремительно пыталась догнать западные страны. Со времен Петра, по образному выражению Г. Ф. Шершеневича, «Россия была вынуждена скачками догонять Европу» [13, с. 3]. Однако, догоняя Европу, Россия сохраняла изначально сделанный цивилизационный выбор, который предопределил современное развитие, т. е. может основываться на выборе либеральной модели, базирующейся на западноевропейской модели римского права, либо на иной – условно именуемой византийской или этато-центричной модели.

Обе модели обладают своими преимуществами и недостатками, корни которых лежат в сделанном ранее цивилизационном выборе. Идея общечеловеческой солидарности рассматривается как следствие признания права на существование как «первого серьезного шага к поднятию общества на уровень современных

[1] В 1438 г. в Ферраре и во Флоренции был созван собор с целью оформления унии Православной Восточной церкви с Римской. «По иронии судьбы одним из главных виновников этой Флорентийской унии стал Митрополит Исидор (1436–1441), последний на Руси Митрополит грек из Византии». Флорентийскую унию не приняли ни на православном востоке, ни в Москве. Митрополит Исидор по велению князя Василия Темного был низложен и заточен в Чудовом монастыре в Кремле, а позже бежал в Рим, где получил звание кардинала.

[2] «Впервые пророчество о Москве как о Третьем Риме было произнесено иноком Филофеем, старцем Псковской Елизарьевской пустыни, еще в царствование Василия Иоанновича, отца Грозного. “Да весияко все христианские царства приидоша в конец, – говорил он государеву дьяку Мунехину, псковскому наместнику, – и сниидошася в едино царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти”» – См.: [10, с. 75].

Следствием осмысления этой идеи стала «мысль о превосходстве русского православия над греческим»: «Вси царства православныя христианьские снидошася в твое едино царство, един ты во всей поднебесной христианом царь». Так писал старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей Василию III (1514–1521 гг.), сформулировав взгляд на московскую державу как на средоточие всего православного мира. – См.: [9, с. 198].

этических требований. Осуществим ли этот шаг при сохранении частно-правовой организации народного хозяйства или нет, покажет будущее; во всяком случае, только признание права на существование может еще дать нравственную поддержку для сохранения этой организации» [8, с. 321].

Ученые уже к началу 90-х гг. XX в. признавали наличие кризиса западной традиции права. «Кризис западной традиции права – не просто кризис философии права, но и кризис самого права. Философы права всегда спорили и будут спорить о том, основано ли право на разуме и морали или только на воле политического правителя. Не обязательно разрешить этот спор, чтобы прийти к заключению, что фактически в истории правовые системы всех стран, наследующих западную традицию права, коренятся в определенных убеждениях или постулатах, иначе говоря, сами правовые системы исходили из справедливости этих убеждений. Сегодня эти убеждения или постулаты, такие как структурное единство права, его продолжающийся характер, его религиозные корни, его трансцендентные качества, стремительно исчезают, и не только из умов философов, не только из представлений законодателей, судей, адвокатов, преподавателей права и других юристов, они исчезают из сознания большинства граждан, народа в целом, и, более того, они исчезают из самого права. Право становится более фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем на мораль, оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности преемственности. Так в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться» [1, с. 53].

Противоречивость оценок и итогов развития западной традиции права обуславливается стремительностью перемен, произошедших в 90-е годы XX века, связанной с быстрой сменой ценностей и векторов развития, имевших место, по своему существу сравнимых с падением Западной Римской империи. Для выяснения справедливости, обоснованности взаимоисключающих оценок представляется необходимым рассмотреть как путь формирования «западной модели», так и возможные альтернативы и иные направления развития права и правосудия в дальнейшем.

Анализ культурно-исторических корней юридических традиций, правовых семей или «правовых линий» позволяет говорить о культурных, а точнее – философских линиях, составляющих цивилизации, «которые в отличие от множества преходящих культур, сосредоточенных на себе и своем благе, одержимых намерением подчинить “вся и всех” собственному преуспеванию, открыты для широкого общения с миром в интересах человечества» [4, с. 5]. В настоящее время мы оказались опять перед новым выбором, касающимся уже всего человечества.

Литература

1. *Берман, Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования [Текст] / Г. Дж. Берман ; пер с англ. – Москва : Изд-во МГУ, 1994.

2. *Иеринг, Р.* Дух римского права на разных ступенях его развития, Часть первая [Текст] / Р. Иеринг. – Санкт-Петербург, 1875.

3. *Лурье, Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси [Текст] // Первое послание Ивана Грозного Курбскому (перевод) Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград : Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1979. – С. 214–249.

4. *Мальцев, Г. В.* Культурные традиции права [Текст] / Г. В. Мальцев. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2013.

5. *Медведев, И. П.* Правовая культура Византии [Текст] / И. П. Медведев. – Санкт-Петербург : Алетейа, 2019. – 516 с.

6. *Павлов, А. С.* Курс церковного права [Текст] / А. С. Павлов. – Санкт-Петербург : Лань, 2002.

7. *Покровский, И. А.* История римского права [Текст] / И. А. Покровский. – Петроград, 1918. – §§ 38–39. – С. 170–183.

8. *Покровский, И. А.* Основные проблемы гражданского права [Текст] / И. А. Покровский. – Москва : Статут, 1998.

9. *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви [Текст] / Р. Г. Скрынников. – Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1991. – 397 с.

10. *Снычев Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Самодержавие духа. Очерки русского самопознания [Текст] / Иоанн Снычев ; отв. ред. О. Платонов. – Изд. 2-е. – Москва : Институт русской цивилизации, 2017. – 528 с.

11. *Тарле, Е. В.* История Италии в Средние века [Текст] / Е. В. Тарле. – Изд-е 3-е. – Москва : Едиториал УРСС, 2010.

12. *Удинцев, В. А.* История обособления торгового права [Текст] / В. А. Удинцев. – Киев, 1900.

13. *Шершеневич, Г. Ф.* Наука гражданского права в России [Текст] / Г. Ф. Шершеневич. – Казань, 1893.

References

1. *Berman, G. J.* The Western tradition of Law: the epoch of formation [Text] / G. J. Berman ; translated from English. – Moscow : Publishing House of Moscow State University, 1994 [in Russian].

2. *Iering, R.* The spirit of Roman law at different stages of its development. Part One [Text] / R. Iering. – St. Petersburg, 1875 [in Russian].

3. *Lurie, Ya. S.* Correspondence of Ivan the Terrible with Kurbsky in the public thought of Ancient Russia [Text] // The first Epistle of Ivan the Terrible to Kurbsky (translation). Correspondence of Ivan the Terrible with Andrey Kurbsky, ed. by D. S. Likhachev. – Leningrad : Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1979. – P. 214–249 [in Russian].

4. *Maltsev, G. V.* Cultural traditions of law [Text] / G. V. Maltsev. – Moscow : Norma: INFRA-M Publ., 2013 [in Russian].

5. *Medvedev, I. P.* The legal culture of Byzantium [Text] / I. P. Medvedev. – St. Petersburg : Alethea Publ., 2019. – 516 p. [in Russian].

6. *Pavlov, A. S.* Course of Church law [Text] / A. S. Pavlov. – St. Petersburg : Lan' Publ., 2002 [in Russian].

7. *Pokrovsky, I. A.* The History of Roman law [Text] / I. A. Pokrovsky. – Petrograd, 1918. – §§ 38–39. – P. 170–183 [in Russian].

8. *Pokrovsky, I. A.* The main problems of civil law [Text] / I. A. Pokrovsky. – Moscow : Statute Publ., 1998 [in Russian].

9. *Skrynnikov R. G.* The state and the church in Russia of the XIV–XVI centuries: Ascetics of the Russian Church [Text] / R. G. Skrynnikov. – Novosibirsk : Nauka. Sib. department, 1991. – 397 p. [in Russian].

10. *Ioann Snychev, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga.* The autocracy of the spirit. Essays of Russian self-knowledge [Text] / Ioann Snychev ; ed. by O. Platonov. – Ed. 2. – Moscow : Institute of Russian Civilization, 2017. – 528 p. [in Russian].

11. *Tarle, E. V.* History of Italy in the Middle Ages [Text] / E. V. Tarle. – Ed. 3. – Moscow : Editorial URSS Publ., 2010 [in Russian].

12. *Udintsev, V. A.* The history of the separation of commercial law [Text] / V. A. Udintsev. – Kiev, 1900 [in Russian].

13. *Shershenevich, G. F.* The science of civil law in Russia [Text] / G. F. Shershenevich. – Kazan', 1893 [in Russian].

Поступила в редакцию 06.11.2022
Received November 06, 2022

УДК 321.6; 327; 316.022
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-5

Исаев Игорь Андреевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, заведующий кафедрой
истории государства и права, Московский
государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
125933, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9,
email: iaisaev@msal.ru

Isaev, Igor A.,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of History of State
and Law of the O. E. Kutafin Moscow State
Law University (MSLA),
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow,
125933, Russian Federation,
email: iaisaev@msal.ru

Румянцева Валентина Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры истории государства и права,
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
125933, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9,
email: valentinarum@mail.ru

Rumyantseva, Valentina G.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of History of State and Law of the O. E. Kutafin
Moscow State Law University (MSLA),
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow,
125933, Russian Federation,
email: valentinarum@mail.ru

ПРАВЯЩЕЕ МЕНЬШИНСТВО: ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

♦

THE RULING MINORITY: POSSIBLE PROSPECTS

АННОТАЦИЯ. За великими государствами стоят малозаметные серые кардиналы. История государства показывает нам, что так было и будет всегда. Впрочем, есть и исключительная власть, скрытая, которая не подлежит просто научному познанию. Вполне вероятно, что правящая власть – изобретение тайной власти, прячущейся под сенью ложных политических элит, формируемых на основе ограниченного круга и случайных критериев, таких, например, как обладание мировыми ресурсами. Одновременно существовали и существуют малые общества, господствующие над нами. Правдивая и ложная информация о них осколками разбросана на страницах литературы разных жанров. Верить или нет – неразрешимая дилемма. В статье предпринята попытка осознания тайны власти – правящего меньшинства – с позиции историко-правового и политико-правового анализа. Сама политическая элита в виде тайных обществ строится на некоем мифологизированном интеллектуальном превосходстве, сакральности знаний, которые она охраняет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история государства; государство; общество; политика; власть; тайна власти; правление; управление; политическая элита; правящее меньшинство; тайное общество.

ABSTRACT. Behind the great states there are inconspicuous gray cardinals. The history of the state shows us that this has always been and will always be the case. However, there is also an exclusive power, hidden, which is not subject to scientific knowledge. It is likely that the ruling power is an invention of secret power, hiding under the shadow of false political elites formed on the basis of a limited circle and random criteria, such as, for example, the possession of the world resources. At the same time, there were and still are small societies dominating us. True and false information about them is scattered in fragments on the pages of literature of different genres. To believe or not is an unsolvable dilemma. The article attempts to understand the mystery of power – the ruling minority – from the standpoint of historical and legal and political-legal analysis. The political elite itself, in the form of secret societies, is built on a kind of mythologized intellectual superiority, the sacredness of the knowledge that it protects..

KEYWORDS: history of the state; state; society; politics; power; the secret of power; government; management; political elite; ruling minority; secret society.

© И. А. Исаев, В. Г. Румянцева, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Исаев, И. А. **Правящее меньшинство: возможные перспективы [Текст] / И. А. Исаев, В. Г. Румянцева // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 39–44. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-5.**

FOR CITATION:

Isaev, I. A. The Ruling Minority: Possible Prospects [Text] / I. A. Isaev, V. G. Rumyantseva. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 39–44 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-5.

Планы настоящей политической элиты обывателю не постичь. Немыслимо разгадать тайны правителей миропорядка, ибо влияние власти чем глубже, тем менее осязаемо.

Правящее меньшинство никогда не будет вторгаться в профанное пространство, руководить обществом открыто. Истоки тайного могущества – в чистой интеллектуальности, интенсифицируемой через концентрацию в единстве принципа и силы самой истины.

Во всяком большом обществе, замечает Огюстен Кошен, как бы само собой образуется другое – малое, более активное и организованное, которому не составит труда управлять большим без его ведома. Вся система политического меньшинства (кружки, клубы, ложи) базируется на законе социальной практики, согласно которому любой официальной процедуре предшествует подготовительное обсуждение среди исключительных лиц. «Посвященные» – узкая, объединенная, все ясно видящая группа, противоположная «непосвященным» – большой общности (народу). Политические методы, или, иначе, королевское искусство, воздействовали на массу внешне, бессознательно. Когнитивность превращалась в машину, что давало:

– «*обеспечение общественного порядка без нарушения анархических принципов*»;

– правоверность без веры;

– дисциплину, установленную без лояльности [5, с. 246].

В XVIII в. просвещенный абсолютизм способствовал процессу интеграции большого общества в государство. Постепенно даже анархический индивидуализм становится вполне креативным, переходя от бунта к революции, вместо передела мира завоевывая и порабощая его. «*Эта революция будет осуществлена небольшим числом людей для немногих, а не всеми и для всех*» [2, с. 557]. Тогда анархия может непосредственно соединиться с порядком в форме единства руководства и единства общественного мнения.

Кроме того, могучая индивидуальность («сверхчеловек») оказывается в состоянии преобразовать нововременной анархический дух путем организации и институционального утверждения внутри самого общества. Целью же здесь является поглощение большого общества другим – победоносным, активным, агрессивным, однако тайным. Так устанавливается и распространяется по всему свету царство господ – привилегированная форма героизма.

Исторически малые общества включались в единое государство-общество и попадали в сферу общего нормирования государственным правом. Принцип объединения индивидов переходил в принцип объединения членов государства. И все ради одной цели: сословное общество превращалось в современное стратифицированное государственное общество, корпоративное право – в государственное право.

Статичность, упорядоченность, административная и официальная сплоченность большого общества инспирированы динамическим, беспорядочным, таинственным ферментом малого общества. Связанная с социальной консолидацией сакральность, диктующая правила поведения, подвергается давлению сакральности иного рода, нарушающей порядок резко и насильственно. То будет «*сакральное, которое растрачивает, которое само растрачивается (оргиастическое сакральное)*» [6, с. 156], или же, на юридическом языке, чрезвычайное положение.

Идея двух реальностей и двух властей – зримой (по факту мнимой) и скрытой (по факту истинной) – пробуждает конспирологические теории заговора или… чрезвычайного положения. Последнее служит базовым понятием политической теологии и теологии как таковой. У Карла Шмитта чрезвычайное положение есть секулярная эманация чуда:

«*Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии*» [14, с. 56].

В целом области политического и религиозного смешиваются, различий между церковью и

светским обществом более нет. Арнольд Тойнби прямо называет религию одним из ведомств политики, притом что сами институты («*совершенные отражения нравственного несовершенства человеческой природы*», «*социальные продукты первородного греха*» [8, с. 554]) всегда будут управляться секулярной рукой.

Для Джорджо Агамбена Провидение, как и управление, предстает в качестве машины, функция которой заключается в слиянии двух фрагментов – царства и славы – в единство божественного управления миром:

«*…Современное Государство наследует оба аспекта теологической машины управления миром и выступает как в роли Государства-провидения, так и в роли Государства-судьбы*» [1, с. 238–239].

Управленческая природа амбивалентна: государство облачается то в царское платье Провидения, то в зловеще невзрачное министерское одеяние фатума. В первом случае государство творчески законодательствует «*трансцендентным и универсальным образом*», даруя массам свободу и свою заботу, во втором – жестко и неуклонно выполняет «*провиденциальные предписания и низвергает непослушных индивидов в неумолимое сцепление имманентных причин и следствий*» [1, с. 239].

Необычное чаще всего находится вне правового поля, но указывает на нарушение естественного порядка жизни общества, при этом выступая как форма высшей законности, более весомой, чем ее грубое подобие, то есть придуманные государями законы. Нормативная система не в состоянии охватить всю реальность. Законность – обязательное дополнение к норме, она охватывает всю сферу «нормального». В условиях определенных обстоятельств государство полагает, что находится в опасности, и берет на себя право законной самозащиты, тогда «*непрочная граница между нормой и законностью нередко стирается*» [4, с. 112]. Данный посыл оправдывает афоризм Пьера Шаррона: «*Чтобы сохранить справедливость в большом, необходимо иногда отклоняться от нее в малом*» [10, с. 366].

Вообще в XVII в., в эпоху религиозных войн и поисков европейского равновесия, появилась политическая новелла – «бесконечное управленчество». Государства начинают руководствоваться необходимостью, а не династической или религиозной легитимностью. Мишель Фуко описывает это так:

«*Государство, государственный интерес, необходимость, угроза государственного переворота – все это образует новый трагический горизонт политики и истории*» [10, с. 371].

Добрый пастырский нрав государства мутирует в театральную и трагическую жестокость. Вечные угрозы и сомнения толкают государство думать только о себе, заставляя народ смиряться с его насилием и ставить превыше всего государственный интерес. А потому политика никогда не войдет во внутреннее содержание законности или системы законов. Зачастую приходится, считает Габриэль Ноде, «*пользоваться справедливостью поверхностной, частичной, политической, созданной ради потребностей городов и государств*» [10, с. 366]. Политика связана с необходимостью. «*Необходимость делает законы немыми*, – пишет Карден Ле Бре. – *Необходимость прекращает все привилегии, чтобы подчинить себе весь мир*» [10, с. 345–346].

Государство решает само, что есть норма и нормальность, беспрепятственно влияет на норму, словно на правовое поле. По оценке Люка Болтански, подобные действия, «*характерные для чрезвычайного положения, упраздняют принципы законности*» [4, с. 113]. Необычное выделяется на фоне «нормального», вызывая тревогу граждан правопослушных, со стандартным представлением о норме.

Итак, управление демонстрировало свое экзистенциальное отношение к тайне. Отсюда смешение «управленческих» терминов mysterium и ministerium, постоянно используемое схоластикой. Сам категориально-понятийный аппарат администрирования и управления разрабатан ангелологией. Как «ангельская бюрократия» Дионисия Ареопагита предвосхитила в своем иерархическом совершенстве бюрократию человеческую, так и «небесная тайна» предшествует тайне земной, наследуя таинственную природу у своей теологической модели, хотя Тертуллиан, напротив, назначает идеалом ангельского служения управление земной монархией [1, с. 263]. Бог управляет миром лишь посредством универсальных и понятных законов, не как пастырь, но безраздельно царствует на общих принципах, а государственно-правовая детализация – дело рук человеческих.

Реальность – целостность, созданная с помощью претендующих на универсальность правил, процедур, знаний, признанных институциями, формирующими их очертания, – породила явление биополитики. Конвергенция этатистского проекта и научно-технического развития позволила синтезировать комбинации из законов техники, социальных и экономических принципов, с одной стороны, и законов парламента, министерских постановлений, полицейских мероприятий, с другой. На свет явился ансамбль, составленный из всего множества населения, объектов, норм (официальных и неофициальных), существующих в границах национального государства [4, с. 68–69].

Если первичная организация общества не может соответствовать реальности, позволительно обратиться к его второстепенной, скрытой организации. Под ней Жорж Батай понимает «*средство, доступное тем, кто почувствовал необходимость навязать другим людям свою власть*» [7, с. 152]. Особая активность избранных наступает во времена кризисов, чрезвычайных ситуаций: потрясения возвращают стареющему официальному обществу молодость и жизнь. Роже Кайуа допускает публичный характер таких ассоциаций. К примеру, само братство (цеховое/масонское/заговорщиков) известно и не скрывается. А вот питающая избранных энергия проистекает «*из таинственного непроявленного элемента*» [6, с. 154] и фундирует магическое или технологическое знание, технологии. Таковы кузнечные братства, чьи алхимические тайны проанализированы Мирче Элиаде [15].

Вспоминаются и гностические движения в теории Эрика Фёгелина. Экзистенциональная власть гностических активистов приводит ученого к мысли: финальной формой прогресса будет тоталитаризм. Истоки тоталитаризма не в судьбе национального государства и социально-экономических трансформаций, а в росте имманентистского сектантства, опирающегося на ереси Средневековья. Тайное общество, воплощающее «*гностическую истину, преобразует цивилизацию в империю под своим руководством*» [9, с. 276]. В постмодернистской интерпретации новая форма государства – Империя – лишена центра власти и привязки к определенной территории аппаратом управления, постепенно вбирает глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Суть власти видится именно в отсутствии границ и неудержимой экспансии: ее владычество не знает пределов, это будет господство вне территориальных границ и, что еще важнее, вне временных рамок, вне истории. Империя Майкла Хардта и Антонио Негри – «*мир и гарантии справедливости для всех народов*» [11, с. 25]. И еще, весомый фактор генезиса такой формы государства: «*Империя представляет свой порядок как постоянный, извечный и необходимый*» [11, с. 26]. В безграничном пространстве машина власти утверждает свое право, выходящее еще из римской традиции и соединяющее свои категории с универсальными этическими принципами в единое целое.

Происходит возврат к одной из древнейших форм императивности – политическому магизму, столь характерному для Нового времени методу восприятия мира и воздействия на него, где «*магия есть ритуал, нацеленный на поддержание игры аналогического сочетания мира в единую цепочку, циклической взаимосвязи всех вещей, связанных своими знаками*» [3, с. 242]. Еще Блез Паскаль описывал мир через систему видимостей, структур. Общество здесь – «*театр видимостей, в котором каждый представляет себя и каждый в своих суждениях определяет значение других*» [16, с. 135].

Отожествление мечты и реальности в политике делает невозможной координацию средств и целей. Иллюзия и репрезентация получают статус реальности, «*превращая театр потенциального в театр реального и действительного*» [16, с. 135]. Гностическим политикам угрожают магические манипуляции в мире мечты: «*неодобрение, моральное порицание, декларация намерений, резолюция, апеллирование к общественному мнению, клеймение врагов как агрессоров, объявление войн незаконными, пропаганда мира во всем мире и мирового правительства*» [9, с. 332]. Меры, предпринимаемые гностической политикой для установления порядка, лишь усиливают хаос, приводят к войне.

В государстве возникает новый некомпенсированный вакуум власти. Профанирующий «закон наибольшего числа» – закон материи и грубой силы. Масса раздавит все. Защитит нас противоположный процесс – концепт универсального порядка, находящегося на вершине иерархии власти, гармонизирующий миро-

порядок и генерирующий витальные конструкты, из которого исходит всякая социальная множественность. Неслучайно Данте Алигьери расположил место пребывания Люцифера в центре Земли – точке схождения всех механических сил тяжести. Центр же духовного, или небесного, притяжения символизирует Солнце.

Политическая элита всегда и везде может быть только малочисленной, а ее подлинная миссия остается тайной: Добро, Зло или же их союз она собой олицетворяет, неведомо. «*Кто говорит "человечество", тот хочет обмануть*» [13, с. 331] (Пьер-Жозеф Прудон). Каждое из множественных политических единств в архитектуре миропорядка есть только его часть, а не гегемон. При политико-правовом плюрализме тотальность малых общностей – ложное и даже вредное явление. Думающий человек XXI века всегда должен иметь свою волю, не затуманенную слепым стремлением к всеобщему благу, симулякру рая, а также выбор, следовать за манипуляциями тайной власти или нет. Вероятно, когда планетарный феномен «человечество» используется для отождествления с правящим меньшинством или для оправдания его деяний, прокладывается инфернальный путь «*для самой ужасной экспансии и убийственного империализма*» [12, с. 254].

Литература

1. *Агамбен, Дж.* Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления [Текст] / Дж. Агамбен. – Москва ; Санкт-Петербург : Издательство Института Гайдара ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. – 552 с.

2. *Бертеле, Р.* По страницам журналов : науки о человеке и сакральная социология [Текст] / Р. Бертеле // Europe. – 1938. – № 190. – 15 октября. – С. 275–276. Цит. по: Коллеж социологии, 1937–1939 / сост. Д. Олье. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 588 с.

3. *Бодрийяр, Ж.* Соблазн [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 319 с.

4. *Болтански, Л.* Тайны и заговоры. По следам расследований [Текст] / Л. Болтански. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 502 с.

5. *Кошен, О.* Малый народ и революция [Текст] / О. Кошен. – Москва : Айрес-пресс, 2004. – 288 с.

6. Письмо Роже Кайуа. Братства, ордена, тайные общества, церкви [Текст] // Коллеж социологии, 1937–1939 / сост. Д. Олье. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – С. 153–162.

7. Текст Жоржа Батая. Братства, ордена, тайные общества, церкви [Текст] // Коллеж социологии, 1937–1939 / сост. Д. Олье. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – С. 148–153.

8. *Тойнби, А.* Постижение истории [Текст] / А. Тойнби. – Москва : Айрес-пресс, 2010. – 640 с.

9. *Фёгелин, Э.* Новая наука политики. Введение [Текст] / Э. Фёгелин. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2021. – 374 с.

10. *Фуко, М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году [Текст] / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 544 с.

11. *Хардт, М.* Империя [Текст] / М. Хардт, А. Негри. – Москва : Праксис, 2004. – 440 с.

12. *Шмитт, К.* Государство и политическая форма [Текст] / К. Шмитт. – Москва : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.

13. *Шмитт, К.* Понятие политического [Текст] / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 567 с.

14. *Шмитт, К.* Политическая теология [Текст] / К. Шмитт // Политическая теология : сборник. – Москва : Канон-Пресс-Ц, 2000. – С. 7–98.

15. *Элиаде, М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения [Текст] / М. Элиаде. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. – 356 с.

16. *Ямпольский, М.* Физиология символического [Текст] / М. Ямпольский. – Книга 1: Возвращение Левиафана: политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 807 с.

References

1. *Agamben, J.* Kingdom and Glory. To the theological genealogy of Economics and Management [Text] / J. Agamben. – Moscow ; St. Petersburg : Gaidar Institute Publishing House ; Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2019. – 552 p. [in Russian].

2. *Bertele, R.* On the pages of journals: human sciences and sacred sociology [Text] / R. Bertele // Europe. – 1938. – No. 190. – October 15. – P. 275–276. Cit. by: College of Sociology, 1937–1939 / comp. D. Ollier. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2004. – 588 p. [in Russian].

3. *Baudrillard, J.* Temptation [Text] / J. Baudrillard. – Moscow : Ad Marginem Publ., 2000. – 319 p. [in Russian].

4. *Boltansky, L.* Secrets and conspiracies. In the wake of investigations [Text] / L. Boltansky. – St. Petersburg : Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2019. – 502 p. [in Russian].

5. *Koshen, O.* Small people and revolution [Text] / O. Koshen. – Moscow : Ayres-press, 2004. – 288 p. [in Russian].

6. A letter from Roger Caillois. Fraternities, orders, secret societies, churches [Text] // College of Sociology, 1937–1939 / comp. D. Ollier. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2004. – P. 153–162 [in Russian].

7. Text by Georges Bataille. Fraternities, orders, secret societies, churches [Text] // College of Sociology, 1937–

1939 / comp. D. Ollier. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2004. – P. 148–153 [in Russian].

8. *Toynbee, A.* Comprehension of History [Text] / A. Toynbee. – Moscow : Ayres-press, 2010. – 640 p. [in Russian].

9. *Fegelin, E.* The New Science of Politics. Introduction [Text] / E. Fegelin. – St. Petersburg : Vladimir Dal Publ., 2021. – 374 p. [in Russian].

10. *Foucault, M.* Security, territory, population. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977–1978 academic year [Text] / M. Foucault. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2011. – 544 p. [in Russian].

11. *Hardt, M.* Empire [Text] / M. Hardt, A. Negri. – Moscow : Praxis Publ., 2004. – 440 p. [in Russian].

12. *Schmitt, K.* The state and the political form [Text] / K. Schmitt. – Moscow : Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. – 272 p. [in Russian].

13. *Schmitt, K.* The concept of the political [Text] / K. Schmitt. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2016. – 567 p. [in Russian].

14. *Schmitt, K.* Political theology [Text] / K. Schmitt // Political theology : collection. – Moscow : Canon-Press-Ts, 2000. – P. 7–98 [in Russian].

15. *Eliade, M.* Secret societies. Rites of initiation and initiation [Text] / M. Eliade. – Moscow ; St. Petersburg : University Book, 1999. – 356 p. [in Russian].

16. *Yampolsky, M.* Physiology of the symbolic [Text] / M. Yampolsky. – Book 1: The Return of Leviathan: Political Theology, the Representation of Power and the End of the Old Regime. – Moscow : New Literary Review, 2004. – 807 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 06.12.2022
Received December 06, 2022

УДК 340.13
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-6

Овчинников Алексей Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права, юридический факультет, Южный федеральный университет, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88;
профессор кафедры теории государства и права, Ростовский юридический институт МВД России, 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83, email: k_fp3@mail.ru

Ovchinnikov, Alexey I.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University, 88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation;
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 83 Eryomenko Str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation, email: k_fp3@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА КАТЕГОРИИ «ПУБЛИЧНОЙ ПОРЯДОК» В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ *

♦

TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS THE BASIS OF THE CATEGORY OF 'PUBLIC ORDER' IN MODERN LEGAL REGULATION *

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется толкование юридической категории «публичный порядок», рассматриваются основные подходы к его пониманию в судебной практике и юридической литературе, делается вывод о несводимости смыслового объема данного термина к понятию «правопорядок», принципы права, основы конституционного строя и т. д. Автор считает, что принципы и ценности общественной нравственности наряду с правовыми принципами являются смысловой основой публичного порядка. Предлагается включить в объем этого понятия и перечисленные в ряде нормативных актов и юридических документов традиционные духовно-нравственные ценности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публичный порядок; традиционные духовно-нравственные ценности; национальное правосознание; иностранное право.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Овчинников, А. И. **Традиционные духовно-нравственные ценности как основа категории «публичной порядок» в современном правовом регулировании [Текст] / А. И. Овчинников // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 45–55. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-6.**

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228.*

© А. И. Овчинников, 2022

ABSTRACT. The article analyzes the interpretation of the legal category 'public order', examines the main approaches to its understanding in judicial practice and legal literature, concludes that the semantic scope of this term is irreducible to the concept of 'law and order', the principles of law, the foundations of the constitutional system, etc. The author considers that the principles and values of public morality, along with legal principles, are the semantic basis of public order, it is proposed to include traditional spiritual and moral values listed in a number of normative acts and legal documents in the scope of this concept.

KEYWORDS: public order; traditional spiritual and moral values; national legal consciousness; foreign law.

FOR CITATION:

Ovchinnikov, A. I. Traditional Spiritual and Moral Values as the Basis of the Category of 'Public Order' in Modern Legal Regulation [Text] / A. I. Ovchinnikov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 45–55 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-6.

** The study was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 21-011-44228.*

Введение. Принятие Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является важным этапом развития российской государственности и правовой системы с учетом ее социокультурной, цивилизационной самобытности. Думается, его принятие может считаться началом формирования новой правовой идеологии, в основе которой будет лежать не только верховенство прав и свобод человека и гражданина, но и иные ценности. Несмотря на то, что Конституция РФ однозначно запрещает установление государственной или обязательной идеологии, преград для наличия в государстве общественной идеологии нет. Более того, существование такой идеологии вполне укладывается в концепцию «общественного договора», так как каждый договор предполагает согласие относительно базовых ценностей, тем более общественный договор не может не основываться на них. В юридической литературе присутствует важный для обозначения базовых ценностей термин – «публичный порядок», который используется для решения вопроса о применимости норм иностранного права на территории Российской Федерации. Предлагается включить в объем этого понятия и перечисленные в вышеназванном Указе, а также перечисленные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации традиционные духовно-нравственные ценности [19].

История оговорки о публичном порядке. Исторические корни оговорки о публичном порядке связаны, очевидно, с древнеримским представлением о праве как об искусстве добра и справедливости. Запрет на злоупотребление правом, требование доброй совести и добрых нравов составляет важнейшую часть принципиальных положений гражданского права. Практически во всех современных государствах гражданское право опирается на принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления правом. В Новое время эти принципы были закреплены и в знаменитом Кодексе Наполеона 1804 года.

В статье 6 Гражданского кодекса Франции 1804 года действует запрет на нарушение общественного порядка и добрых нравов частными соглашениями: «Нельзя нарушать частными соглашениями законов, затрагивающих общественный порядок и добрые нравы». Этот запрет был направлен на защиту общественного блага, индивидуальных свобод и семейных ценностей, обеспечение суверенитета государства, а также соблюдение общих правил морали [26, с. 201]. Постепенно по мере применения норм иностранного права было решено ограничить и действие последних, исходя из тех же соображений. Поэтому, по аналогии, и судьям запретили применять иностранное право, затрагивающее добрые нравы или публичный порядок. В результате развития гражданского права во Франции стали выделять внутренний публичный порядок (ordre public interne) и международный публичный порядок (ordre public international), разница между которыми заключается в следующем: «внутренний публичный порядок является основанием недействительности внутренних сделок, тогда как международный публичный порядок, являясь его разновидностью, регулирует отношения с иностранным элементом: является основанием для неприменения судами норм иностранного права и отказа в признании и исполнении иностранных судебных решений» [1, с. 119].

Поэтому исторически оговорка о публичном порядке представляет собой применение запрета на причинение зла обществу правом в случае правоотношений с иностранным элементом, когда возникает потребность применить нормы иностранного права. Нет особой разницы в запрете злоупотреблять правом при заключении сделки, исходя из автономии и свободы при формулировании взаимных прав и обязанностей, и ограничении действительной юридической силы тех норм иностранного права, применение которых повлечет нарушение публичного порядка. Иными словами, реализация норм иностранного права не должна причинять вред государству, обществу и конкретному человеку. При этом вред может иметь нематериальное измерение: например, духовно-нравственное, которое транслируется через добрые нравы.

Возникает вопрос, как в таком случае определить содержание публичного порядка? Если бы это была чисто правовая категория, смысл которой устанавливался исходя из действующих

принципов права, то речь бы шла о нарушении национального внутригосударственного права, а не добрых нравов или общественного блага. Поэтому нельзя признать удовлетворительным подход, данный в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 02.06.1999: «под публичным порядком следует понимать основные принципы, закрепленные в Конституции и законах РФ» [21]. В таком случае сделка, совершенная с целью, заведомо противной нравственности, признаваемая ничтожной, нарушает что-то иное, но не публичный порядок, который, согласно Президиуму Верховного Суда РФ, состоит из норм национального права? Явно должно возникать противоречие нормам права, а не нравственному порядку.

Зарубежный опыт использования оговорки о публичном порядке. В странах общего права механизм защиты публичного порядка закрепляется в виде оговорки «public policy» (публичная политика), в Германии он защищает «offentliche Ordnung» (общественный порядок), а оговорка имеет обозначение как «исключающая клаузула» – «Vorbehaltsklausel», в итальянском языке публичный порядок имеет сочетание «ordine publico» [4].

В КНР оговорка о публичном порядке закреплена в ст. 150 Общих положений гражданского права 1986 года: «Иностранное право или обычай международного оборота, которое следует применять в соответствии с правилами настоящего раздела, не должны противоречить социально-общественным интересам КНР» [13, с. 340]. В некоторых иных нормативных актах используется еще два термина: суверенитет и безопасность. Народный суд признает решения иностранного суда, если оно не противоречит основополагающим принципам правопорядка КНР, суверенитету, безопасности или социально-общественным интересам КНР. К последним в доктрине относят: основополагающие принципы Конституции КНР; суверенитет и безопасность; отраслевые принципы права; международные обязательства; принцип реторсии. Оговорка о публичном порядке действует также и в случае коллизии между нормами континентального Китая и его отдельных территорий – Гонконга, Макао, Тайваня.

Запрет нарушения публичного порядка и нравственности под угрозой ничтожности закреплен в Гражданском кодексе Нидерландов, который является одной из последних кодификаций гражданского права. В частности, в его ст. 40 кн. 3 установлено, что ничтожна сделка, которая по содержанию или цели противоречит нравственности или публичному порядку [1, с. 121].

В нормах Итальянского Гражданского кодекса 1942 г. важным признается телеологический аспект воли: в силу ст. 1343 цель (кауза) обязательства незаконна, когда она противоречит императивной норме, публичному порядку или добрым нравам; в силу ст. 1354 ничтожен договор, который намеренно содержит основание, противоречащее императивным нормам, публичному порядку или добрым нравам.

Интересен момент предоставления защиты авторскому праву на произведение, содержащее аморальный контент. Должна ли предоставляться защита исключительному праву автора на аморальное произведение? В Великобритании авторам не предоставляется защита в том случае, если произведение – непристойного содержания. Аналогичные дела, связанные с отказом в защите авторских прав в связи с нарушением морали, встречаются и в Канаде, и в ЮАР, Сингапуре. Причем в последнем государстве все без исключения фильмы и компьютерные игры подлежат сертификации и цензуре на предмет соблюдения норм морали. Любые аудиовизуальные произведения и книги могут быть запрещены, если они нарушают публичный порядок в Сингапуре, нарушение данного запрета влечет арест до 1 года [14, с. 274].

Интересен опыт США, где под публичным порядком понимают общественные интересы. Там существует устойчивая традиция разведения понятий «законные интересы» государства и «публичный порядок». Например, суд указал: «Применение оговорки о публичном порядке для защиты государственных политических интересов серьезно подорвало бы первоначальную цель Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (г. Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.), согласно которой публичный порядок имеет надгосударственное качество. Таким образом, суд США отказал Overseas в применении оговорки о публичном порядке, поскольку категория “государственная политика” не может подменять собой публичный порядок, а

публичный порядок имеет приоритет над государственной политикой» [20]. В принципе это вполне объяснимо: в США государство обслуживает гражданское общество, а не наоборот.

В американской юридической литературе публичный порядок делят на составные части: публичный интерес, публичная мораль, публичная безопасность. В то же время в международно-правовых отношениях оговорка о публичном порядке активно используется для защиты государственного суверенитета. Кроме того, там же это понятие используется при коллизии норм светского и религиозного права. Например, при разводе по исламскому праву было отказано в применении норм шариата, по которому женщина имеет право только на имущество, которое записано на ее имя, так как это противоречит публичному порядку [9, с. 73].

Оговорка о публичном порядке в российском праве. Полагаем возможным говорить об оговорке о публичном порядке, начиная с Конституции РФ, которая закрепила невозможность реализации субъективных прав в тех ситуациях, когда их осуществление влечет нарушение важнейших для общества и государства интересов. Можно сказать, что в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ также имеется оговорка о публичном порядке для внутреннего пользования. Прямо публичный порядок не называется, но вряд ли найдутся аргументы против отнесения к элементам публичного порядка основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обороноспособности и безопасности государства. Перечисленные ценности представляют собой определяемые Конституционным Судом РФ «публичные интересы (конституционно значимые ценности)». Для защиты указанных интересов/ценностей, в соответствии с этой статьей Конституции, федеральным законом могут ограничиваться права и свободы человека и гражданина. Указанные интересы/ценности ограничивают применение любых имеющих экстерриториальное значение норм иностранного права. Особо стоит обратить внимание на нарушение нравственности. Поэтому И. В. Понкин справедливо предлагает включать в понятие «публичный порядок» нормы нравственности и морали: «Под публичным порядком государства подразумеваются фундаментальные начала правопорядка и суверенитета, общепризнанные в обществе принципы нравственности и морали, а также интересы обороноспособности и безопасности страны, где истребуется исполнение иностранного судебного решения» [22, с. 116].

В законодательстве оговорка о публичном порядке используется, прежде всего, для правового регулирования правоотношений с иностранным элементом в Гражданском кодексе РФ, Семейном кодексе РФ, Гражданском процессуальном кодексе РФ и др. Статья 1193 Гражданского кодекса РФ, которая называется «Оговорка о публичном порядке», гласит: «Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права» [7]. В тех случаях, когда последствия применения норм иностранного права явно противоречат публичному порядку Российской Федерации, суд не должен ее применять [18]. Это положение относится и к исполнению решений, принятых иностранными судами.

В ст. 412 ГПК РФ отказ в принудительном исполнении решения иностранного суда допускается, если исполнение решения может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации, или угрожает безопасности Российской Федерации, либо противоречит публичному порядку Российской Федерации [8]. Из данной нормы наглядно видно, что публичный порядок для законодателя – это не суверенитет, и не безопасность, а нечто иное.

В статье 167 Семейного кодекса РФ также определены границы действия иностранного семейного права «оговоркой о публичном порядке». Для нужд семейного правового регулирования данная оговорка имеет большое значение. С одной стороны, она защищает от неблагоприятных последствий конкретные семейные правоотношения, с другой стороны, создает прозрачные и определенные гарантии применения иностранного семейного права в том случае, если оно не противоречит публичному порядку [4, с. 27]. Однако существует ряд

проблем, вызванных неопределенностью категории публичного порядка, изменчивостью его содержания.

В арбитражной практике в общем и целом было выработано более или менее универсальное толкование «публичного порядка», однако единого подхода также до сих пор нет [27, с. 16]. Законодатель до сих пор не дает дефиниции публичного порядка; ВАС РФ определял его как фундаментальные правовые начала (принципы), обладающие высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляющие основу построения экономической, политической, правовой системы государств [10]. В качестве примерных ориентиров, позволяющих российскому государственному суду установить, что иностранное судебное или арбитражное решение противоречит публичному порядку, Президиум ВАС РФ указал: противоречие сверхимперативным нормам российского права; нанесение ущерба суверенитету или безопасности государства; нарушение интересов больших социальных групп и конституционных прав и свобод частных лиц [10]. В судебной практике ФАС Северо-Западного округа еще более широкий перечень ориентиров: под публичным порядком предлагается понимать основы правопорядка, включающие в себя «помимо основ морали, главных религиозных постулатов, главных экономических и культурных традиций, сформировавших российское гражданское общество, и основополагающие принципы российского права» [23–25].

Согласно определению, данному Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РФ, «под “публичным порядком Российской Федерации” понимаются основы общественного строя Российского государства. Оговорка о публичном порядке возможна лишь в тех отдельных случаях, когда применение иностранного закона могло бы породить результат, недопустимый с точки зрения российского правосознания» [6].

Позитивистская и надпозитивистская концепции публичного порядка. В современной юридической доктрине и судебной практике нет единства в понимании содержания «публичного порядка». Его дефиниция отсутствует по ряду причин, одна из которых вполне может быть названа «квалифицированным молчанием» законодателя: определение публичного порядка может встретить на практике трудности в процессе применения, законодатель оставляет на усмотрение правоприменителя смысловое наполнение публичного порядка в зависимости от обстоятельств дела и предполагаемого результата применения нормы иностранного права.

Можно ли говорить, что понимание публичного порядка должно опираться лишь на нормы российского права, на основы конституционного строя, принципы права? Думается, нет. Сама Конституция РФ оговаривает верховенство нравственности по отношению к определенным субъективным правам: как уже говорилось выше, согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо для защиты нравственности, здоровья, обороноспособности, безопасности, основ конституционного строя и т. д. Представляется, что в данной статье перечислены некоторые составляющие публичного порядка.

Однако в юридической литературе имеет место точка зрения, согласно которой общие принципы морали не составляют публичный порядок, являясь результатом расширительного толкования статьи 1193 ГК РФ. Такое расширительное толкование, по мнению сторонников позитивно-юридического толкования оговорки о публичном порядке, «противоречит принципу “осторожного” применения оговорки о публичном порядке, который давно уже стал общепризнанным в европейских странах» [12, с. 30].

Суть этого подхода можно выразить посредством цитаты одного из сторонников еще дореволюционного позитивистского понимания публичного порядка М. И. Бруна: «Публичный порядок и впрямь не может быть ничем иным, как тем, что все подразумевают под правопорядком. Публичный порядок есть не что иное, как воля самого законодателя ... законодатель, а не судья решает, что нужно для общего блага. Судья должен справляться не со своими представлениями об общем благе, а с волей законодателя. Обыкновенно он так и делает и тем самым исполняет не то, что велит некий специфический и таинственный публичный порядок, а просто то, что предписывает закон или

правопорядок» [3, с. 73]. Современный исследователь И. В. Ирхин аналогично понимает публичный порядок: «Под публичным порядком можно понимать правовой режим, основывающийся на конституционных и иных принципах национального права, отражающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также государственные гарантии по их реализации, охране и защите» [11, с. 70].

Такой подход представляется не вполне всесторонним. Во-первых, как уже было показано выше, исторически оговорка о публичном порядке строилась на признании важности защиты общественных интересов и добрых нравов, то есть духовно-нравственных ценностей. Не стоит забывать, что исторически термин публичный порядок «вырос» именно на понятии «добрые нравы». Публичный порядок не был известен римскому праву, но было известно понятие «добрые нравы» («boni mores»). Именно они и легли в основу ст. 6 ГК Франции.

Во-вторых, можно подумать, принцип «осторожного применения» является международно-правовым и обязательным для всех. Нет ли в такой «оглядке» на Евросоюз и его практику известного и болезненного для нашего государства европоклонства? К тому же опыт США и Великобритании свидетельствует об однозначно духовно-нравственной, моральной стороне толкования категории «публичный порядок» как довлеющей. Указание оппонентов на то, что это страны общего права и потому представления судов о морали и справедливости не могут рассматриваться в качестве основы публичного порядка в странах континентальной правовой семьи, не вполне состоятельны, так как и в России судьи обязаны руководствоваться своими представлениями о морали, совестью и правосознанием. Этот подход, воспринимающий судью в качестве безропотного алгоритма, является наследием юридического позитивизма XX века и его следует признать устаревающим и ошибочным. Нельзя не признать правильным такое понимание публичного порядка, которое дано в учебнике по международному частному праву: «Публичный порядок – это устои правовой системы и коренные интересы общества и государства, основы их морали» [15, с. 179]. Представляется, что основой понятия «публичный порядок» являются именно духовно-нравственные ценности.

В-третьих, если в законе дается подробное определение публичного порядка, так называемая позитивная оговорка о публичном порядке, то возникает проблема разграничения сверхимперативных норм и оговорки о публичном порядке. Представляется, что именно сочетание правовых и неправовых оснований общественного или публичного порядка отделяет оговорку о публичном порядке от сверхимперативных норм. Наличие императивных и сверхимперативных норм признается и в международных документах: статья 1.4 Принципов УНИДРУА гласит: «Ничто в данных принципах не препятствует применению обязательных правил национального, международного или наднационального происхождения, которые должны быть применены в соответствии с релевантными правилами международного частного права». Публичный порядок признается важнейшим элементом национального суверенитета в правовом измерении [5].

В юридической литературе особо сложным признается вопрос о разграничении применения оговорки о публичном порядке с применением сверхимперативных норм. Оба этих механизма должны развиваться автономно, полагает Е. П. Войтович, выделяя критерий: в случае сверхимперативных норм устанавливается противоречие между нормой иностранного права и сверхимперативной нормой, а в случае с публичным порядком речь идет о последствиях применения норм иностранного права, которые могут быть негативными по отношению к публичному порядку.

Таким критерием, как представляется, должны быть коллизии не между нормой иностранного права и сверхимперативной нормой, а между последствием применения нормы иностранного права и нормами общепринятой морали, общественной нравственности в Российской Федерации. Не случайно в литературе по международному частному праву авторы отмечают, что наметилась тенденция смещения «приоритетов исследования института оговорки о публичном порядке в область, связанную с анализом составляющей роли морали в определении содержания и практическом применении оговорки о публичном порядке» [14, с. 274]. Нельзя не приветствовать такой вектор развития интерпретации данного юридического термина. Справедливо отмечается в литера-

туре: публичный порядок можно применять и к тем случаям, когда, к примеру, признание и исполнение решения иностранного суда могут нарушить основные моральные и нравственные критерии, принятые в обществе [17, с. 142]. «Данная категория призвана объединить фундаментальные правовые принципы, основополагающие представления о справедливости и морали, а также основные законоположения, имеющие общеобязательный характер в силу их исключительной значимости для общества и государства» [2, с. 37]. Именно единство юридического и нравственного измерения справедливости лежит в основе толкования публичного порядка.

Моральных аспектов здесь несколько. Прежде всего право не должно приводить к торжеству над слабыми и беззащитными субъектами правоотношений. Вопрос о необходимости моральной защиты слабых получает полное разрешение в связи с данной нормой. Д. В. Афанасьев приводит такие примеры: на основании публичного порядка во Франции традиционно рассматриваются как недействительные договоры или отдельные их условия, значительно ущемляющие интересы более слабого экономически контрагента; публичный порядок не допускает действительности бессрочных обязательств; публичный порядок усматривает в качестве оснований недействительности для трудовых договоров и договоров аренды помещений, в особенности жилых помещений, ущемление интересов арендатора и работника как более слабых сторон; условия об ограничении ответственности перевозчика в случае ранения или смерти пассажира признаются во Франции недействительными как противоречащие публичному порядку и т. д. Аналогично в своем решении № 176/2015 Верховный суд Греции отметил, что исполнение договора, в соответствии с которым одна из сторон договора несет чрезмерные и необоснованные обязанности, является нарушением публичного порядка. Это несправедливо нарушает баланс интересов в пользу другой стороны договора.

Обобщая разнообразные определения из судебной практики и юридических исследований, можно сделать промежуточный вывод о том, что для теоретиков права и исследователей международного частного права публичный порядок – это и устои правовой системы, и коренные интересы общества и государства, и основы морали, и совокупность правовых, социально-экономических и политических принципов государства, и религиозные и культурные традиции, сформировавшие российское общество, и принципы российского права. Вполне успешно, как представляется, Г. К. Дмитриева, попыталась сформулировать структуру публичного порядка: основополагающие, фундаментальные принципы российского права, прежде всего конституционные, частноправовые и гражданско-процессуальные; общепринятые принципы морали, на которые опирается российский правопорядок; законные интересы граждан России, юридических лиц, общества и государства; общепризнанные принципы и нормы международного права, международно-правовые стандарты прав человека [16, с. 183–184].

Особенно чувствительной к сфере морали и духовно-нравственных ценностей стоит отнести область семейного права. Среди противоречащих российскому публичному порядку положений иностранного семейного права можно выделить следующие: низкий брачный возраст, однополые союзы, ущемление имущественных прав детей, рожденных вне брака или в полигамных семьях. В зарубежной литературе аналогичные вопросы вызывают нарушения принципа равенства мужчин и женщин, полигамия, детские браки и суррогатное материнство.

В семейном праве оговорка о публичном порядке редко используется, как отмечает Е. П. Войтович. По ее мнению, причин здесь несколько: во-первых, не вполне удачная технико-юридическая формулировка о публичном порядке статьи 167 СК РФ; во-вторых, отсутствие большого количества дел с иностранным элементом в семейных спорах; в-третьих, отсутствие разъяснений Верховного Суда РФ правила об оговорке для единообразного его толкования [4, с. 30]. На практике бывает так, что некоторые положения иностранного семейного права не могут быть применены в силу противоречия отечественным нормам (например, полигамный брак), но их применение необходимо для защиты имущественных прав несовершеннолетних, например, признание алиментных обязательств членов полигамной семьи. Автор, по всей видимости, склоняется в таких ситуациях к признанию иностранного права.

Е. П. Войтович обращает внимание на цель оговорки о публичном порядке: избегать негативных последствий применения норм иностранного права. По ее мнению, в таком случае можно правильно ответить на вопрос о степени терпимости к иностранному праву. И если это необходимо для интересов несовершеннолетних и иных лиц, то лучше порог терпимости понизить. Аналогично и К. С. Жарова также полагает соизмерять вред частным интересам со стоимостью защиты общественной безопасности, морали и порядка: «Необходимо взвешивать, не будут ли частные интересы нарушены в большей мере, чем это того стоит для защиты общественной безопасности, морали и порядка» [9, с. 202]. Думается, что такие рассуждения были бы уместны в условиях либерально-индивидуалистической парадигмы государственно-правового развития, курс которой в последние годы подвергается справедливой критике. Российская Федерация выбрала путь защиты и сбережения традиционных духовно-нравственных ценностей, следовательно, признание, например, однополого брачного союза, даже если это необходимо в целях защиты прав несовершеннолетнего лица, оказавшегося на территории нашего государства, будет уступкой «новой нормальности» и серьезным «шагом назад».

Однако Е. П. Войтович полагает, что суды не должны использовать оговорку о публичном порядке при применении норм иностранного права, регулирующего полигамные, однополые или религиозные браки. Требования по уплате алиментов по иностранному праву, предъявляемые членом полигамной семьи, не должны вызывать отказ в применении иностранного права по механизму оговорки, полагает автор. Оговорка применима при трансграничных семейных спорах тогда, когда нарушаются права индивидов, полагает Е. П. Войтович. Например, при нарушении равенства, дискриминации, умаления права частной жизни и т. д. В целом можно было бы согласиться, однако ради защиты интересов конкретного лица не допустимо признавать в качестве порождающих правовые последствия аморальные отношения, грубо нарушающие публичный порядок, понимаемый в том числе и с внепозитивистских, нравственных позиций. К тому же не вполне корректно в один ряд ставить однополые и полигамные браки. В некоторых регионах Российской Федерации де-факто имеет место многоженство. Однако не возникает вопросов о признании наследственных прав исходя из потребности в защите чьих-либо интересов. Кстати, оговорка о публичном порядке может и должна использоваться в случае решения вопросов о признании тех или иных этнических правовых обычаев в качестве источника субъективных прав и обязанностей.

Действительно, в зарубежных государствах возникают коллизии между религиозным и светским правом. Суды разрешают эти споры исходя из признания религиозного правоотношения, например, брака по шариату. Но если развод по шариату нарушает равенство супругов, то суды отказываются признавать такой развод как нарушающий публичный порядок. Отказываются суды признавать и суррогатное материнство, несмотря на то, что оно произведено в ином государстве с его легальной природой.

Безусловно, во всех попытках дать определение элементам публичного порядка существует ряд недостатков: каждый из элементов еще более затруднителен с точки зрения точной определенности. Однако нельзя признать правильным отождествление публичного порядка с правопорядком или принципами права. Например, принципы права нигде не определены вне законодательства, так как доктрина не является источником права в РФ. Следовательно, опираться на принципы, закрепленные в Конституции РФ, будет означать отождествление публичного порядка с конституционным порядком. Кстати, в семейном праве, как отмечает Е. П. Войтович, сложилась такая же картина: в науке нет единства мнений ни о составе принципов, ни об их толковании, ни об их количестве [4, с. 33].

Е. П. Войтович указывает на то, что общепринятые принципы морали также трудно определимы, так как в последние годы сильно изменились моральные ценности. Аналогично трудноопределимыми являются и «законные интересы». В судебной практике нарушение публичного порядка судьи видят не с позиции общепринятых норм морали, законных интересов или общепризнанных норм международного права, а с позиции противоречия отдельным нормам и институтам внутригосударственного российского права. То есть имеет место по-

зитивистская инерция правового мышления. Видимо, следуя этой инерции, Е. П. Войтович выступает за юридическое истолкование публичного порядка: «Основы публичного порядка в семейно-правовой сфере составляют принципы семейного права, закрепленные в Конституции, общепризнанные принципы и нормы международного права» [4, с. 39]. Такой подход не представляется правильным: сфера семейного права особенно чувствительна к традиционным ценностям, общественной нравственности.

Заключение. Представляется, что для правового регулирования оговорки о публичном порядке, а также в целях обеспечения национальной безопасности государства, в которой важнейшим элементом является, в том числе, и духовно-нравственная безопасность, крайне важно закрепить при использовании оговорки ссылку на традиционные духовно-нравственные ценности как элемент публичного порядка. Это важно еще и потому, что понятие «общественная нравственность», используемая в юридических документах, давно нуждается в относительной конкретизации. Статья 1193 «Оговорка о публичном порядке» ГК РФ может быть изложена в следующей редакции: «Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы публичному порядку Российской Федерации, его традиционным духовно-нравственным ценностям с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права».

Литература

1. *Афанасьев, Д. В.* Нарушение публичного порядка как основание признания сделки недействительной в российском и зарубежном праве [Текст] / Д. В. Афанасьев // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сборник статей. – Москва, 2006. – С. 119–122.

2. *Афанасьев, Д. В.* Различные аспекты публичного порядка [Текст] / Д. В. Афанасьев // Закон. – 2008. – № 10. – С. 37–39.

3. *Брун, М. И.* Публичный порядок в международном частном праве [Текст] / М. И. Брун. – Петроград : Сенат. тип., 1916. – 97 с.

4. *Войтович, Е. П.* Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права [Текст] / Е. П. Войтович // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 3. – С. 26–43.

5. *Волошин, С. С.* Значение и роль оговорки о публичном порядке [Текст] / С. С. Волошин // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 400–404. https://doi.org/10.33619/2414-2948/40/52._

6. Вывод городского суда о противоречии решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации публичному порядку Российской Федерации признан неправильным [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3. – URL: http://www.supcourt.ru/files/11333

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 05.12.2022) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570

9. *Жарова, К. С.* Публичный порядок в международном частном праве и его значение для судебной практики государств [Текст] / К. С. Жарова // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 5А. – С. 196–206.

10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 [Электронный ресурс] // Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. – СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144311

11. *Ирхин, И. В.* Оговорка о публичном порядке как инструмент разрешения коллизий между светским и религиозным правом в США [Текст] / И. В. Ирхин // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 7. – С. 70–75.

12. *Крохалев, С. В.* Применение оговорки о публичном порядке в судебной практике [Текст] / С. В. Крохалев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2003. – № 4. – С. 27–32.

13. *Люй Цзин.* Применение оговорки о публичном порядке в законодательстве. КНР [Текст] / Люй Цзин // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 1. – С. 340–346.

14. *Мартынюк, С. В.* Институт оговорки о публичном порядке в международном авторском праве [Текст] / С. В. Мартынюк // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 1. – С. 274–276.

15. Международное частное право [Текст] / под ред. Г. К. Дмитриевой. – 2-е изд. – Москва : Проспект, 2016. – 680 с.

16. Международное частное право [Текст] : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. – Москва, 2004.

17. *Морозова, Ю. Г.* Отказ в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: основания публичного характера [Текст] / Ю. Г. Морозова // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2000. – № 7.

18. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771

19. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271

20. Оговорки о публичном порядке в иностранном и российском праве [Электронный ресурс] // URL: http://master-pravo.ru/stat/ogovorki-o-publichnom-poryadke-v-inostrannom-i-rossiyskom-prave

21. Определение Президиума ВС РФ от 2 июня 1999 г. № 19 пв-99пр [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/5656661

22. *Понкин, И. В.* Некоторые размышления о необходимости защиты публичного порядка российской Федерации от вторжения иностранного публичного порядка [Текст] / И. В. Понкин // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2012. – № 1. – С. 115–120.

23. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 06.03.2012 по делу № А56-49603/2011 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.03.2010 по делу № А56-82470/2009 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 28.12.2009 по делу № А21-802/2009) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

26. *Саватье, Р.* Теория обязательств: Юридический и экономический очерк [Текст] / Р. Саватье ; перевод с французского и вступительная статья доктора юридических наук Р. О. Халфиной. – Москва : Прогресс, 1972. – 440 с.

27. *Фатхи, В. И.* К вопросу о применении оговорки о публичном порядке в судебной практике [Текст] / В. И. Фатхи, С. В. Михайлов // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 2. – С. 16–20.

References

1. *Afanasyev, D. V.* Violation of public order as a basis for invalidation of a transaction in Russian and foreign law [Text] / D. V. Afanasyev // Invalidity in civil law: problems, trends, practice: collection of articles. – Moscow, 2006. – P. 119–122 [in Russian].

2. *Afanasyev, D. V*. Various aspects of public order [Text] / D. V. Afanasyev // Law. – 2008. – No. 10. – P. 37–39 [in Russian].

3. *Brun, M. I.* Public order in private international law [Text] / M. I. Brun. – Petrograd : Senate printing office, 1916. – 97 p. [in Russian].

4. *Voitovich, E. P.* Reservation on public order as a basis for refusal to apply foreign family law [Text] / E. P. Voitovich // Right. Journal of the Higher School of Economics. – 2020. – No. 3. – P. 26–43 [in Russian].

5. *Voloshin, S. S.* The meaning and role of the reservation on public order [Text] / S. S. Voloshin // Bulletin of Science and Practice. – 2019. – Vol. 5. – No. 3. – P. 400–404. https://doi.org/10.33619/2414-2948/40/52 [in Russian].

6. The conclusion of the city court on the contradiction of the decision of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation to the public order of the Russian Federation is recognized as incorrect [Electronic resource] // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 1999. – No. 3. – URL: http://www.supcourt.ru/files/11333 [in Russian].

7. The Civil Code of the Russian Federation (part three) of 26.11.2001 No. 146-FZ (ed. of 01.07.2021) [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154 [in Russian].

8. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ (ed. of 05.12.2022) [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 [in Russian].

9. *Zharova, K. S.* Public order in private international law and its significance for the judicial practice of States [Text] / K. S. Zharova // Issues of Russian and international law. – 2019. – Vol. 9. – No. 5A. – P. 196–206 [in Russian].

10. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 156 dated 26.02.2013 [Electronic resource] // Review of the practice of arbitration courts considering cases on the application of a public procedure clause as grounds for refusal to recognize and enforce foreign judicial and arbitration decisions. – Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144311 [in Russian].

11. *Irkhin, I. V*. Reservation on public order as a tool for resolving conflicts between secular and religious law in the USA [Text] / I. V. Irkhin // Constitutional and Municipal Law. – 2021. – No. 7. – P. 70–75 [in Russian].

12. *Krokhalev, S. V.* Application of the reservation on public order in judicial practice [Text] / S. V. Krokhalev // Arbitration and civil procedure. – 2003. – No. 4. – P. 27–32 [in Russian].

13. *Lui Jing.* Application of the public policy clause in legislation. China [Text] / Lu Jing // Actual problems of Russian law. – 2008. – No. 1. – P. 340–346 [in Russian].

14. *Martynyuk, S. V.* Institute of Public Policy reservations in International Copyright Law [Text] / S. V. Martynyuk // Actual problems of Russian law. – 2011. – No. 1. – P. 274–276 [in Russian].

15. Private international law [Text] / edited by G. K. Dmitrieva. – 2nd ed. – Moscow : Prospect, 2016. – 680 p. [in Russian].

16. International Private Law [Text] : textbook / ed. by G. K. Dmitriev. – Moscow, 2004 [in Russian].

17. *Morozova, Yu. G.* Refusal to recognize and enforce foreign judicial and arbitration decisions: grounds of a public

nature [Text] / Yu. G. Morozova // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2000. – No. 7 [in Russian].

18. On the application of the norms of private international law by the courts of the Russian Federation Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2019 No. 24 [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771 [in Russian].

19. On the National Security Strategy of the Russian Federation Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 02.07.2021 [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 [in Russian].

20. Reservations about public order in foreign and Russian law [Electronic resource] // URL: http://master-pravo.ru/stat/ogovorki-o-publichnom-poryadke-v-inostrannom-i-rossiyskom-prave [in Russian].

21. Definition of the Presidium of the Armed Forces of the Russian Federation dated June 2, 1999 No. 19 pv-99pr [Electronic resource] // Legal reference system "Garant". – URL: https://base.garant.ru/5656661 [in Russian].

22. *Ponkin, I. V.* Some reflections on the need to protect the public order of the Russian Federation from the invasion of foreign public order [Text] / I. V. Ponkin // Bulletin of the RUDN, series of Legal Sciences. – 2012. – No. 1. – P. 115–120 [in Russian].

23. Resolution of the FAS of the North-Western District of 06.03.2012 on case no. A56-49603/2011 [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus" [in Russian].

24. Resolution of the FAS of the North-Western District of 18.03.2010 on case No. A56-82470/2009 [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus" [in Russian].

25. Resolution of the FAS of the North-Western District of 28.12.2009 on case No. A21-802/2009) [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus" [in Russian].

26. *Savatier, R.* The theory of obligations: A Legal and economic essay [Text] / R. Savatier ; translated from French and an introductory article by Doctor of Law R. O. Khalfina. – Moscow : Progress, 1972. – 440 p. [in Russian].

27. *Fathi, V. I.* On the question of the application of the reservation on public order in judicial practice [Text] / V. I. Fathi, S. V. Mikhailov // Jurist-Pravoved. – 2021. – No. 2. – P. 16–20 [in Russian].

Поступила в редакцию 07.12.2022
Received December 07, 2022

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 342
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-7

Дюжиков Сергей Александрович,
доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры государственного (конституционного) права, юридический факультет, Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: duzhikov@sfedu.ru

Dyuzhikov, Sergey A.,
Doctor of Philosophy, PhD in Law,
Professor at the Department of State (Constitutional) Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: duzhikov@sfedu.ru

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

♦

PARLIAMENTARY PROCEDURES AS A WAY OF CONFLICT RESOLUTION

АННОТАЦИЯ. В парламенте одним из важных механизмов разрешения спорных ситуаций является применение процедуры, которая может помочь конфликтную ситуацию перевести в дискуссию и конструктивное обсуждение с целью выработки нормативного акта, регламентирующего общественные отношения в соответствии с требованиями конституции. Нормативное закрепление парламентской процедуры может быть достаточно гибким, при этом одновременно, основы деятельности парламента как законодательного-представительного органа государственной власти должны быть закреплены жестким образом.

В статье кратко анализируются возможности парламентской процедуры, ее фиксации и применения, как способа разрешения конфликта. Представляется важным исследование применения механизмов воздействия на управленческие процессы в органах государственной власти как центрального элемента социального управления с последующим эффектом социального программирования в обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламент; разрешение конфликта; парламентские процедуры; регламент; социальное проектирование; разрешение споров; переговоры; стратегии разрешения конфликтов; управление конфликтами; посредничество; взаимные уступки; разрешение споров; диалог построения отношений; стол переговоров; конфликт ценностей; успех переговоров; ценностные ориентиры.

ABSTRACT. One of the important mechanisms for resolving disputes in the parliament is the use of a procedure that can help to translate a conflict situation into a discussion and constructive considerations to develop a normative act regulating public relations in accordance with the requirements of the constitution. Thus, on the one hand, the normative fixing of the parliamentary procedure can be quite flexible, while, on the other hand, the foundations of the activity of the parliament as a legislative-representative body of the state power must be rigidly fixed.

The article briefly analyses the possibilities of the parliamentary procedure, its fixation and application to resolve the conflict. It seems important to study the application of mechanisms for influencing management processes in public authorities, as the central element of social management with the subsequent effect of social programming in the society.

KEYWORDS: Parliament; conflict resolution; parliamentary procedures; regulations; social engineering; social management; resolving disputes; negotiations; strategies for conflict resolution; conflict management; mediation; reciprocal concession; dispute resolution; relation-building dialogue; bargaining table; value conflict; bargaining success; value orientations.

© С. А. Дюжиков, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дюжиков, С. А. **Парламентские процедуры как способ разрешения конфликтов [Текст] / С. А. Дюжиков // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 56–61. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-7.**

FOR CITATION:

Dyuzhikov, S. A. Parliamentary Procedures as a Way of Conflict Resolution [Text] / S. A. Dyuzhikov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 56–61(in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-7.

Нормативно-правовое закрепление деятельности любого органа государственной власти – обычная практика, широко применяемая во многих странах. Регламенты, положения, инструкции, описывающие порядок работы, принятия решений, сроки выполнения задач и так далее, помогают сотрудникам этих органов власти и гражданам, которые обращаются в данные органы, понять внутреннюю взаимосвязь процессов, последовательность действий людей, ответственных за принятие решений, и мотивацию в результате при прохождении всех процедур.

Среди всех ветвей власти внутренняя структура представительных органов наиболее сложная, так как изначально идея в деятельности данного органа – отобрать граждан, представляющих разные точки зрения, позиции, мнения, наиболее популярные у населения. Поэтому возможности для развития спорных ситуаций внутри данного органа власти заложены в самой сути его предназначения, и выработка решения, способного удовлетворить большинство, есть цель, которую должны ставить перед собой его сотрудники. При этом всегда остаются люди, недовольные результатом, сомневающиеся в позитивном урегулировании общественных отношений.

Налицо возможность зарождения конфликтных ситуаций, частых, по разным поводам и кругу субъектов. Как решить эту проблему? Как не допустить эскалации конфликта? В мировой практике сложился хороший опыт повышения эффективности работы представительных органов. Основная функция таких органов власти – понять основные проблемы, идеи граждан; провести им экспертную оценку, обсудить с общественностью, облечь эти идеи в грамотную юридическую форму – зафиксировать в законодательной норме.

Длительность, спорность всех этих процессов не смогла бы позволить эффективно функционировать без определенной процедуры, которая регламентирует большинство внутренних и внешних процессов деятельности. Именно следование определенной процедуре позволяет идее, высказанной при встрече в маленьком городке, стать законом, применяемым на всей территории государства с соблюдением логичных сроков и учетом мнения разных заинтересованных сторон. Такая деятельность позволяет создать модель социального проектирования, которая проходит все стадии, от зарождения на уровне заинтересованности группы граждан до нормативного акта, регламентирующего общественные отношения для всего населения. При этом важно помнить, что правом законодательной инициативы обладают разные ветви власти, органы государственной власти, должностные лица. То есть депутаты находятся постоянно во взаимодействии не только друг с другом, но и иными представителями органов государственной власти и местного самоуправления, общественными организациями. И соблюдение выработанной и утвержденной процедуры – надежный способ транслировать порядок, условия, мотивацию и достичь результата деятельности.

Мировая практика принятия регламента, определяющего парламентские процедуры, сложилась по-разному. Такие процедуры могут составлять основу парламентского прецендента, обычая, быть частью основного закона (конституции) государства, приниматься в форме нормативного акта самим парламентом, содержаться в решении (постановлении) суда, уполномоченного толковать нормы основного закона государства [5].

Давая юридическую оценку закрепления парламентских процедур, можно отметить, что они могут быть первичными или производными. Подобные нормы могут содержаться в конституции государства или в законах и подзаконных актах. На уровне закрепления – в основном законе могут закрепляться такие нормы, как, например, порядок созыва и роспуска парламента, его компетенция, взаимоотношения с другими органами государственной вла-

сти, структура, численный состав, основные формы работы, порядок принятия законов и иных нормативно-правовых актов. При этом на втором уровне закрепления происходит детализация норм, содержащихся в конституции, их интерпретация, развитие. Это позволяет более гибко реагировать на возникающие ситуации, вносить изменения и дополнения, вызванные необходимостью большей юридической регламентацией материальных и процессуальных норм. Такие юридические акты содержат порядок ведения заседаний палат парламента, его комиссий (комитетов), проведение дебатов, закрепляют процедуры парламентских слушаний, обсуждение отчета правительства, парламентских запросов, организации круглых столов, пресс-конференций, работы депутатов и др.

Следует обратить внимание на соотношение понятий регламента и парламентской процедуры. Парламентская процедура может быть определена как юридически закрепленный способ функционирования законодательного органа государственной власти. Регламент является основным способом юридического закрепления процедуры [1]. Он как нормативно-правовой акт не является необходимым условием для существования парламентской процедуры, поскольку каждый парламент пользуется несколькими источниками, определяющими процедуры. Однако для целей повышения эффективности парламентской деятельности необходимо стремиться к наиболее полному отражению процедуры именно в регламенте [3]. Это обусловлено таким его свойством, как закрепление регламента в форме юридического акта саморегуляции законодательного (представительного) органа, конкретного по форме и содержанию, что отличает от обычаев и прецедентов. Следовательно, регламент, хотя и не является необходимым условием существования процедуры, признается необходимым условием успешного применения процессуальных норм функционирования парламента.

С точки зрения содержания трактовка соотношения парламентских процедур и регламента представляется спорной. Регламент по содержанию может выходить за рамки парламентской процедуры, поскольку включает в себя права и обязанности субъектов парламентского процесса. Этот акт регулирует только часть процедуры, наравне с другими формами ее правового закрепления. В свою очередь, нормы порядка работы парламента – часть регламента. Регламент включает в себя и нормы материального права, в то время как процедура регулируется процессуальными нормами.

Отличительными признаками регламента являются издание непосредственно на основании конституции, особая органическая связь данных норм с нормами основного закона, регулирование широкого круга процедурно-процессуальных и связанных с ними иных отношений, особый порядок принятия регламента, в том числе внесения в него изменений и дополнений; совпадение субъекта нормообразователя и субъекта нормоприменителя; возможность вступления в силу с момента принятия; сочетание гибкости регламента с его стабильностью. Нормы регламента могут предусматривать ограниченный срок действия, например, периодом полномочий парламента конкретного созыва. Распространяются данные нормы на сотрудников парламента и внешних по отношению к нему субъектов. Кроме того, регламент является средством самоорганизации парламента в процессе осуществления им своих полномочий.

Следующий аспект изучения регламентов представительных органов связан с проблемой лоббирования. Именно регламент может определять простоту или сложность вмешательства заинтересованных в том или ином законе субъектов в работу парламента. Регламенты палат должны включать в себя раздел, посвященный вопросам деятельности лоббистов. Основой процедурного регулирования может стать принцип открытого лоббизма. Например, если определенная группа настаивает на той или иной редакции законопроекта, это должно быть отмечено в сопроводительных документах. Одновременно признанный лоббизм не должен нарушать принцип свободного обсуждения.

В 2022 году отмечается 10-летие образования СССР. В данной статье хотелось бы кратко рассмотреть опыт фиксирования на уровне конституций СССР процедурных аспектов деятельности представительных органов власти.

С развитием законотворческого опыта у новой власти расширялось содержательное закрепление на конституционном уровне процедур-

ных элементов деятельности представительного органа. Хотя мы понимаем, что широкой полемики в данном органе власти не было. Обсуждение, дискуссия были, однако серьезные конфликтные ситуации – крайняя редкость. В Конституции СССР 1924 года такой информации совсем мало. Конституция СССР 1936 года определяла, что законодательная власть в СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР, который состоит из двух палат – Совета Союза и Совета Национальностей. Указывался способ формирования палат, срок их деятельности и равноправие, право законодательной инициативы и способ принятия закона – простое большинство голосов обеих палат, а также вопросы опубликования. Регламентировались одновременность начала работы сессий палат Верховного Совета СССР, избрание председателей палат и их заместителей, круг обязанностей председателей палаты, возможность проведения совместных заседаний палат, и очень дипломатично предусмотрено поочередное ведение таких заседаний председателями палат. Данная Конституция указывала, что сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом два раза в год, а также возможны внеочередные сессии. Определены состав и компетенция Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 47 Конституции достаточно подробно закрепляла разрешение спорных ситуаций между Советом Союза и Советом Национальностей через создание согласительной комиссии, образуемой на паритетных началах. При этом определено, что, если согласительной комиссии не удастся прийти к согласному решению и это решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос может быть рассмотрен повторно в палатах, а при отсутствии согласованного решения Верховный Совет СССР может быть распущен. IV глава данной Конституции посвящалась деятельности Верховных советов союзных республик. В целом можно оценить раздел основного закона государства как хорошее решение упорядочить деятельность законодательного (представительного) органа власти.

Конституция СССР 1977 года указывала принципы функционирования, сроки работы советов народных депутатов всех уровней; определялось избрание постоянных комиссий и создание исполнительных и распорядительных, а также иных подотчетных органов, в том числе контрольных органов с общим описанием сферы их компетенции; определялись статус и полномочия депутата, их обязанности.

Конституция Российской Федерации 1993 года [4] указывает на двухпалатность парламента, определяет способ формирования палат, требования к кандидатам в сенаторы и депутаты, срок деятельности палат, статус депутата и сенатора; общие вопросы деятельности раскрыты лаконично, вопросы ведения палат и формирование руководящих должностей, возможность осуществления контрольных полномочий, перечень лиц и органов государственной власти, обладающих правом законодательной инициативы; законотворческий процесс; порядок роспуска Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В связи с постепенным формированием в Российской Федерации парламентских традиций в условиях работы многопартийности Федерального Собрания значительную роль в практике парламентской работы играют прецеденты. Регламенты палат Федерального Собрания были приняты более 20 лет назад, что является не таким большим сроком, если сравнивать с аналогичными документами некоторых западных стран. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [6] был принят в 1998 году, а Совета Федерации [7] в 2002 году. При этом за период действия в них неоднократно вносились изменения и дополнения, однако даже в этом случае они не могут включать в себя решение всех вопросов парламентской деятельности. Пробелы восполняются прецедентами. Парламентский прецедент – это нормативно зафиксированное решение парламента по процедурному вопросу.

Парламентские обычаи в Российской Федерации не получили широкого распространения на практике. Однако нельзя забывать об опыте зарубежных стран, парламенты которых во многих случаях работают на основе обычных норм. В советской юридической науке обычаи изучались в связи с отсутствием постоянных регламентов представительных органов. Сейчас обычай приобретает особую важность как основа применения диспозитивных норм регламента. Под парламентским обычаем следует понимать не имеющее формального закрепления правило осуществления депутатом, пала-

той, ее структурным подразделением принадлежащих им прав, сложившееся в ходе работы данного парламента.

Таким образом, большое значение парламентские процедуры имеют для разрешения спорных ситуаций, возникающих между депутатами, группами депутатов, палатами парламента, аппаратом управления, иными органами власти. Именно четкое следование закрепленной процедуре позволяет балансировать при принятии ответственных решений и не допустить различным точкам зрения перерасти в острый конфликт, который может не только парализовать работу, но и спровоцировать мощные общественные волнения [2].

Анализ практики юридического закрепления отношений в законодательном (представительном) органе показывает, что существуют устойчивые модели формирования процедуры, минимизирующей возможность развития конфликта как внутри органа власти, так и во вне. Опыт решения прецедента может стать традицией, которая в последующем фиксируется в нормативном акте различного уровня – от конституции до подзаконного акта. Или же нормативный акт, как обобщение опыта законодателя, может стать основой для развития традиций и быть дополненным разрешением прецендентов. Но в любом случае мы понимаем, что тщательное урегулирование юридически значимых отношений позволяет минимизировать эффекты от спорных ситуаций [8].

Такая модель хорошо реализуется на уровне органов государственной власти и является мощным обращением к обществу, призывающему формировать традиции, фиксировать их в локальные акты, тем самым выстраивая защиту от формирования конфликтных ситуаций. Это может рассматриваться с точки зрения социального программирования общества на установление регламентов и процедур диалога с институтами гражданского общества.

Заключение. Изучая международную и внутрироссийскую литературу, можно сделать следующие выводы:

– органы государственной власти выработали эффективные механизмы взаимодействия, которые позволяют минимизировать риски эскалации конфликтов. Они транслируют этот опыт обществу через его юридическое закрепление, образовательные и популяризирующие проекты;

– парламентская процедура осуществления парламентской деятельности, как составной части сферы реализации государственной власти, является неотъемлемой частью процесса ее работы;

– парламентские процедуры призваны разрешать конфликтные ситуации между парламентом и другими органами государственной власти, между парламентскими органами, политическими партиями и фракциями;

– применение парламентских процедур с целью разрешения конфликтов в области осуществления государственного управления может быть осложнено несовершенством юридических формулировок, используемых в регламентах, и недостаточным уровнем развития депутатской этики;

– эффективность применения парламентских процедур должна быть повышена посредством подлинного упрочнения взаимодействия между органами государственной власти разных уровней посредством внедрения новых информационных технологий и повышения правовой грамотности, совершенствования юридических терминов и формулировок, применяемых в регламентах палат парламента, в сторону уточнения и детализации.

Литература

1. *Дмитриев, Ю. А.* Регламент – правовая основа деятельности парламента России [Текст] / Ю. А. Дмитриев // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2006. – № 3(69). – С. 8–10.

2. *Кленкина, О. В.* Парламентские процедуры в Российской Федерации [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О. В. Кленкина. – Саратов : Госуд. акад. права, 2004. – 223 с.

3. *Ковачев, Д. А.* Парламентская процедура: понятие, виды, регламентация (на опыте зарубежных государств) [Текст] / Д. А. Ковачев // Вестник межпарламентской ассамблеи. – Санкт-Петербург, 1994. – № 4. – С. 194–195.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 04.07.2020).

5. *Лазарева, М. Н.* Парламентские процедуры в России и Чехии: сравнительный анализ [Текст] / М. Н. Лазарева // Журнал российского права. – Москва, 2008. – № 11. – С. 105–111.

6. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД (ред. от 24.05.2022) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 16.02.1998. – № 7. – Ст. 801.

7. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : постановление СФ ФС РФ от 30.01.2002 № 33-СФ (ред. от 13.04.2022) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 18.02.2002. – № 7. – Ст. 635.

8. *Сероус, А. В.* Парламентские процедуры и функции парламента: вопросы взаимообусловленности [Текст] / А. В. Сероус // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 5(296). Право. Выпуск 35. – С. 26–31.

References

1. *Dmitriev, Yu. A.* Regulation – legal basis of the activity of the Parliament of Russia [Text] / Yu. A. Dmitriev // Representative power – XXI century: legislation, comments, problems. – 2006. – No. 3(69). – P. 8–10 [in Russian].

2. *Klenkina, O. V.* Parliamentary procedures in the Russian Federation [Text] : thesis for the degree of PhD in Law : 12.00.02 / O. V. Klenkina. – Saratov : State Academy of Law, 2004. – 223 p. [in Russian].

3. *Kovachev, D. A.* Parliamentary procedure: concept, types, regulation (on the experience of foreign states) [Text] / D. A. Kovachev // Bulletin of the Interparliamentary Assembly. – St. Petersburg, 1994. – No. 4. – P. 194–195 [in Russian].

4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (date of application: 04.07.2020) [in Russian].

5. *Lazareva, M. N.* Parliamentary procedures in Russia and the Czech Republic: comparative analysis [Text] / M. N. Lazareva // Journal of Russian Law. – Moscow, 2008. – No. 11.– P. 105–111 [in Russian].

6. On the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation : Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 22.01.1998 No. 2134-II of the State Duma (ed. of 24.05.2022) [Text] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 16.02.1998. – No. 7. – Article 801 [in Russian].

7. On the Regulations of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation : Resolution of the Federal Assembly of the Russian Federation of 30.01.2002 No. 33-SF (ed. of 13.04.2022) [Text] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 18.02.2002. – No. 7. – Article 635 [in Russian].

8. *Serous, A. V.* Parliamentary procedures and functions of Parliament: issues of interdependence [Text] / A. V. Serous // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2013. – № 5(296). Right. Issue 35. – P. 26–31 [in Russian].

Поступила в редакцию 20.09.2022
Received September 20, 2022

УДК 342
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-8

Жукова Анастасия Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения деятельности органов власти, Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 357500, г. Пятигорск, пр. Кирова, д. 43/45; старший преподаватель кафедры финансового права, юридический факультет, Южный федеральный университет, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, email: ms.zhukova@gmail.com

Zhukova, Anastasiya Ye.,
PhD in Law, Associate Professor at the Department of Legal Provision of the Authorities' Activities, North-Caucasus Institute – Branch of RANEPA, 43/45 Kirov Prospect, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation;
Senior Lecturer, Department of Financial Law, Law Faculty, Southern Federal University, 88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation,
email: ms.zhukova@gmail.com

Куров Аркадий Евгеньевич,
руководитель студенческого научного общества, Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 357500, г. Пятигорск, пр. Кирова, д. 43/45, email: arka-kurov@ya.ru

Kurov, Arkadiy Ye.,
Head of the Student Scientific Society, North-Caucasus Institute – Branch of RANEPA, 43/45 Kirov Prospect, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation,
email: arka-kurov@ya.ru

БИОИНЖЕНЕРНОЕ ПРАВО КАК ЧАСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

♦

BIOENGINEERING LAW AS PART OF CONSTITUTIONAL GROUNDS FOR ENSURING THE RIGHTS OF A HUMAN AND A CITIZEN

АННОТАЦИЯ. В статье авторы изучают биоинженерию как науку и возникшее на ее основе биоинженерное право. Проведен анализ биоинженерного законодательства развитых зарубежных стран и анализ отечественного законодательства в данной сфере. Авторы пришли к выводу о том, что несмотря на существующие в законе ограничения генной модификации, в будущем они будут существенно сокращаться. Главное – четко и быстро регламентировать возникающие элементы научного прогресса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: генная модификация; биоинженерия; закон; ген; медицинское право; биоинженерное право; геном; биоинженерные технологии.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Жукова, А. Е. **Биоинженерное право как часть конституционных основ обеспечения прав человека и гражданина [Текст] / А. Е. Жукова, А. Е. Куров // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 62–68. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-8.**

© А. Е. Жукова, А. Е. Куров, 2022

ABSTRACT. In the article, the authors study bioengineering as a science, and the bioengineering law that arose on its basis. In addition, the article analyzes the bioengineering legislation of developed foreign countries and domestic legislation in this area. Moreover, in the course of the study, the authors concluded that despite the existing restrictions on genetic modification in the law, in the future, they would be significantly reduced. The main goal is to clearly and quickly regulate the emerging elements of scientific progress.

KEYWORDS: genetic modification; bioengineering; law; gene; medical law; bioengineering law; genome; bioengineering technologies.

FOR CITATION:

Zhukova, A. Ye. Bioengineering Law as Part of Constitutional Grounds for Ensuring the Rights of a Human and a Citizen [Text] / A. Ye. Zhukova, A. Ye. Kurov. ***Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.*** **– 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 62–68 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-8.**

В современном мире количество различных болезней и недугов увеличивается с молниеносной скоростью. Благо, что и наука не стоит на месте постоянно совершенствуясь. Так, например, появляется множество вакцин, лекарств, новых способов лечения, протезов и так далее. А в последнее время некоторые специалисты научились искусственно создавать живые человеческие клетки. Многие ученые утверждают, что в ближайшее время даже человеческие органы будут печататься на специальных принтерах. Такой прогресс породил новую науку – биоинженерию.

В связи с этим возникает достаточно важный вопрос: как это будет закреплено в законодательстве и не будет ли это идти вразрез с уже принятыми нормами российского конституционного права?

Для того чтобы исчерпывающе ответить на поставленный выше вопрос, нам необходимо более подробно изучить совсем новое направление в науке и праве – биоинженерию.

Биоинженерия – это самостоятельный раздел медицины, который направлен на разработку научных проектов, специальное конструирование и практическое применение искусственно созданных биосистем, которые никак не вредят человеку и его живым клеткам при введении их в организм, для создания новой или замены старой биологической ткани или целого органа.

Необходимо отметить и то, что в биоинженерии есть немалое количество направлений, основными из которых являются:

– медицинское: направлено на изучение искусственно созданных клеток и создание на их основе искусственных органов, протезов, лекарств и стимуляторов;

– ботаническое: гибридизация уже известных растений и выведение на основе гибридной селекции новых, ранее неизвестных человечеству. Сюда же относится и создание новых видов животных;

– фармацевтическое: создание генно-модифицированных организмов (ГМО) для производства новейших и эффективных лекарств;

– правовое (биоинженерное право): направлено на урегулирование правовых коллизий в сфере медицинского законодательства и создание новых норм, регулирующих вопросы биоинженерного права. Примечательно, но данное направление в биоинженерии является «самым молодым».

Для урегулирования биоинженерной деятельности необходима мощная законодательная база, которая должна максимально точно и исчерпывающе регулировать вопросы разработки, создания, экспериментирования и использования на практике искусственно созданных человеческих органов и протезов.

Для полного понимания данной темы следует рассмотреть довольно богатый зарубежный опыт в сфере регулирования биоинженерного законодательства.

Главным основоположником в сфере биоинженерного права является Китай. Именно здесь в октябре 2020 года был обнародован, а позднее – в апреле 2021 года, вступил в силу первый в мире закон в сфере биоинженерного права: «生物 安全 法» («Закон Китая о биобезопасности») [4]. Впервые его текст был обнародован на 12-й сессии Центрального комитета по углублению реформ Коммунистической партии Китая, посвященной улучшению системы контроля эпидемий и улучшения общественного здравоохранения.

Поводом к созданию такого закона стала экспериментальная деятельность китайского ученого Хэ Цзянькуя. Цзянькуй работал в Южном научно-технологическом университете Китая и заведовал научной лабораторией университета. В феврале 2018 года Цзянькуй ушел в неоплачиваемый отпуск и о нем мало что было известно. Однако уже в ноябре 2018-го он заявил, что ему удалось искусственно создать двойняшек из генетически модифицированных эмбрионов, которые устойчивы к вирусу иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) [2].

На китайского генетика завели уголовное дело. В ходе следствия выяснилось, что в его команде преимущественно работали иностранные сотрудники. Все они работали достаточно скрытно, чтобы их опыт не был рассекречен. Также следователи выяснили, что опыт генетик начал еще в июне 2016 года. Кроме того, в марте 2017-го Цзянькуй заключил неофициальное конфиденциальное соглашение с восемью бездетными парами. И как следствие, эксперимент удался, но власти Китая отреагировали на этот опыт негативно, что стало одной из предпосылок к разработке законодательства о биобезопасности.

Удавшийся эксперимент Цзянькуя вызвал огромный общественный резонанс и во всем мире. По данному вопросу существует двойственная позиция: одни считают такие методы ужасными и «варварскими», а другие уверены, что за этим стоит будущее. Так, в марте 2019 года ведущие мировые ученые в области генной инженерии призвали общественность и правительство ряда стран ввести на законодательном уровне мораторий на клинические испытания над зародышевыми линиями с целью создания генетически модифицированных эмбрионов и тем более детей. Однако с такой позицией не согласна Всемирная организация здравоохранения. Специально созданная после скандала с Цзянькуем экспертная группа выпустила особые «рекомендации по редактированию ДНК». Они также отметили и то, что данную технологию не нужно запрещать, поскольку она имеет большой потенциал для применения в медицине, но применять ее необходимо под контролем и с соблюдением разработанных ими рекомендаций [12].

Следующим первопроходцем по принятию нормативно-правовых актов в сфере биоинженерного права стала Великобритания. Так, совсем недавно британское Управление по оплодотворению и эмбриологии разрешило генетическую модификацию человеческих эмбрионов.

Осуществление деятельности по генетической модификации человеческих эмбрионов возможно только при наличии специальной лицензии. На данный момент известно, что такой лицензией на территории Англии обладает только один человек – доктор Кэти Ниакан из Института имени Френсиса Крика [1]. Ниакан получила лицензию для осуществления лабораторного исследования, которое направлено на выявление причин, провоцирующих выкидыши.

Несмотря на то, что лицензия была получена ею благодаря поправкам к действующему британскому законодательству, вся общественность считает, что если допустить такие «бесчеловечные опыты», то совсем скоро родители смогут «заказывать» для своего будущего ребенка у ученых нужный цвет глаз, рост, вес и так далее. В результате вероятность дискриминации возрастает. Это еще раз подтверждает факт того, что необходимо тщательно урегулировать вопросы биоинженерии в сфере законодательной практики.

Еще одной страной, уделившей внимание проблеме биоинженерии с точки зрения законодательства, стали Соединенные Штаты Америки. Специально для данного вопроса в США было создано Федеральное агентство по надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) [10], которое разработало и опубликовало свод правил, направленных на урегулирование конфликтных вопросов в отношении использования в промышленности животных, геном которых отредактировали с помощью специальных биоинженерных технологий. Самой популярной из таких технологий, достаточно часто применяющейся при генной модификации, является технология CRISPR. Она позволяет вносить изменения в генетический код высших организмов.

Изучая перспективы дальнейшего законодательного развития биоинженерного права, мы можем заметить, что оно может как интегрироваться в действующее законодательство РФ, так и идти с ним вразрез. Кроме того, главной особенностью данной науки является то, что она сочетает в себе частный и публичный интерес, что немного усложняет становление качественного нормативного акта в данной сфере. Изучим это более детально.

Российская Федерация – это правовое государство, в котором закон является главным регулятором всех правоотношений в стране. Основным законом РФ является Конституция, где в статье 41 [5] содержатся ключевые принципы, способствующие реализации обеспечения прав человека и гражданина через медицину. Следовательно, и через биоинженерное право. Именно оно призвано создавать новые открытия в сфере медицины с целью их дальнейшего применения при лечении острых и хронических заболеваний, вызванных у человека.

Положения вышеуказанной статьи четко регламентируют, что каждый может претендовать на защиту своего здоровья и на бесплатную высококачественную медицинскую помощь. Кроме того, в Российской Федерации за счет средств бюджета финансируются программы по охране здоровья человека и гражданина, а также программы по развитию всех видов систем здравоохранения, предусмотренных законом.

Этого можно добиться только благодаря созданию медицинского нормативно-правового акта в сфере биоинженерии, направленного на улучшение качества оказания медицинской помощи (создание новых протезов, новых способов проведения магниторезонансной томографии, создание высокотехнологичных кардиостимуляторов и так далее).

Однако несмотря на то, что нормы Конституции РФ не противоречат деятельности биоинженерии, а наоборот, будут «поощрять» такую деятельность, в действующем законодательстве РФ есть и противоречивые аспекты, а именно в сфере частного интереса. В качестве примера рассмотрим Гражданский кодекс РФ [3].

Согласно п. 4 ст. 1349 ГК РФ, объектами патентных прав в РФ не могут быть: любые способы клонирования человека; модификация клеток ДНК человеческих эмбрионов и любые способы их использования в промышленных и коммерческих целях; а также любой результат интеллектуальной деятельности, противоречащий общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Кроме того, в п. 6 ст. 1350 ГК РФ указано, что в качестве изобретения на территории РФ невозможно зарегистрировать сорта растений и породы животных, полученных в результате скрещивания и отбора. Исключением является только скрещивание и отбор путем микробиологических способов.

В связи с этим, круг возможностей биоинженерного права существенно ограничен российским гражданским законодательством. Поэтому для достижения прогресса в науке и медицине необходимо законодательно расширить круг возможностей, предоставляемых биоинженерией.

За нарушение вышеуказанных норм, а также и за ряд других правонарушений российским уголовным законодательством предусмотрена ответственность.

Уголовный кодекс РФ [13] содержит в себе ряд составов преступлений, так или иначе смежных с биоинженерией. Среди основных из них стоит выделить:

– сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей (ст. 237 УК РФ): поскольку любые эксперименты с теми же лекарствами могут создать массовую эпидемию;

– нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ): к примеру, при создании какого-либо нового высокотехнологичного изобретения, в процессе его испытания, может быть нанесен непоправимый вред окружающей среде;

– производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и/или нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ (ст. 171.1 УК РФ): данная норма введена с целью предотвращения незаконного создания и дальнейшего товарного оборота генно-модифицированной продукции (ГМО); и так далее.

В итоге нормы уголовного законодательства так или иначе регламентируют запреты на осуществление научной деятельности в сфере биоинженерии. Однако мир постоянно меняется, поэтому необходимо конкретизировать отдельные нормы для устранения правовых пробелов.

Изучая нормы российского законодательства, регулирующие вопросы биоинженерии, необходимо также рассмотреть федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [7], который более подробно регулирует вопросы генно-инженерной деятельности, а также биоинженерии в целом. Можно сказать, что данный закон является основоположником биоинженерного права России.

Вышеуказанный ФЗ акцентирует ряд важных вопросов, но основным из них, на наш взгляд, считается вопрос установления государством основных направлений в деятельности уполномоченных органов государственной власти, в области генной инженерии. А для осуществления такой деятельности органами государственной власти закон уполномочивает их принимать федеральные и региональные программы и проекты, направленные на развитие генной инженерии в России. Данные нормы установлены прежде всего для того, чтобы государственные органы власти стимулировали законные и легальные разработки в сфере генной инженерии на территории РФ с целью их применения в медицине, промышленности и т. д.

В результате положения данного федерального закона еще раз подтверждают, что биоинженерное право в РФ является частью конституционных основ обеспечения прав человека и гражданина.

Но вместе с тем законодательная практика РФ в области биоинженерии не стоит на месте. В последние десятилетия был принят ряд нормативных актов в данной сфере, где прослеживается и негативная составляющая, так как появляется большое количество нормативно-правовых актов, которые создают различные юридические коллизии. Следовательно, чтобы избежать подобных коллизий, необходимо свести все нормы законов, постановлений и положений воедино. В таком случае многим ученым будет гораздо проще работать в сфере биоинженерии, ведь они будут четко понимать: что разрешено законом и можно в дальнейшем запатентовать, а что – нет.

Но все же, как отмечают представители государственной власти, биоправо имеет огромные перспективы развития в РФ. К примеру, в апреле 2021 года в университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) был проведен круглый стол, посвященный биоэтике и биоправу [6]. На данном мероприятии заместитель председателя Государственной Думы П. О. Толстой подчеркнул: «Без понимания общих начал биоэтических принципов невозможно обеспечить биологическую, экологическую и иные виды безопасности, следовательно, вопрос развития законодательства в данной области является вопросом государственного значения. В правовом государстве столь значимая деятельность не может осуществляться вне правового поля, однако в России до настоящего времени его границы не обозначены. Россия нуждается в федеральном законе о биоэтике» [6, с. 149]. Как мы можем заметить – главной перспективой развития данной отрасли в РФ является принятие ФЗ «О биоправе».

Кроме того, как отмечает Президент РФ В. В. Путин: необходимо настроить управленческий аппарат и действующее законодательство на новую технологическую реальность, которая формирует современную мощную научно-техническую базу [9].

На данный момент в РФ уже реализуются различные стратегии развития биоправа. Так, распоряжением Правительства РФ № 2816-р в перечне инициатив социально-экономического развития России до 2030 года указан проект «Санитарный щит страны» [8]. В рамках данного проекта в России планируется выявление, предупреждение, реагирование, ликвидация и мониторинг угроз биологического характера.

А для того, чтобы биоправо в РФ стремительно развивалось, необходимо решить некоторые задачи, которые заметно ускорят этот процесс. К таковым задачам относятся:

– осуществление исследований различного характера (фундаментальных, правовых, прикладных и т. д.): ведь без таковых понятия «биоинженерия» и «биоправо» не будут изучены до конца; следовательно, создать эффективный закон о данной сфере будет существенно сложнее;

– составление и внедрение в образовательный процесс новых программ по обучению юристов в данной сфере: биоправо – это крупная отрасль как в юридическом, так и в фундаментальном плане; поэтому нашей стране нужно внушительное количество специалистов в данной сфере;

– формирование единого информационного пространства, направленного на сбор и размещение информации о текущей ситуации с биоправом в РФ в одном месте, для минимизации недопонимания гражданами направления развития данной отрасли в сфере законодательства;

– создание Федерального закона «О биоправе в РФ».

Решив данные задачи, мы сможем эффективно внедрить новую научную отрасль в действующее российское законодательство. Необходимо отметить, что в РФ уже ведется активная работа по планированию и реализации различных стратегий в данной сфере.

Таким образом, биоинженерное право стремительно развивается не только в международном правовом поле, но и на территории РФ. Главное, что необходимо помнить, как при создании законов, так и при создании изобретений в сфере биоинженерии, – это слова Президента РФ В. В. Путина: «Когда мы что-то делаем и чем бы мы не занимались, мы никогда не должны забывать про нравственные, этические основы нашего дела» [11].

Безусловно, количество ограничений в действующем законодательстве, например, эксперименты с человеческими эмбрионами, в перспективе будет существенно сокращаться. Ведь для того, чтобы избавить мир от ряда болезней, приводящих к эпидемиям (к примеру,

COVID-19) и другим негативным последствиям для здоровья человека, необходим научный прогресс. А без его четкой и оперативной регламентации в действующем законодательстве – он будет существенно затормаживаться.

Литература

1. В Британии снят запрет на генетическую модификацию человеческих эмбрионов [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 15.02.2016. – URL: https://www.kommersant.uk/articles/v-britanii-snyat-zapret-na-geneticheskuyu-modifikatsiyu-chelovecheskih-embrionov (дата обращения: 20.09.2022).

2. Генетическое законодательство: как Китай будет регулировать проведение экспериментов по изменению ДНК [Электронный ресурс] // АНО «ТВ-Новости». – 23.01.2019. – URL: https://russian.rt.com/science/article/595537-kitai-zakonodatelstvo-geneticheskii-eksperiment (дата обращения: 19.09.2022).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 20.09.2022).

4. Закон Китая о биобезопасности (2020 г.) [Электронный ресурс] // Портал Законов Китая – CJO. – URL: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/biosecurity-law-of-china-20201017 (дата обращения: 10.09.2022).

5. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 20.09.2022).

6. Круглый стол «Биоэтика и биоправо» [Текст] // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 1(8). – С. 149–154.

7. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10944 (дата обращения: 20.09.2022).

8. Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 41. – Ст. 7051.

9. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 21.04.2021 [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794 (дата обращения: 15.09.2022).

10. Редактирование генома и законы США [Электронный ресурс] // Полит.ру. – 20.01.2017. – URL: https://polit.ru/article/2017/01/20/ps_fda (дата обращения: 21.09.2022).

11. Страшнее ядерной бомбы – Путин о генной инженерии без нравственной основы [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 22.10.2017.– URL: https://ria.ru/20171022/1507331249.html (дата обращения: 15.09.2022).

12. Три года ГМО-детям. Что изменил скандальный опыт китайского генетика [Электронный ресурс] // Тасс. Наука. – URL: https://nauka.tass.ru/nauka/13034621 (дата обращения: 20.09.2022).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 20.09.2022).

References

1. The ban on genetic modification of human embryos has been lifted in Britain [Electronic resource] // Kommersant. – 15.02.2016. – URL: https://www.kommersant.uk/articles/v-britanii-snyat-zapret-na-geneticheskuyu-modifikatsiyu-chelovecheskih-embrionov (date of application: 20.09.2022) [in Russian].

2. Genetic legislation: how China will regulate the conduct of DNA modification experiments [Electronic resource] // ANO "TV-Novosti". – 23.01.2019. – URL: https://russian.rt.com/science/article/595537-kitai-zakonodatelstvo-geneticheskii-eksperiment (date of application: 19.09.2022) [in Russian].

3. The Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (date of application: 20.09.2022) [in Russian].

4. China's Biosafety Law (2020) [Electronic resource] // Portal of Chinese Laws – CJO. – URL: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/biosecurity-law-of-china-20201017 (date of application: 10.09.2022) [in Russian].

5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (date of application: 20.09.2022) [in Russian].

6. Round table "Bioethics and bio law" [Text] // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). – 2021. – № 1(8). – P. 149–154 [in Russian].

7. On State regulation in the field of genetic engineering: Federal Law No. 86-FZ of 05.07.1996 [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10944 (date of application: 20.09.2022) [in Russian].

8. On approval of the list of initiatives for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030 : Decree of the Government of the Russian Federation No. 2816-r dated 06.10.2021 [Text] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 41. – Article 7051 [in Russian].

9. Message of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 21.04.2021 [Electronic resource] // Website of the President of Russia. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794 (date of application: 15.09.2022) [in Russian].

10. Genome editing and US laws [Electronic resource] // Polit.ru. – 20.01.2017. – URL: https://polit.ru/article/2017/01/20/ps_fda (date of application: 21.09.2022) [in Russian].

11. Scarier than a nuclear bomb – Putin on genetic engineering without a moral basis [Electronic resource] // RIA Novosti. – 22.10.2017. – URL: https://ria.ru/20171022/1507331249.html (date of application: 15.09.2022) [in Russian].

12. Three years of GMO children. What has changed the scandalous experience of the Chinese geneticist [Electronic resource] // Tass.Nauka. – URL: https://nauka.tass.ru/nauka/13034621 (date of application: 20.09.2022) [in Russian].

13. Criminal Code of the Russian Federation (Criminal Code of the Russian Federation) [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (date of application: 20.09.2022) [in Russian].

Поступила в редакцию 06.10.2022
Received October 06, 2022

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-9

Абашидзе Аслан Хусейнович,
Заслуженный юрист РФ, вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, email: abashidze-akh@rudn.ru

Abashidze, Aslan Kh.,
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Vice-President of the UN Committee on Economic, Social, and Cultural Rights, Doctor of Law, Professor, Head of the International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklay Str., Moscow, 117198, Russian Federation, email: abashidze-akh@rudn.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ *

♦

THE CHANGING OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL CONFRONTATION

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена теме понимания международного права в современных условиях, проанализированы попытки изменить значение выработанных принципов и правовых категорий в международном праве посредством создания новых ценностных ориентиров, включая продвижение подобных изменений в рамках международных организаций. Автором приведен показательный пример такой трансформации и введения в международное право новых категорий, а также наделения существующих новым смыслом. Обращено внимание на важные принципы, закрепленные в Рекомендации о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод, принятой в 1974 г. в рамках Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Экспертом был дан критический анализ проекта новых Рекомендаций, подготовленных на площадке ООН, из текста которых исчезают такие понятия как «дух международного взаимопонимания, сотрудничества и мира». Помимо этого, дан экспертный анализ категории «глобальная гражданственность» как подмены национальной идентичности, национальной государственности и традиционных ценностей. Автором высказано собственное профессиональное мнение, основанное на продолжительной работе в качестве эксперта Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам.

© А. Х. Абашидзе, 2022

ABSTRACT. The article is devoted to the topic of understanding the international law under modern conditions, analyses the attempts to change the meaning of developed principles and legal categories in international law by creating new values, including the promotion of such changes within the framework of international organizations. The author gives an illustrative example of such a transformation and the introduction of new categories into the international law, as well as giving new meaning to the existing ones. The author draws attention to important principles enshrined in the 1974 Recommendation concerning Education for International Understanding, Cooperation and Peace and Education relating to Human Rights and Fundamental Freedoms of the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. The expert provides a critical analysis of the draft new Recommendations prepared on the UN platform, from the text of which such concepts as 'the spirit of international understanding, cooperation and peace' disappear. In addition, an expert analysis of the category of 'the global citizenship' as a substitute for the national identity, national statehood, and traditional values is given. The author expresses and cites his professional opinion based on his long-term work as an expert of the UN Committee on Economic, Social, and Cultural Rights.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Устав ООН; традиционные ценности; международное сотрудничество; международное взаимопонимание.

KEYWORDS: UN Charter; traditional values; international cooperation; international understanding.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

***Абашидзе, А. Х.* Изменение современного международного права в условиях цивилизационного противостояния [Текст] / А. Х. Абашидзе // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 69–74. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-9.**

FOR CITATION:

Abashidze, A. Kh. The Changing of Contemporary International Law in The Context of Civilizational Confrontation [Text] / A. Kh. Abashidze. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 69–74 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-9.

** Статья подготовлена на основании выступления автора на Пленарном заседании Ежегодной Международной научно-практической конференции «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2022», организованной Южным федеральным университетом 28 октября 2022 г.*

Учитывая заявленную тему конференции «Право и цивилизационный выбор» в контексте нынешних условий международных отношений, когда налицо все признаки глубокого кризиса отношений между ведущими державами мира, что напрямую негативно отражается на существующем международном правопорядке, основанном на Уставе ООН, в качестве отправной точки моего выступления позволю использовать авторитетное мнение президента России В. В. Путина, высказанное во время его речи на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 года.

Президент России говорил о вступлении человечества в эпоху грандиозных перемен, которые, как и любая перемена такого уровня, характеризуются параллельным наличием «опасностей» и «возможностей». Что касается опасностей, которые наличествуют ныне, они вызваны прежде всего кризисом либеральной модели глобального управления и неадекватным восприятием элитой так называемого коллективного Запада распада СССР и расцениванием себя в качестве победителей «холодной войны», когда необходимо было совместно найти и зафиксировать новый баланс устойчивых международных отношений в политической, военной, экономической, гуманитарной и иных сферах, в качестве опоры для нового международного правопорядка. К сожалению, коллективный Запад избрал путь односторонних действий гегемона на основе порядка, основанного на правилах, установленных Соединенными Штатами Америки. Сущность кризиса оценена президентом России как «концептуальный» и даже «цивилизационный». По его словам, «это кризис подходов, принципов, определяющих само существование человека на земле», которое необходимо серьезно переосмысливать. Вопрос лишь в том, от чего отказываться, что пересматривать или корректировать. Президент России убежден, что «за подлинные ценности нужно побороться, отстаивая их всеми силами» [2].

Многолетний опыт, полученный в качестве эксперта международной универсальной системы защиты прав человека, позволяет утверждать о фронтальном наступлении западных государств и ими контролируемых международных институтов на изменение концептуальных основ этой правозащитной системы. Речь идет преимущественно о выхолащивании тех ценностных основ правозащитной системы, которые были заложены в период биполярного мира.

Можно привести бесконечное число примеров для доказательства сказанного. Однако остановимся лишь на одном, очень показательном, примере.

В ЮНЕСКО (как бы по инициативе изнутри) запущен ускоренный процесс пересмотра Рекомендации 1974 года о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод [6].

В октябре 2022 года был представлен проект Рекомендации под названием – Рекомендация об образовании в интересах глобальной гражданственности мира, прав человека и устойчивого развития [5].

Подчеркнем, в проекте пересмотренного документа, в его названии исчезли слова «воспитание в духе международного взаимопонимания и сотрудничества». Предлагается взамен «глобальная гражданственность». При этом в представленном проекте в разделе «определения» используемых ключевых понятий дано разъяснение, что следует понимать под «международным взаимопониманием», «сотрудничеством» и «миром»; их следует рассматривать как целостное понятие, в основе которого лежит «принцип дружественных отношений между народами, взаимодействие с широким кругом заинтересованных сторон, осознание того, что в разных государствах существуют различные социальные и политические системы…».

Как мы видим, в определении говорится лишь об «осознании», а не о «признании» того, что в разных государствах существуют различные социальные и политические системы, и вытекающие оттуда требования, как вести себя государствам в процессе взаимоотношений. В этом контексте уместно напомнить об аналогичном положении, которое было зафиксировано в 1990 году (т. е. когда еще существовал СССР) в Замечании общего порядка Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. В этом документе дано разъяснение Комитета о характере международного обязательства государств-участников Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. В нем, в частности, указано: «С точки зрения политических или экономических систем Пакт носит нейтральный характер, а его принципы нельзя однозначно квалифицировать как продиктованные исключительно необходимостью или желательностью социалистической или капиталистической системы или же смешанной экономики, централизованно планируемой экономикиилилиберальнойэкономики,либокакимлибо иным конкретным подходом. В этой связи Комитет вновь подтверждает, что права, признаваемые в Пакте, поддаются реализации в контексте самых разных экономических и политических систем, лишь бы в соответствующей системе получали признание и отражение взаимозависимость и неделимость этих двух групп прав человека, как это подтверждено, в частности, в преамбуле Пакта» [4].

Продолжая критический анализ проекта Рекомендации, отметим, что на место «воспитания в духе» предлагается «образование в интересах». В проекте добавлено слово «устойчивое развитие», указывающее на связи с ЦУР. Действительно, в ЦУР № 4 (о качественном образовании) в рамках задачи 4.7 содержится упоминание о глобальной гражданственности в следующем контексте: «Обеспечение полного и качественного образования для всех и содействие длительному обучению, включающее в себя воспитание глобальной гражданственности как одну из его целей». Здесь следует обратить внимание на одно существенное изменение в проекте: в ЦУР № 4 говорится про «обучение, включающее в себя воспитание глобальной гражданственности…», а в проекте Рекомендации говорится «об образовании в интересах глобальной гражданственности…». Иначе говоря, мы имеем дело с различными расстановками акцентов и вытекающим отсюда смыслом.

Если мы попытаемся выяснить, что означает понятие «глобальная гражданственность», то открытые источники в СМИ объясняют этот термин как обобщающий социальные, политические, экономические, экологические действия лиц, мыслящих глобально. Образование в духе глобальной гражданственности призвано подготовить человека (независимо от его возраста) к тому, чтобы он/она брал(а) на себя активную роль в разрешении глобальных проблем. Сказанное укладывается, например, в результаты различных международных социологических опросов, которые подтверждают, что более 85 % опрошенной молодежи хотят активно участвовать в преобразовании мира.

Казалось бы, здесь нет ничего настораживающего. Чтобы действительно снять все вопросы, давайте зададим один простой вопрос: на каких ценностных постулатах активисты глобальной гражданственности собираются преобразовывать мир? На какие ценностные установки они могут опираться?

Давайте посмотрим, как определяется это понятие в самом проекте Рекомендации? По проекту Рекомендации «глобальная гражданственность» «подразумевает чувство принадлежности к более широкому человеческому сообществу, разделяющему судьбу нашей планеты, … и предполагает общую глобальную от-

ветственность за построение более справедливого, устойчивого и мирного мира». В проекте подчеркивается политическая, экономическая, социальная и культурная взаимозависимость и взаимосвязанность между местным, национальным, региональным и глобальным уровнями.

Вышеприведенное объяснение не содержит никаких настораживающих признаков, однако оно также не дает четкого, исчерпывающего ответа о сущности и содержании понятия «*глобальная гражданственность*».

То, что данное понятие предполагает совсем другое, об этом можно прочитать в статье под названием «Глобальная гражданственность: новая важная сила», которая была опубликована в Хронике ООН, автором которой является Верховный комиссар ООН по правам человека (ныне бывшая), госпожа Мишель Бачелет [1]. Ее высказывание в этой статье о «глобальной гражданственности» следует воспринимать как авторитетное исходя из занимаемой ею должности. В этом контексте целесообразно напомнить, что эта должность была введена в структуре ООН после распада СССР на основании решения Венской конференции ООН по правам человека в 1993 году. Верховный комиссар является главным должностным лицом в области прав человека в рамках ООН, он подотчетен Генеральному секретарю ООН, несет ответственность за всю деятельность Управления Верховного комиссара и руководит им. Верховный комиссар выполняет функции, порученные ему Генеральной Ассамблеей ООН (на основании резолюции 48/141 от 20 декабря 1993 года), консультирует Генерального секретаря по вопросам политики ООН в области прав человека, обеспечивает поддержку в осуществлении проектов и мероприятий, а также органов, действующих в рамках программы в области прав человека. Важным является уточнение еще одного момента: Верховный комиссар ООН по правам человека назначается Генеральным секретарем ООН и утверждается Генеральной Ассамблеей ООН на четырехлетний срок с возможностью переназначения.

На фоне демонстрации высокого статуса Верховного комиссара по правам человека следует подчеркнуть его ответственность перед мировым сообществом за каждое сказанное им слово. В том числе в виде публикации упомянутой статьи, в которой автор, будучи Верховным комиссаром, уверяет, что концепция глобальной гражданственности была известна и раньше ООН, а в бытности ООН основы этой концепции были подкреплены положениями преамбулы Устава ООН и Всеобщей Декларации прав человека в виде уважения достоинства человека. По ее утверждению, эта концепция уже адаптирована к реалиям глобализации в самых разных ее проявлениях, однако пока еще не сложилась ее единая институциональная основа. Иначе говоря, утверждается, что имеются минимальные правозащитные нормы о глобальной гражданственности, и, следовательно, единый институциональный механизм для ее претворения в жизнь. Отсюда и объяснение, почему она, в качестве Верховного комиссара по правам человека, так активно «трудилась» по утверждению данной концепции при наличии множества проблем, стоящих перед Управлением Верховного комиссара, решение которых должны были быть приоритетными задачами для нее в качестве Верховного комиссара.

Она пишет: «*Под глобальной гражданственностью сегодня понимают гражданственность, не ограничивающуюся сугубо национальной, не связанную с какой-либо определенной самоидентификацией и территорией, включающую в себя непрерывно меняющиеся общемировые ценности*».

Таким образом, под «*глобальной гражданственностью*» следует понимать действия лиц вне национальной, не связанной с какой-либо определенной самоидентификацией и территорией. Она, имея опыт президента Чили (2006–2010, 2014–2018), всячески избегает в рассматриваемой статье употребления слова «государство», предпочитает вместо этого использовать слово «территория». Это при том, что сам институт гражданства (откуда слово «гражданственность») – означает устойчивую правовую связь индивида с государством, порождающую взаимные права и обязанности. Кстати, чтобы приобрести статус гражданина Европейского Союза, лицо должно иметь гражданство какого-либо государства – члена ЕС.

Далее бывший Верховный комиссар уверяет: «*В условиях нового мирового порядка перед глобальной гражданственностью стоит задача расширения ее сферы действия и демократизации процесса принятия решений, способ-*

ного коренным образом влиять на важнейшие составляющие нашего общества, в первую очередь на жизнь людей, особенно…». Здесь прервем цитирование и попытаемся угадать, кого она имела в виду в части «особенно»? Ответ: «принадлежащих к меньшинствам». Конечно, не к национальным/этническим, языковым и религиозным меньшинствам, о чем говорится в ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, а ЛГБТ, насчитывающим более 60 типов.

Далее М. Бачелет уточняет: «*Глобальный гражданин действует вне границ и географических различий, не ограничиваясь традиционными сферами власти*».

Чтобы «обосновать» поход против традиционной власти, она приводит ничем не подтвержденные утверждения: «*…Мировой порядок пережил смену парадигмы, основанную на видоизменении понятий гражданства и власти, что даже поставило под сомнение традиционное понимание безопасности и привело к появлению новой концепции безопасности человека. Это означает, что при обеспечении безопасности следует в первую очередь думать о человеке, а не о государстве. Это также способствовало появлению нового подхода под названием ответственность по защите…, т.е. коллективная ответственность международного сообщества принимать меры в ответ на массовые зверства и защищать население от геноцида…*».

Почему-то от Верховного комиссара по правам человека не последовала реакция на заявление российского руководства о политике геноцида киевского режима в отношении населения ДНР и ЛНР.

Уважаемый читатель сам догадывается, образно говоря, на какую мельницу госпожа Мишель Бачелет наливает воду.

В заключении статьи она провозглашает: «*…Теперь у нас есть новая важная сила – глобальная гражданственность. Именно поэтому и обществу, и лицам, принимающим решения, необходимо объединиться. Такое партнерство поможет нам определить общемировые этические нормы, основанные на подотчетности и всеобщей солидарности активных глобальных граждан*».

Бывшим Верховным комиссаром по правам человека не уточняется, какие имелись в виду «*этические нормы*», на которых должны основываться «*подотчетность*» и «*всеобщая солидарность*» «*активных глобальных граждан*». Однако можно без труда догадаться: такой «активист» не должен ориентироваться на власть своего государства, на моральные устои своего общества и на его традиционные ценности; он должен быть человеком без определенного пола, космополитом[1]. Для «активности» хорошо было бы для увеличения числа таких «активистов» под лозунгом «дегуманизация» легализировать наркотические средства под предлогом уважения достоинства человека.

Спрашивается, почему Верховный комиссар по правам человека, занимая такой ответственный пост международного значения, становится пропагандистом так называемых «западных либеральных ценностей»?

Ответ можно найти в системе подбора кадров в рамках ООН. Именно на подобные обстоятельства обратил внимание в своем выступлении президент РФ В. В. Путин на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 года, разоблачая задачу западной модели глобализации – укрепление безоговорочного доминирования Запада в мировой экономике и политике, для которого «*поставить себе на службу природные и финансовые ресурсы, интеллектуальные, кадровые и экономические возможности всей планеты, сделать это под соусом так называемой новой глобальной взаимозависимости*» [3]. Как мы видим, среди перечисленных средств достижения поставленной задачи западной модели глобализации названы «кадровые возможности».

Применительно к госпоже Мишель Бачелет уточним, что она по базовому образованию врач педиатрии и общественного здравоохранения. До избрания на пост президента занимала пост министра обороны (2002–2004), предварительно проходя обучение в Межамериканском колледже обороны в Соединенных Штатах Америки. Еще один момент в ее биографии: между перерывом ее президентства на второй срок, в 2011 году, она была назначена первым директором структуры «ООН-женщи-

[1] Космополит (человек мира) – идеология мирового гражданства, ставящая интересы всего человечества в целом выше интересов отдельного государства и рассматривающая человека как свободного индивида в рамках Земли.

ны» – организации, занимающейся борьбой за права женщин и девочек на международном уровне. К сказанному добавим еще один штрих из ее деятельности: при ее президентстве был принят Закон Чили о гражданском союзе, который предоставляет права ЛГБТ-группам.

В итоге нам хотелось бы заключить: в процессе воссоздания нового международного правопорядка нам придется не только корректировать многие основы международного сотрудничества, но и избавиться от многих «хламов», препятствующих перестроению межгосударственного взаимодействия в гуманитарной сфере на подлинно общечеловеческих ценностях.

Литература

1. *Бачелет, М.* Глобальная гражданственность: новая важная сила [Электронный ресурс] / М. Бачелет // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/chronicle/article/21764

2. Выступление президента РФ В. В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 21.10.2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261

3. Выступление президента РФ В. В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27.10.2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/69695

4. Замечание общего порядка № 3 – Природа обязательств государств-участников (пункт 1 статьи 2 Пакта). Документ ООН HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I). 1990.

5. Проект Рекомендация об образовании в интересах глобальной гражданственности, мира, прав человека и устойчивого развития [Электронный ресурс] // The UNESCO Digital Library. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383055

6. Рекомендации 1974 года о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901839536

References

1. *Bachelet, M.* Global citizenship: a new important force [Electronic resource] / M. Bachelet // UN official website. – URL: https://www.un.org/ru/chronicle/article/21764 [in Russian].

2. Speech of the President of the Russian Federation V. V. Putin at the meeting of the International Discussion Club "Valdai". 21.10.2021 [Electronic resource] // Official website of the President of Russia. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261 [in Russian].

3. Speech of the President of the Russian Federation V. V. Putin at the meeting of the International Discussion Club "Valdai". 27.10.2022 [Electronic resource] // Official website of the President of Russia. – URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/69695 [in Russian].

4. General comment No. 3 – The nature of the obligations of States parties (article 2, paragraph 1, of the Covenant). UN document HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I). 1990 [in Russian].

5. Draft Recommendation on Education for Global Citizenship, Peace, human Rights and Sustainable Development [Electronic resource] // The UNESCO Digital Library. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383055 [in Russian].

6. Recommendations of 1974 on education in the spirit of international understanding, cooperation and peace and education in the spirit of respect for human rights and fundamental freedoms [Electronic resource] // Electronic fund of legal and regulatory documents. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901839536 [in Russian].

Поступила в редакцию 06.11.2022
Received November 06, 2022

УДК 341
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-10

Абдуллаев Назим Низами оглы,
соискатель кафедры
европейского права,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76,
email: N.Abdullaev@inno.mgimo.ru

Abdullayev, Nazim N.,
PhD-Student, Department
of European Law,
MGIMO University (Moscow State Institute
of International Relations) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76 Vernadsky Prospect, Moscow, 119454,
Russian Federation,
email: N.Abdullaev@inno.mgimo.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ООН И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЕЕ ОРГАНАМИ И ПРОГРАММАМИ

♦

LEGAL ASPECTS OF THE PARTICIPATION OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN IN THE UNO AND INTERACTION WITH ITS BODIES AND AGENCIES

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению участия Азербайджанской Республики в Организации Объединенных Наций и ее сотрудничеству с органами и организациями в рамках ООН. Автором проанализирована роль ООН в закреплении международно-правовых основополагающих норм, касающихся решения Нагорно-Карабахского конфликта. Принятые Советом Безопасности в 1993 г. четыре резолюции представляют собой одну из важнейших правовых основ решения конфликта – актов, обладающих обязательной силой. В статье рассмотрено сотрудничество правительства с органами и организациями ООН, в частности с Международной организацией по миграции и Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев. Также уделено внимание сотрудничеству правительства Азербайджана со страновым представительством ООН на основе пятилетних планов сотрудничества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Азербайджан; Организация Объединенных Наций; Совет безопасности; правовое регулирование; Нагорно-Карабахский конфликт.

ABSTRACT. The article focuses on the participation of the Republic of Azerbaijan in the United Nations and its cooperation with the UN bodies and organizations. The author analyses the role of the UN in the consolidation of international legal foundations for the resolution of the Nagorno-Karabakh conflict. The four resolutions adopted by the Security Council in 1993 constitute one of the most important legal bases for the resolution of the conflict – acts of binding force. The author then examines the government's cooperation with the UN bodies and organizations, the International Organization for Migration and the Office of the UN High Commissioner for Refugees in particular, as well as the cooperation of the Azerbaijani government with the UN country representation based on five-year plans of cooperation.

KEYWORDS: Azerbaijan; United Nations Organization; Security Council; legal regulation; Nagorno-Karabakh conflict.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Абдуллаев, Назим Низами оглы. **Правовые аспекты участия Азербайджанской Республики в ООН и взаимодействия с ее органами и программами [Текст] / Абдуллаев Назим Низами оглы // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 75–83. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-10.**

FOR CITATION:

Abdullayev, Nazim N. Legal Aspects of the Participation of the Republic of Azerbaijan in the UNO and Interaction with its Bodies and Agencies [Text] / Nazim N. Abdullayev. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 75–83 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-10.

© Абдуллаев Назим Низами оглы, 2022

После восстановления государственной независимости в октябре 1991 г. Азербайджанская Республика, как полноправный субъект международного права, начала последовательную деятельность, чтобы стать членом Организации Объединенных Наций. В Постановлении Верховного Совета Азербайджанской Республики об «Обращении к Организации Объединенных Наций» от 29 октября 1991 г. было заявлено о восстановлении государственной независимости, и Азербайджанская Республика обратилась с просьбой к членам ООН рассмотреть вопрос о приеме ее в организацию и выразила готовность выполнять взятые на себя обязательства «исходя из своей решимости идти по пути развития демократии, свободы и равенства, желая занять достойное место в мировом сообществе и содействовать укреплению международной безопасности и сотрудничества» [6].

На основе данного Обращения Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 742 (1992) от 14 февраля 1992 г., которая рекомендовала принять Азербайджанскую Республику в члены ООН [28]. На 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 марта 1992 г. была принята Резолюция A/RES/46/230 «Прием Азербайджанской Республики в члены ООН» [7]. В тот же день перед штаб-квартирой ООН в Нью-Йорке был поднят ее государственный флаг. Участие Азербайджана в работе ООН исходит из важности роли организации в международных отношениях. Принимая положения Устава ООН, Азербайджан выражает согласие с целями и принципами ООН и стремится к установлению равноправных и партнерских отношений со всеми странами мира [4, с. 103].

Сотрудничество Азербайджана с ООН ведется по различным направлениям. Азербайджан участвует в работе большинства органов и специализированных учреждений ООН [15, с. 202]. В качестве примера можно привести роль Совета безопасности ООН и его роль в формировании правовой основы внешней политики Азербайджана в отношении армяно-азербайджанского конфликта. В период Первой Карабахской войны были приняты четыре резолюции СБ ООН:

1) Резолюция СБ ООН (S/RES/822) от 30 апреля 1993 г. [11];

2) Резолюция СБ ООН (S/RES/853) от 29 июля 1993 г. [12];

3) Резолюция СБ ООН (S/RES/874) от 14 октября 1993 г. [13];

4) Резолюция СБ ООН (S/RES/884) от 12 ноября 1993 г. [14].

В данных резолюциях выдвигались требования об освобождении недавно оккупированных армянскими вооруженными силами азербайджанских административных районов и возвращения беженцев и вынужденных переселенцев [25].

26 апреля 1995 г. было принято Заявление Председателя Совета Безопасности S/PRST/1995/21, касающееся Нагорно-Карабахского конфликта, в котором заявляется, что «Совет вновь подтверждает все свои соответствующие резолюции, в том числе касающиеся принципов суверенитета и территориальной целостности всех государств, в регионе. Он также вновь подтверждает нерушимость международных границ и недопустимость применения силы для приобретения территории» [29].

Азербайджанская Республика была избрана непостоянным членом СБ ООН на период 2012–2013 гг. Азербайджан в период своего членства принимал активное участие в работе СБ ООН и прилагал усилия для поддержания международного мира и безопасности.

Основным событием в период первого председательства была состоявшаяся 4 мая 2012 г. встреча высокого уровня на тему «Угрозы, создаваемые террористическими актами международному миру и безопасности: усиление международного сотрудничества, выполнение обязательств по борьбе с терроризмом», в которой участвовали Генеральный секретарь ООН, министры, заместители министров и другие высокопоставленные лица. По итогам встречи Совет принял Заявление Председателя СБ ООН (S/PRST/2012/17), в котором он вновь подтвердил свое решительное и безоговорочное осуждение терроризма во всех его формах и проявлениях; отметил меняющийся характер терроризма; напомнил государствам-членам об обязательствах воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силы или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства и воздерживаться от оказания какой-либо поддержки судам или лицам, участвующим в террористических актах или связанным с ними; вновь подтвердил, что

эффективные меры по борьбе с терроризмом и уважение прав человека, основных свобод и верховенства права являются взаимодополняющими; и подчеркнул важность уважения и понимания религиозного и культурного разнообразия во всем мире [30].

28 октября 2013 г. Азербайджан организовал встречу высокого уровня по укреплению партнерства между ООН и Организацией Исламского Сотрудничества (ОИК). Целью встречи было рассмотреть вопрос о сотрудничестве между ООН и ОИК в деле поддержания международного мира и безопасности. В заявлении Председателя S/PRST/2013/16, принятом в качестве итогового документа совещания, Совет Безопасности, в частности, признал и поддержал активный вклад ОИК в работу ООН; отметил, что ООН и ОИК разделяют общие цели в содействии урегулированию израильско-палестинского конфликта, сирийского конфликта в соответствии с Женевским коммюнике от 30 июня 2012 г., а также в содействии решениям других конфликтов в соответствии с Уставом ООН и соответствующими резолюциями Совета Безопасности; отметил обязательство содействовать глобальному диалогу в целях развития идей терпимости и мира, и призвал к расширению сотрудничества в целях содействия лучшему взаимопониманию между странами, культурами и цивилизациями; и признал важность укрепления сотрудничества с ОИК в деле поддержания международного мира и безопасности [31].

Азербайджанская Республика принимает активное участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. В ее рамках также были приняты три резолюции, касающиеся приоритетного направления внешней политики Азербайджана – армяно-азербайджанского конфликта:

1) Резолюция ГА ООН (A/RES/48/114) «Чрезвычайная международная помощь беженцам и перемещенным лицам в Азербайджане» от 20 декабря 1993 г. [8];

2) Резолюция ГА ООН (A/RES/60/285) «Положение на оккупированных территориях Азербайджана» от 7 сентября 2006 г. [9];

3) Резолюция ГА ООН (A/RES/62/243) «Положение на оккупированных территориях Азербайджана» от 14 марта 2008 г. [10]

Первые две резолюции ГА ООН касаются гуманитарной ситуации, сложившейся в результате Первой Карабахской войны, и пожаров, вспыхнувших в 2006 г. Третья резолюция отмечает основные подходы ГА ООН к разрешению Нагорно-Карабахского конфликта:

– поддержка территориальной целостности Азербайджана;

– требование к выводу армянских вооруженных сил с оккупированных территорий Азербайджана;

– право на возвращение изгнанного с оккупированных территорий населения;

– создание условий для сосуществования армянской и азербайджанской общин в Карабахе;

– призыв к государствам не поддерживать и не признавать законной сложившуюся в регионе ситуацию;

– поддержка международного посредничества, особенно Минской группы ОБСЕ.

Помимо этого, Азербайджан участвует в формировании новой повестки дня в рамках ГА ООН по различным направлениям [32]. В качестве примера можно привести созыв по инициативе Азербайджана Специальной сессии ГА ООН 3–4 декабря 2020 г., на которой обсуждались подходы к борьбе с пандемией COVID-19. Президент Азербайджана И. Алиев заявил о существовании такого явления, как «вакцинный национализм», из-за которого средние и малые страны, не производящие вакцины, не получают нужного количества доз, когда крупные государства закупают или производят для себя количество, в несколько раз превышающее их реальные запросы.

Следует отметить также другие органы и учреждения ООН, в работе которых участвует Азербайджан. Азербайджан был избран членом Исполнительного совета ЮНИСЕФ (1995–1997, 1998–2000, 2021–2024 гг.), Комиссии по положению женщин (2000–2002 гг.), Комитета по устойчивому развитию (2002–2004 гг.), Совета ООН по правам человека (2006–2009 гг.) и Экономического и Социального совета ООН (2003–2005 и 2017–2019 гг.). В 2002 г. Азербайджан инициировал резолюцию о «пропавших без вести» в Комиссии по правам человека (ныне известной как Совет по правам человека). Азербайджан также был инициатором или соавтором ряда резолюций, принятых органами ООН, например, ежегодной резолюции Комиссии по положению женщин «Освобождение женщин и детей, взятых в заложники, в

том числе впоследствии заключенных в тюрьму, в ходе вооруженных конфликтов». В 2017 г. Азербайджан стал членом Административного совета МОТ на период до 2020 г. Азербайджан был избран членом Исполнительного совета ЮНЕСКО на 2021–2025 гг. и членом Комитета ЮНЕСКО по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта на 2022–2025 гг. [1].

Азербайджанская Республика также взяла на себя обязательства на основе различных международно-правовых актов универсального характера в рамках ООН, например, Международного пакта о гражданских и политических правах [23], Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [24], Конвенции по правам ребенка [19], Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [5], Конвенции о статусе беженцев [3], Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в отношении женщин [33], Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания [18], Международной Конвенции о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей [22], Конвенции о правах инвалидов [34], Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений [21].

Представительство ООН в Азербайджане было учреждено в 1993 г. [16]. Представительство ООН в Азербайджане включает в себя следующие учреждения ООН, представленные офисами или проектами: Программа развития ООН (ПРООН), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международная организация труда (МОТ), Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ), Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО), Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР), Организация Объединенных Наций Департамент общественной информации (ПРООН), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин («ООН-женщины»), Управление по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН), Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ) и Международная организация по миграции (МОМ).

Сотрудничество ООН с правительством Азербайджанской Республики в стране основывается на пятилетних комплексных планах. В рамках этих планов различные учреждения ООН при содействии международных и азербайджанских организаций и местных государственных учреждения имплементируют различные проекты, нацеленные на развитие государственного управления, гражданского общества и экономического благосостояния.

В 2016 г. было принято «Рамочное партнерство между Азербайджанской Республикой и ООН» на 2016–2020 гг. [35]. В документе указаны три сферы совместного сотрудничества в указанный период:

1) содействие устойчивому и инклюзивному экономическому развитию, основанному на расширении диверсификации и достойной работы;

2) укрепление институционального потенциала и эффективных государственных и социальных услуг;

3) улучшение экологического менеджмента и устойчивости к опасностям и стихийным бедствиям.

В результате изучения итогов имплементации были выявлены следующие выводы:

Взаимоотношения между ООН и Азербайджаном должны строиться вокруг целей и стратегий малого и среднего уровня, в то время как цели и стратегии более высокого уровня должны быть включены в государственные программы и стратегии.

Необходимо государственное участие в имплементации проектов, что обеспечивает ее включение в необходимую государственную программу, что, в свою очередь, влечет за собой необходимый проектный менеджмент и бюджетные ассигнования.

Подключение к реализации проектов гражданского и академического обществ важно для увеличения их эффективности.

Отмечается, что совместное партнерство между ООН и Азербайджаном положительно влияет на развитие прав человека и достижения целей устойчивого развития.

В 2021 г. был подготовлен следующий пятилетний план сотрудничества «ООН и Правительство Азербайджана. Рамочное партнерство в сфере устойчивого развития 2021–2025» [36], в рамках которого устанавливаются стратегическое видение и направления сотрудничества между Правительством Азербайджана и Страновой командой ООН. Вопросы устойчивого развития играют важную роль в развитии отношений между Азербайджана с ООН. Данный план составлен на базе принятой ООН Повестки 2030, а также Концепции развития 2030, принятой правительством Азербайджана и заменившей Концепцию-2020.

В данном документе выделяются четыре приоритетных направления сотрудничества:

1) инклюзивный рост, снижающий уязвимость и укрепляющий устойчивость;

2) более сильные институты для лучшего предоставления государственных и социальных услуг;

3) защита окружающей среды и противодействие изменению климата;

4) гендерно-справедливое общество, закрепляющее положение женщин и девочек.

Следует также рассмотреть участие страны в организациях в рамках ООН. Азербайджан стал членом Международной организации по миграции 7 июля 2001 г. на 81-й сессии Совета МОМ [20]. Присутствие организации в Азербайджане началось в 1996 г. с учреждением офиса МОМ в Баку. В 1999 г. было подписано Соглашение, устанавливающее правовую базу сотрудничества сторон [17]. МОМ реализует различные проекты в соответствии со своей миссией по оказанию помощи правительству Азербайджана в решении оперативных проблем миграции, углублении понимания проблем миграции, поощрении социально-экономического развития и защите человеческого достоинства и благополучия мигрантов. В частности, сферами деятельности МОМ в Азербайджане посредством предоставления технической помощи правительству являются:

– разработка и корректировка законодательства;

– пограничный контроль;

– предотвращение незаконной миграции, в частности незаконного ввоза людей и торговли людьми;

– содействие миграционному диалогу;

– развитие сообществ и микрокредитование;

– обеспечение водой путем восстановления систем подземных вод, называемых «кахриз»;

– помощь при передвижении;

– содействие добровольному возвращению и реинтеграции.

Отдельно следует выделить сотрудничество Азербайджана с Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). В п. 7 Заявления Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации от 9–10 ноября 2020 г., завершившего Вторую Карабахскую войну, указывается, что «внутренне перемещенные лица и беженцы возвращаются на территорию Нагорного Карабаха и прилегающие районы под контролем Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев» [2].

Офис УВКБ ООН в Азербайджане был открыт в декабре 1992 г. для разрешения проблем беженцев и внутренне перемещенных лиц из Армении и конфликтной зоны в Карабахе (около 850 000 человек), а также турок-месхетинцев (около 50 000 человек), переехавших из Узбекистана в 1988 г. в результате межэтнических конфликтов [27]. 9 июля 1996 г. между УВКБ ООН и Азербайджаном было подписано Соглашение. В 1997 и 1998 гг. УВКБ ООН в сотрудничестве с Советом Европы разработал для Азербайджана проект нового закона о гражданстве, принятого в сентябре 1998 г., который, среди прочего, предусматривает автоматическую натурализацию вышеупомянутых категорий беженцев. В сентябре 1999 г. УВКБ ООН оказало помощь парламенту в принятии нового закона о беженцах [36], позволяющего более полное исполнение Конвенции о статусе беженцев1951 г. [3].

Из вышеуказанного можно сделать вывод, что ООН является важной организацией, участие в которой позволило Азербайджанской Республике стать полноправным членом международного сообщества, развить национально-правовую систему и перенять практику, разработанную в рамках ООН по сотрудничеству с другими субъектами международного права.

Литература

1. Азербайджан избран членом комитета ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Trend News Agency. –

02.12.2021. – URL: https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3520588.html (дата обращения: 12.12.2021).

2. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации от 10 ноября 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64384 (дата обращения: 08.12.2021).

3. Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 12.11.2021).

4. *Мамедов, Н.* Внешняя политика: Реалии и взгляд в будущее [Текст] / Н. Мамедов. – Баку : Ганун, 2013. – 423 с.

5. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 12.11.2021).

6. Постановление Верховного Совета Азербайджанской Республики «Об Обращении к Организации Объединенных Наций» (29 октября 1991 г.) [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. – URL: https://republic.preslib.az/ru_d4-16.html (дата обращения: 12.11.2021)

7. Прием Азербайджанской Республики в члены Организации Объединенных Наций. A/RES/46/230. 02.03.1992 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Документы. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/46/230 (дата обращения: 12.11.2021).

8. Резолюция ГА ООН (A/RES/48/114) от 20 декабря 1993 г., озаглавленная «Чрезвычайная международная помощь беженцам и перемещенным лицам в Азербайджане» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Документы. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/48/114 (дата обращения: 12.11.2021).

9. Резолюция ГА ООН (A/RES/60/285) от 7 сентября 2006 г., озаглавленная «Положение на оккупированных территориях Азербайджана» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Документы. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/60/285 (дата обращения: 12.11.2021).

10. Резолюция ГА ООН (A/RES/62/243) от 14 марта 2008 г., озаглавленная «Положение на оккупированных территориях Азербайджана» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Документы. – URL: https://undocs.org/ru/A/62/L.42 (дата обращения: 12.11.2021).

11. Резолюция Совета безопасности ООН S/RES/822 (1993) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Документы. – URL: https://undocs.org/ru/S/RES/822(1993) (дата обращения: 10.11.2021).

12. Резолюция Совета безопасности ООН S/RES/853 (1993) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Документы. – URL: https://undocs.org/ru/S/RES/853(1993) (дата обращения: 10.11.2021).

13. Резолюция Совета безопасности ООН S/RES/874 (1993) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Документы. – URL: https://undocs.org/ru/S/RES/874(1993) (дата обращения: 10.11.2021).

14. Резолюция Совета безопасности ООН S/RES/884 (1993) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Документы. – URL: https://undocs.org/ru/S/RES/884(1993) (дата обращения: 10.11.2021).

15. *Чернявский, С.* Выбор курса [Текст] / С. Чернявский. – Москва : Азер-Медиа, 2003. – 336 с.

16. *Чернявский, С. И.* Внешняя политика Азербайджанской Республики [Текст] / С. И. Чернявский. – Баку : Адилоглы, 2003. – 488 с.

17. Azərbaycan Respublikası Hökuməti və Beynəlxalq Miqrasiya Təşkilatı arasında Əməkdaşlıq Sazişi (Соглашение о сотрудничестве между Правительством Азербайджанской Республики и Международной организацией по миграции). 08.12.1999 [Электронный ресурс] // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi. Hüquqi aktların vahid elektron bazası (Министерство Юстиции Азербайджанской Республики. Правовые акты в единой электронной базе данных). – URL: http://www.e-qanun.az/framework/561 (дата обращения: 12.11.2021).

18. Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 39/46 of 10 December 1984. Entry into force 26 June 1987, in accordance with article 27 (1) [Electronic resource] // The official website of the UN Office for Human Rights. – URL: https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CAT.aspx (date of application: 12.11.2021).

19. Convention on the Rights of the Child. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989. Entry into force 2 September 1990, in accordance with article 49 [Electronic resource] // The official website of the UN Office for Human Rights. – URL: https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CRC.aspx (date of application: 12.11.2021).

20. Eighty-First (Special) Session of the Council. Summary Record of the Four Hundred and Thirty-Third Meeting. MC/C/SR/433. Original: English 22 June 2001 [Electronic resource] // IOM Governing Bodies. – URL: https://governingbodies.iom.int/system/files/jahia/webdav/shared/shared/mainsite/about_iom/en/council/81/MC_C_SR433.pdf (date of application: 12.11.2021).

21. International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance. 6 February 2007 [Electronic resource] // The official website of the UN Office for Human Rights. – URL: https://www.ohchr.org/Documents/ProfessionalInterest/disappearance-convention.pdf (date of application: 12.11.2021).

22. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families. Adopted by General Assembly resolution 45/158 of 18 December 1990 [Electronic resource] // The official website of the UN Office for Human Rights. – URL: https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CMW.aspx (date of application: 12.11.2021).

23. International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966. Entry into force 23 March 1976 [Electronic resource] // The official website of the Child Rights International Network (CRIN). – URL: https://archive.crin.org/en/library/legal-database/international-covenant-civil-and-political-rights.html (date of application: 12.11.2021).

24. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966. Entry into force 3 January 1976, in accordance with article 27 [Electronic resource] // The official website of the Child Rights International Network (CRIN). – URL: https://archive.crin.org/en/library/legal-database/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights.html (date of application: 12.11.2021).

25. *Makili-Aliyev, K.* Azerbaijan's Foreign Policy: Between East and West ... [Electronic resource] / K. Makili-Aliyev // IAI working papers 13. – 05 January 2013. – 14 p. – URL: https://www.iai.it/sites/default/files/iaiwp1305.pdf (date of application: 12.11.2021).

26. Qaçqınların və məcburi köçkünlərin (ölkə daxilində köçürülmüş şəxslərin) statusu haqqında Azərbaycan Respublikasının qanunu (Закон Азербайджанской Республики о статусе беженцев и вынужденных переселенцев (внутренне перемещенных лиц)). 21.05.1999 [Electronic resource] // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi. Hüquqi aktların vahid elektron bazası (Министерство Юстиции Азербайджанской Республики. Правовые акты в единой электронной базе данных). – URL: http://www.e-qanun.az/framework/4757 (date of application: 12.11.2021).

27. *Redmond, R.* Refugees Magazine Issue 98 (After the Soviet Union) – 01 December 1994. – Conflict in the Caucasus [Electronic resource] / R. Redmond // The official website of the UN Refugee Agency. – URL: https://www.unhcr.org/publications/refugeemag/3b54208d3/refugees-magazine-issue-98-soviet-union-conflict-caucasus.html (date of application: 12.11.2021).

28. Resolution 742 (1992) (adopted by the Security Council at its 3052nd meeting, on 14 February 1992) [Electronic resource] // United Nations. Digital Library System. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/137563/files/S_RES_742%281992%29-EN.pdf (date of application: 12.11.2021).

29. Statement by the President of the Security Council S/PRST/1995/21/. 26 april 1995 [Electronic resource] // Official UN website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/S/PRST/1995/21 (date of application: 12.11.2021).

30. Statement by the President of the Security Council. S/PRST/2012/17. 4 May 2012 [Electronic resource] // Official UN website. Documents. – URL: https://undocs.org/s/prst/2012/17 (date of application: 12.11.2021).

31. Statement by the President of the Security Council. S/PRST/2013/16. 28 October 2013 [Electronic resource] // Official UN website. Documents. – URL: https://undocs.org/S/PRST/2013/16 (date of application: 12.11.2021).

32. The Role of Azerbaijan in Regional and Global Arena: Realities and Perspectives [Text]. – Baku, Azerbaijan: SAM - Center for Strategic Studies, 2017. – 71 p.

33. UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly Resolution 34/180 of 18 December 1979 and entered into force 3 September 1981, in accordance with article 27(1). [Electronic resource] // The official website of the Child Rights International Network (CRIN). – URL: https://archive.crin.org/en/library/legal-database/un-convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women.html (date of application: 12.11.2021).

34. Un Convention on the Rights of Persons with Disabilities. 30 March 2007 [Electronic resource] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Convention_on_the_Rights_of_Persons_with_Disabilities (date of application: 12.11.2021).

35. United Nations Azerbaijan Partnership Framework (UNAPF) 2016–2020 [Electronic resource] // United Nations House in Azerbaijan. – 2016. – URL: https://unece.org/DAM/operact/Technical_Cooperation/Delivering_as_One/UNDAF_country_files/UNDAF_files_2015-2020/AZERBAIJAN_UNAPF__2016-2020__signed.pdf (date of application: 11.09.2021).

36. United Nations Sustainable Development Cooperation Framework 2021–2025 [Electronic resource] // The official website of the United Nations in Azerbaijan. – URL: https://azerbaijan.un.org/en/128784-united-nations-sustainable-development-cooperation-framework-2021-2025 (date of application: 12.11.2021).

References

1. Azerbaijan has been elected a member of the UNESCO Committee [Electronic resource] // Trend News Agency. – 02.12.2021. – URL: https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3520588.html (date of application: 12.12.2021) [in Russian].

2. Statement of the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the Russian Federation dated November 10, 2020 [Electronic resource] // Official website of the President of Russia. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64384 (date of application: 08.12.2021) [in Russian].

3. Convention on the Status of Refugees. Adopted on July 28, 1951 by the Conference of Plenipotentiaries on the Status of Refugees and Stateless Persons, convened in accordance with General Assembly resolution 429 (V) of December 14, 1950 [Electronic resource] // UN official website. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (date of application: 12.11.2021) [in Russian].

4. *Mammadov, N.* Foreign policy: Realities and a look into the future [Text] / N. Mammadov. – Baku : Ganun, 2013. – 423 p. [in Russian].

5. International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. Adopted by General Assembly resolution 2106 (XX) of December 21, 1965 [Electronic resource] // UN official website. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (date of application: 12.11.2021) [in Russian].

6. Resolution of the Supreme Council of the Republic of Azerbaijan "On Appeal to the United Nations" (October

29, 1991) [Electronic resource] // Presidential Library. – URL: https://republic.preslib.az/ru_d4-16.html (date of application: 12.11.2021) [in Russian].

7. Admission of the Republic of Azerbaijan to membership in the United Nations. A/RES/46/230. 02.03.1992 [Electronic resource] // Official UN website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/46/230 (date of application: 12.11.2021) [in Russian].

8. UN GA Resolution (A/RES/48/114) of December 20, 1993, entitled "Emergency international assistance to refugees and displaced persons in Azerbaijan" [Electronic resource] // UN official website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/48/114 (date of application: 12.11.2021) [in Russian].

9. UN GA Resolution (A/RES/60/285) of September 7, 2006, entitled "The situation in the occupied territories of Azerbaijan" [Electronic resource] // UN official website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/60/285 (date of application: 12.11.2021) [in Russian].

10. UN General Assembly Resolution (A/RES/62/243) of March 14, 2008, entitled "The situation in the occupied territories of Azerbaijan" [Electronic resource] // UN official website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/A/62/L.42 (date of application: 12.11.2021) [in Russian].

11. UN Security Council Resolution S/RES/822 (1993) [Electronic resource] // UN official website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/S/RES/822 (1993) (date of application: 10.11.2021) [in Russian].

12. UN Security Council Resolution S/RES/853 (1993) [Electronic resource] // UN official website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/S/RES/853 (1993) (date of application: 10.11.2021) [in Russian].

13. UN Security Council Resolution S/RES/874 (1993) [Electronic resource] // UN official website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/S/RES/874 (1993) (date of application: 10.11.2021) [in Russian].

14. UN Security Council Resolution S/RES/884 (1993) [Electronic resource] // UN official website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/S/RES/884 (1993) (date of application: 10.11.2021) [in Russian].

15. *Chernyavsky, S.* Course selection [Text] / S. Chernyavsky. – Moscow : Azer-Media, 2003. – 336 p. [in Russian].

16. *Chernyavsky, S. I.* Foreign Policy of the Republic of Azerbaijan [Text] / S. I. Chernyavsky. – Baku : Adilogly, 2003. – 488 p. [in Russian].

17. Azərbaycan Respublikası Hökuməti və Beynəlxalq Miqrasiya Təşkilatı arasında Çməkdaşlıq Sazişi (Cooperation Agreement between the Government of the Republic of Azerbaijan and the International Organization for Migration). 08.12.1999 [Electronic resource] // Azərbaycan Respublikasının Çdliyyə Nazirliyi. Hüquqi aktların vahid elektron bazası (Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan. Legal acts in a single electronic database). – URL: http://www.e-qanun.az/framework/561 (date of application: 12.11.2021) [in Azerbaijani].

18. Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. Adopted and opened for signature, certification and access by General Assembly resolution 39/46 of 10 December 1984. Entry into force 26 June 1987, in accordance with article 27 (1) [Electronic resource] // The official website of the UN Office for Human Rights. – URL: https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CAT.aspx (date of application: 12.11.2021) [in English].

19. Convention on the Rights of the Child. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989. Entry into force 2 September 1990, in accordance with article 49 [Electronic resource] // The official website of the UN Office for Human Rights. – URL: https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CRC.aspx (date of application: 12.11.2021) [in English].

20. Eighty-First (Special) Session of the Council. Summary Record of the Four Hundred and Thirty-Third Meeting. MC/C/SR/433. Original: English 22 June 2001 [Electronic resource] // IOM Governing Bodies. – URL: https://governingbodies.iom.int/system/files/jahia/webdav/shared/shared/mainsite/about_iom/en/council/81/MC_C_SR433.pdf (date of application: 12.11.2021) [in English].

21. International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance. 6 February 2007 [Electronic resource] // The official website of the UN Office for Human Rights. – URL: https://www.ohchr.org/Documents/ProfessionalInterest/disappearance-convention.pdf (date of application: 12.11.2021) [in English].

22. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families. Adopted by General Assembly resolution 45/158 of 18 December 1990 [Electronic resource] // The official website of the UN Office for Human Rights. – URL: https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CMW.aspx (date of application: 12.11.2021) [in English].

23. International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966. Entry into force 23 March 1976 [Electronic resource] // The official website of the Child Rights International Network (CRIN). – URL: https://archive.crin.org/en/library/legal-database/international-covenant-civil-and-political-rights.html (date of application: 12.11.2021) [in English].

24. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966. Entry into force 3 January 1976, in accordance with article 27 [Electronic resource] // The official website of the Child Rights International Network (CRIN). – URL: https://archive.crin.org/en/library/legal-database/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights.html (date of application: 12.11.2021) [in English].

25. *Makili-Aliyev, K.* Azerbaijan's Foreign Policy: Between East and West ... [Electronic resource] / K. Makili-Aliyev // IAI working papers 13. – 05 January 2013. – 14 p. – URL: https://www.iai.it/sites/default/files/iaiwp1305.pdf (date of application: 12.11.2021) [in English].

26. Qaçqınların və məcburi köçkünlərin (ölkə daxilində köçürülmüş şəxslərin) statusu haqqında Azərbaycan

Respublikasının qanunu (The Law of the Republic of Azerbaijan on the Status of Refugees and Internally Displaced Persons (Internally Displaced Persons)). 21.05.1999 [Electronic resource] // Azərbaycan Respublikasının Çdliyyə Nazirliyi. Hüquqi aktların vahid elektron bazası (Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan. Legal acts in a single electronic database). – URL: http://www.e-qanun.az/framework/4757 (date of application: 12.11.2021) [in Azerbaijani].

27. *Redmond, R.* Refugees Magazine Issue 98 (After the Soviet Union) – 01 December 1994. – Conflict in the Caucasus [Electronic resource] / R. Redmond // The official website of the UN Refugee Agency. – URL: https://www.unhcr.org/publications/refugeemag/3b54208d3/refugees-magazine-issue-98-soviet-union-conflict-caucasus.html (date of application: 12.11.2021) [in English].

28. Resolution 742 (1992) (adopted by the Security Council at its 3052nd meeting, on 14 February 1992) [Electronic resource] // United Nations. Digital Library System. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/137563/files/S_RES_742%281992%29-EN.pdf (date of application: 12.11.2021) [in English].

29. Statement by the President of the Security Council S/PRST/1995/21/. 26 April 1995 [Electronic resource] // Official UN website. Documents. – URL: https://undocs.org/ru/S/PRST/1995/21 (date of application: 12.11.2021) [in English].

30. Statement by the President of the Security Council. S/PRST/2012/17. 4 May 2012 [Electronic resource] // Official UN website. Documents. – URL: https://undocs.org/s/prst/2012/17 (date of application: 12.11.2021) [in English].

31. Statement by the President of the Security Council. S/PRST/2013/16. 28 October 2013 [Electronic resource] // Official UN website. Documents. – URL: https://undocs.org/S/PRST/2013/16 (date of application: 12.11.2021) [in English].

32. The Role of Azerbaijan in Regional and Global Arena: Realities and Perspectives [Text]. – Baku, Azerbaijan : SAM – Center for Strategic Studies, 2017. – 71 p. [in English].

33. UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly Resolution 34/180 of 18 December 1979 and entered into force 3 September 1981, in accordance with article 27(1). [Electronic resource] // The official website of the Child Rights International Network (CRIN). – URL: https://archive.crin.org/en/library/legal-database/un-convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women.html (date of application: 12.11.2021) [in English].

34. Un Convention on the Rights of Persons with Disabilities. 30 March 2007 [Electronic resource] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Convention_on_the_Rights_of_Persons_with_Disabilities (date of application: 12.11.2021) [in English].

35. United Nations Azerbaijan Partnership Framework (UNDAF) 2016–2020 [Electronic resource] // United Nations House in Azerbaijan. – 2016. – URL: https://unece.org/DAM/operact/Technical_Cooperation/Delivering_as_One/UNDAF_country_files/UNDAF_files_2015-2020/AZERBAIJAN_UNAPF__2016-2020__signed.pdf (date of application: 11.09.2021) [in English].

36. United Nations Sustainable Development Cooperation Framework 2021–2025 [Electronic resource] // The official website of the United Nations in Azerbaijan. – URL: https://azerbaijan.un.org/en/128784-united-nations-sustainable-development-cooperation-framework-2021-2025 (date of application: 12.11.2021) [in English].

Поступила в редакцию 15.09.2022
Received September 15, 2022

УДК 341.96
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-11

Арзуманян Анна Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и
криминалистики, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: rumi12@yandex.ru

Arzumanyan, Anna B.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: rumi12@yandex.ru

ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

♦

CREATIVE COMMONS LICENSES: THE HISTORY OF THEIR APPEARANCE AND USE IN RUSSIA AND ABROAD

АННОТАЦИЯ. В статье представлен подробный анализ действующих лицензий Creative Commons и их влияния на развитие авторского права. Рассматриваются вопросы соотношения условий лицензий Creative Commons с положениями российского гражданского права. Автор приходит к выводу, что лицензии Creative Commons сформировали новый подход к трактовке исключительных прав автора: они рассматриваются теперь не как запрет на любое использование, за исключением небольших изъятий из сферы действия исключительных прав, но как юридически обеспеченная возможность разрешать широкое использование произведений в цифровой среде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: авторское право; международное частное право; интеллектуальная собственность; лицензии Creative Commons.

ABSTRACT. The article presents a detailed analysis of the current Creative Commons licenses and their impact on the development of the copyright. The issues of correlation of the terms and conditions of the Creative Commons licenses with the provisions of the Russian civil law are considered. The author comes to the conclusion that the Creative Commons licenses have formed a new approach to the interpretation of the exclusive rights of the author: they are now considered not as a ban on any use, apart from minor exceptions from the scope of exclusive rights, but as a legally secured opportunity to allow the widespread use of works in the digital environment.

KEYWORDS: copyright; international private law; intellectual property; Creative Commons licenses.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

***Арзуманян, А. Б.* Лицензии Creative Commons: история появления и использование в России и за рубежом [Текст] / А. Б. Арзуманян // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 84–89. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-11.**

FOR CITATION:

Arzumanyan, A. B. Creative Commons Licenses: the History of their Appearance and Use in Russia and Abroad [Text] / A. B. Arzumanyan. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. − Vol. 9, No. 4. − P. 84–89 (in Russian). − DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-11.

© А. Б. Арзуманян, 2022

С того момента, как произведения стали оцифровывать или создавать в цифровой форме, распространение авторского права на свободное интернет-пространство стало вопросом времени. Тенденция усиления контроля над произведениями в интернет-среде всегда воспринималась в качестве угрозы поборниками свободного обмена знаниями и творческими достижениями. Именно по этой причине возникшее в начале двухтысячных годов семейство лицензий Creative Commons (CCL) получает гораздо большее распространение, чем то, на которое рассчитывали сами авторы этих лицензий.

Первая версия CCL увидела свет 16 декабря 2002 года. Она получила широкую поддержку научного сообщества, отдельных авторов и некоммерческих организаций. Уже в 2003 году лицензия использовалась в отношении около 1 млн произведений. Вслед за этим появились вторая и третья версии лицензий. По данным на 2011 год в составе партнерской сети Creative Commons функционировало более 100 организаций в более чем 70 юрисдикциях по всему миру. Наконец, наиболее актуальная четвертая версия CCL вышла в ноябре 2013 года.

Первоначально CCL создавались на базе американского законодательства, хотя и предназначались для использования по всему миру. В связи с этим лицензии приходилось адаптировать под законодательство разных стран. В марте 2003 года появился проект International Commons (iCommons). В рамках этого проекта разрабатывались версии лицензий с учетом права той или иной страны. Такие версии получили название «Ported».

На этапе выпуска лицензий версии 3.0 создали специальную международную версию, основанную на международных соглашениях в области авторского права и смежных прав – «Unported». Страны, участвующие в международных соглашениях, могут использовать как адаптированные версии лицензий Creative Commons (при наличии), так и международную, универсальную версию.

Главная особенность CCL – более свободное использование произведений, охраняемых авторским правом. Эта особенность нашла отражение в скорректированной фразе копирайта: вместо «All rights reserved» появляется «Some rights reserved» [2]. Со временем тексты лицензий совершенствуют и переводят на многие языки мира. Законодательство разных стран, в том числе и России, признает эти лицензии как особую разновидность договоров присоединения в авторском праве.

CCL помогают авторам предоставлять пользователям по умолчанию наиболее важные права использования: права копировать, распространять, перерабатывать произведение при соблюдении условий лицензии.

Все лицензии семейства Creative Commons имеют общие черты: сохраняют за авторами определенный объем авторских прав; гарантируют атрибуцию (указание авторства); имеют срок, равный сроку действия исключительных прав на произведение; работают во всем мире.

Чтобы выбрать, под какой лицензией автор хочет выпустить свое произведение, ему нужно ответить на такие вопросы: разрешает ли он коммерческое использование произведения; разрешает ли он переработку произведения; если да, то будет ли он использовать принцип «ShareAlike».

CCL не затрагивают других положений авторского права. Например, они никак не влияют на случаи свободного использования произведений по законодательству страны, в том числе на принцип добросовестного использования (fair use) в англо-американской доктрине. Если какие-то права прямо не предоставлены лицензией CC, пользователь должен получать на них отдельное разрешение у автора. CCL обязывают пользователей указывать автора, сохранять все уведомления об авторском праве и ссылаться на лицензию CC, под которой выпущено произведение, на всех его копиях.

CCL имеют довольно необычный «трехслойный дизайн» [5]. Первый слой – «Legal Code». Это привычный юридический текст, как и у любого другого лицензионного договора. Однако этот текст не слишком понятен обычным пользователям. Поэтому появляется второй слой – «Commons Deed». Это краткое описание лицензии, доступное для понимания без специальных юридических знаний и навыков. Третий слой – «Digital Code», машиночитаемая краткая версия юридического текста. Его сделали специально для того, чтобы компьютерные программы могли распознавать условия лицензии автоматически.

Типы лицензий CC складываются из комбинаций базовых элементов. Таких элементов всего четыре:

1) Attribution (BY) – требование указывать автора, уведомление об авторских правах, источник, ссылку на лицензию и на оригинал, если работа производная;

2) NonCommercial (NC) – только некоммерческое использование;

3) NoDerivs (ND) – переработка произведения запрещена;

4) ShareAlike (SA) – переработка распространяется на условиях той же лицензии.

Во всех лицензиях версии 4.0 присутствует первый элемент (BY), при этом третий и четвертый элементы – взаимоисключающие. Поэтому всего существует шесть комбинаций базовых элементов и, соответственно, шесть типов лицензий.

CC BY. Лицензия с минимальным количеством ограничений. Предоставляет права копирования, распространения и переработки произведения, в том числе в коммерческих целях. Лицензиар не вправе отзывать эти разрешения, пока лицензиат исполняет условия лицензии. К обязательным условиям лицензии относятся:

– указание авторства, уведомление об авторских правах;

– уведомление о лицензии и ссылка на лицензию;

– уведомление об отказе от гарантий;

– обозначение изменений, внесенных в произведение;

– в отношении предоставленных лицензией прав на произведение лицензиат не вправе устанавливать технические или юридические ограничения для других пользователей.

CC BY-SA. К описанным выше условиям добавляется ShareAlike — требование выпускать производные произведения на тех же условиях, что первоначальное произведение. Это может быть такая же лицензия CC или совместимая с ней лицензия.

CC BY-ND. К условиям CC BY добавляется запрет на распространение созданной лицензиатом переработки произведения (производного произведения). Нужно уточнить, что создать переработку пользователь вправе, поскольку легально получил копию оригинального произведения на условиях лицензии CC. Однако это будет переработка «для себя», исключительно для личного использования, поскольку CC BY-ND запрещает распространять ее как в коммерческих, так и в некоммерческих целях.

CC BY-NC. К условиям CC BY добавляется запрет на коммерческое использование произведения. Под коммерческим понимают использование, которое «в первую очередь предназначено или направлено на получение коммерческой выгоды или денежной компенсации». При этом не имеет значения статус пользователя. Например, коммерческая организация может использовать произведение без извлечения прибыли. Сам по себе статус некоммерческой, в том числе благотворительной организации, не означает, что использование ею произведения не может быть коммерческим. Надо обратить внимание на то, что CC не дает подробного определения коммерческого использования, очерчивая только общие границы. Это делается для того, чтобы неоправданно не сужать и не расширять это понятие. Будет ли считаться использование коммерческим, во многом зависит от конкретных обстоятельств и намерений пользователя. На случай, если пользователь сомневается, будут ли его действия нарушать запрет на коммерческое использование, CC рекомендует обратиться к правообладателю за разъяснениями или выбрать произведение под другой лицензией, без такого запрета.

CC BY-NC-SA. Два последних типа лицензий имеют наибольшее количество ограничений. CC BY-NC-SA комбинирует запрет на коммерческое использование с требованием распространять производные произведения под той же или совместимой лицензией.

CC BY-NC-ND. Наконец, CC BY-NC-ND включает в себя два основных запрета: на коммерческое использование и на распространение производных произведений. Таким образом, у пользователя остаются права копировать и распространять первоначальное произведение только в некоммерческих целях.

Лицензии CC – простые (неисключительные) лицензии, сублицензирование по таким лицензиям не допускается. Территория действия лицензий – все страны мира, срок действия приравнивается к сроку действия авторских прав на произведение.

Лицензии CC содержат формулировку «не подлежащая отмене». Это значит, что лицензиар не может отозвать лицензию, если однажды он выпустил под ней произведение.

Условия лицензий CC не могут распространяться на произведения, перешедшие в общественное достояние, и не могут ограничивать случаи свободного использования произведений по законодательству страны.

Все шесть типов лицензий снабжены стандартными условиями об отказе от гарантий и ограничении ответственности (произведение предоставляется по принципу «как есть»).

Помимо шести типов лицензий CC предлагают также два инструмента или протокола, работающих в пространстве общественного достояния (public domain). Это инструменты CC0 и Public Domain Mark [2].

CC0 – это инструмент, который автор может использовать для досрочной передачи произведения в общественное достояние. Другими словами, автор отказывается от прав имущественного и неимущественного характера в полном объеме, включая право на защиту. В отличие от лицензий CC, которые сохраняют за авторами все права, не переданные по лицензии (Some rights reserved), CC0 закрепляет полный отказ от прав (No rights reserved). При этом отказ от авторских прав не затрагивает любые права иного рода, такие как права на патенты, товарные знаки, персональные данные и т. п.

Очевидная проблема использования этого инструмента – действующая в большинстве стран мира система авторского права. Во-первых, эта система не разрешает отказ от личных неимущественных прав (моральных прав автора). Во-вторых, некоторые законодательства могут ограничивать и отказ от имущественных прав.

Во всяком случае нельзя использовать инструмент CC0, если автор уже передал имущественные права на произведение по договору другому пользователю (владельцу), поскольку отказ от прав может противоречить обязательствам, принятым автором по договору. И, разумеется, автор не может использовать CC0 в отношении произведения другого автора. Например, в отношении чужого произведения, которое автор использует по лицензии CCL.

CC0 не адаптирован к законодательству какой-либо конкретной страны, поэтому отказ от прав возможен в той степени, в которой это не противоречит закону.

Среди примеров использования инструмента CC0 можно назвать:

– Europeana – европейская цифровая библиотека, публикует свои метаданные в открытом доступе с использованием CC0.

– Figshare позволяет исследователям публиковать результаты исследований в удобном для цитирования, поиска и совместного использования виде. Figshare приняла CC0 в качестве инструмента по умолчанию, позволяющего исследователям обмениваться своими наборами данных.

– Open Goldberg Variations. До этого записи Гольдберговских вариаций Баха, находящиеся в общественном достоянии, было трудно найти, хотя сами партитуры находились в общественном достоянии. Open Goldberg Variations хотели изменить это, поэтому они объединились с профессиональным музыкантом Кимико Ишизакой и запустили проект Kickstarter по созданию записей студийного качества, пообещав выпустить их в общественное достояние с помощью инструмента CC0.

– Metropolitan Museum of Art. Все изображения из коллекции музея, находящиеся в общественном достоянии, доступны в рамках CC0. Это увеличило цифровую коллекцию Creative Commons более чем на 375 000 изображений, а также сделало доступными данные о более чем 420 000 музейных объектах, охватывающих период более 5000 лет.

Public Domain Mark (PDM) – это знак общественного достояния. Им можно отмечать произведения, которые не ограничены авторским правом. Такой знак удобен для учреждений культуры, обладающих крупными коллекциями произведений. Он позволяет сообщать публике, что картины, книги, рукописи, фотографии и другие произведения, входящие в коллекции, уже перешли в общественное достояние и могут свободно использоваться.

CC рекомендуют использовать PDM только в отношении тех произведений, которые перешли в общественное достояние по всему миру. Если в каких-то странах срок действия авторского права еще не истек, PDM желательно не использовать. CC также не рекомендует использовать знак общественного достояния

для работ с ограниченным статусом общественного достояния.

Произведения могут иметь так называемый ограниченный статус общественного достояния по разным причинам. Например, в некоторых странах могут действовать нетипично длинные сроки охраны. В некоторых странах сроки действия авторских прав могут зависеть от соблюдения формальностей, таких как продление этого срока. Наконец, перечень охраняемых авторским правом объектов (произведений) может несколько отличаться в разных законодательствах.

В России CCL действуют с 2011 года, официальным представителем Creative Commons стал Институт развития информационного общества.

Надо отметить, что лицензии CC получили достаточно большое распространение, в том числе среди государственных органов и частных интернет-проектов. Например, под ними выходят материалы сайтов Президента России, мэра Москвы, Республики Башкортостан, издания Частный корреспондент, проект Научный корреспондент и другие.

В России действуют международные версии лицензий, адаптированных к российскому законодательству версий не создавалось. В связи с этим среди российских юристов существуют разногласия по поводу соответствия CCL отечественному законодательству [1; 4].

В 2014 году ГК РФ дополнили статьей 1286.1, где речь идет об открытых лицензиях на произведения науки, литературы и искусства. Эта статья непосредственно направлена на разрешение споров по поводу «легальности» CCL в российском правовом поле.

Многие отечественные правоведы и до принятия поправок в ГК РФ утверждали, что российское законодательство имеет все необходимые условия для признания этих лицензий [1]. В первую очередь, это принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 ГК РФ, а также участие России в международных соглашениях по авторским и смежным правам, на базе которых выпущены международные версии лицензий CC.

Однако существующие правовые нормы, в том числе специальная статья 1286.1, не решают некоторых противоречий между текстами CCL и требованиями российского законодательства. К таким требованиям относится, например, обязательная письменная форма лицензионных договоров, указание сторон договора, запрет на отказ от личных неимущественных прав автора, таких как право на неприкосновенность произведения или право на имя [3].

Сторонники использования лицензий CC отмечают, что письменная форма в данном случае соблюдается. Нужно отметить, что в 2019 году в статью 160 ГК РФ о письменной форме сделки внесли изменения, касающиеся совершения сделки с помощью электронных или иных технических средств.

Теперь согласно статье 160 ГК РФ «письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю».

Это означает, что лицензии CC могут признаваться заключенными в письменной форме в рамках российского законодательства, а из их текста можно определить стороны договора.

Личные неимущественные права автора, согласно ГК РФ, считаются абсолютными и неотчуждаемыми правами. Это значит, что автор не может их передать кому-либо и не может от них отказаться даже по доброй воле.

Однако сторонники CCL считают, что если автор по собственной воле ограничивает реализацию своего личного неимущественного права, то это не противоречит законодательству [1]. Например, автор дает безусловное согласие на внесение изменений в произведение по лицензии CC. Тем самым он ограничивает реализацию своего права на неприкосновенность произведения.

Но еще больше вопросов вызывает инструмент CC0. Он предполагает не просто ограничение, а отказ от прав автора. Тем не менее стоит напомнить, что если автор отчуждает свое исключительное право на произведение (передает его другому владельцу), то практически складывается похожая ситуация.

Можно сказать, что поскольку CCL сами по себе не совсем обычный инструмент, то и подход к их толкованию и применению должен складываться с учетом тех целей, для которых

первоначально создавались CCL, – для формирования более гибкой системы использования авторских прав в действующей парадигме авторского права. Цифровые технологии и интернет-среда давно поставили вопрос о целесообразности жесткого контроля использования произведений со стороны правообладателя. В то же время лицензии CC возвращают нас к так необходимому в праве балансу интересов авторов (правообладателей) и пользователей.

Литература

1. *Войниканис, Е. А.* Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости [Текст] / Е. А. Войникайнис. – Москва : Юриспруденция, 2013. – 552 с.

2. Лицензии Creative Commons. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://creativecommons.org (дата обращения: 10.08.2022).

3. *Макаров, А.* Лицензии Creative Commons в России [Электронный ресурс] / А. Макаров // Закон.ру. – 27.06.2017. – URL: https://zakon.ru/blog/2017/6/27/licenzii_sreative_commons_v_rossii (дата обращения: 10.08.2022).

4. *Соболь, И. А.* Свободные лицензии в авторском праве России [Текст] : монография / И. А. Соболь. – Москва : Юстицинформ, 2014. – 196 с.

5. *Schrijver, E.* Copy This Book: An Artist's Guide to Copyright [Electronic resource] / E. Schrijver. – Onomatopee, 2019. – 184 p. // URL: https://copy-this-book.eu (date of application: 11.08.2022).

References

1. *Voynikanis, E. A.* Intellectual property law in the digital age: the paradigm of balance and flexibility [Text] / E. A. Voynikainis. – Moscow : Jurisprudence Publ., 2013. – 552 p. [in Russian].

2. Creative Commons licenses. Official website [Electronic resource]. – URL: https://creativecommons.org (date of application: 10.08.2022) [in Russian].

3. *Makarov, A.* Licenses of creative communities in Russia [Electronic resource] / A. Makarov // Zakon.ru. – 27.06.2017. – URL: https://zakon.ru/blog/2017/6/27/licenzii_sreative_commons_v_rossii (date of application: 10.08.2022) [in Russian].

4. *Sobol, I. A.* Free licenses in the copyright of Russia [Text] : monograph / I. A. Sobol. – Moscow : Justicinform Publ., 2014. – 196 p. [in Russian].

5. *Shriver, E.* Copy this book: The Artist's Guide to Copyright [Electronic resource] / E. Shriver. – Onomatopoeia, 2019. – 184 p. // URL: https://copy-this-book.eu (date of application: 11.08.2022) [in English].

Поступила в редакцию 11.10.2022
Received October 11, 2022

УДК 341.1/8
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-12

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОФИЛАКТИКИ И БОРЬБЫ С АКТАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА – УГРОЗАМИ МИРОВОМУ СООБЩЕСТВУ

♦

TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE REGULATORY AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE PREVENTION AND COMBATING THE ACTS OF INTERNATIONAL TERRORISM – THREATS TO THE WORLD COMMUNITY

Ляхов Евгений Григорьевич,
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской Ассоциации международного права, профессор кафедры конституционного и международного права Российской таможенной академии; профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; Дипломатическая академия МИД России, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, email: viktorya.rizhak@yandex.ru

Lyakhov, Yevgeny G.,
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vice-President of the Russian Association of International Law; Professor, Department of Constitutional and International Law of the Russian Customs Academy; Professor, Department of Human Rights and International Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', 12 Akademika Volgina Str., Moscow, 117997, Russian Federation; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Russia, 53/2, Building 1, Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russian Federation, email: viktorya.rizhak@yandex.ru

Ляхов Денис Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Российской таможенной академии 140015, Московская область, г. Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4, email: d6897@mail.ru

Lyakhov, Denis Ye.,
PhD in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Law, Russian Customs Academy, 4 Komsomolskiy Prospect, Lyubertsy, Moscow Region, 140015, Russian Federation, email: d6897@mail.ru

Рыжак Виктория Андреевна,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, email: viktorya.rizhak@yandex.ru

Ryzhak, Victoria A.,
Adjunct, Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Staff, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', 12 Akademika Volgina Str., Moscow, 117997, Russian Federation, email: viktorya.rizhak@yandex.ru

Тарасова Светлана Сергеевна
аспирант кафедры конституционного и международного права Российской Таможенной академии, прокурор отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления прокуратуры города Москвы, 121087, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 11/5, email: slana8212@gmail.ru

Tarasova, Svetlana S.,
PhD-Student, Department of Constitutional and International Law, Russian Customs Academy; Public Prosecutor, Department of Public Prosecutors, Criminal-Judicial Administration, Procurator's Office of the City of Moscow, 11/5 Novozavodskaya Str., Moscow, 121087, Russian Federation, email: slana8212@gmail.ru

© Е. Г. Ляхов, Д. Е. Ляхов, В. А. Рыжак, С. С. Тарасова, 2022

АННОТАЦИЯ. В статье освещаются методологические, исторические документальные и доктринальные позиции по актуальным вопросам сущности и форм нормативных и нормативно-правовых основ субъектов и систем, противодействующих транснациональным преступлениям – актам международного терроризма – угрозам Мировому сообществу в сложных условиях поляризации позиций по этим проблемам, с одной стороны, США и НАТО, с другой, РФ, КНР, ШОС и других сторонников обеспечения международной безопасности, на основе принципов и норм современного международного права и положений Устава ООН.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международный мир; безопасность и сотрудничество; нормативные и нормативно-правовые основы; субъекты и системы обеспечения безопасности; терроризм и международный терроризм; профилактика и предупреждение криминальных угроз безопасности государству и Мировому сообществу; конвенционные основы ФАТФ.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

***Ляхов, Е. Г.* К проблеме становления нормативно-правовых основ профилактики и борьбы с актами международного терроризма – угрозами мировому сообществу [Текст] / Е. Г. Ляхов, Д. Е. Ляхов, В. А. Рыжак, С. С. Тарасова // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 90–96. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-12.**

ABSTRACT. The article highlights methodological, historical documentary, and doctrinal positions on the relevant and topical issues of the essence and forms of normative and legal frameworks of subjects and systems that counteract transnational crimes – acts of international terrorism – threats to the world community under the difficult conditions of polarization of positions on these problems, on the one hand, of the United States and NATO, and on the other hand, the Russian Federation, China, the SCO and other supporters of ensuring the international security based on the principles and norms of modern international law and the provisions of the United Nations Charter.

KEYWORDS: international peace; security and cooperation; regulatory and legal framework; subjects and systems of security; terrorism and international terrorism; prevention and warning of criminal threats to the security of the state and the world community; FATF Convention Framework.

FOR CITATION:

Lyakhov, Ye. G. To the Problem of the Formation of the Regulatory and Legal Foundations for the Prevention and Combating the Acts of International Terrorism – Threats to the World Community [Text] / Ye. G. Lyakhov, D. Ye. Lyakhov, V. A. Ryzhak, S. S. Tarasova. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 90–96 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-12.

Влияющий на политическую, культурную, духовную, социальную и экономическую ситуацию в мире терроризм стал одной из самых актуальных проблем XXI века. Противоречия, приводящие к террористическим актам, нарастают с течением времени и характерны не только для одного региона, одного государства. Различные государства и объединенные группы государств, преступные сообщества пытаются использовать его для решения политических и экономических проблем. Яркий пример – совершенный международный террористический акт – впервые в истории диверсия против крупных подводных газопроводов в Балтийском море в сентябре 2022 года.

Терроризм – явление не только недавнего прошлого и настоящего, оно имеет глубокие исторические корни. Научное изучение религиозных воззрений и политики в истории человечества имеет большое значение для понимания сущности современных террористических актов. Это помогает выявить современные политические и социальные основы терроризма. Терроризм использует все объекты для достижения своих преступных целей, в том числе для уничтожения самого дорогого в мире – жизни, здоровья и повседневной деятельности человека в мировом социуме.

Терроризм и международный терроризм – древнейшие и современные деяния транснационального характера и сверхопасности для основных современных объектов безопасности – Личности, национального общества, государства, Мирового сообщества, для национальных и международных отношений, опирающихся на морально-нравственные, религиозные, экономические, политические, корпоративные, правовые и международно-правовые начала – принципы и нормы [6; 7].

Терроризм и международный терроризм, как и иные формы организованной преступности национального и международного масштаба, не только противоправные *уголовные деяния* социальной жизни, но и преступные явления политико-экономической жизни и сферы обеспечения безопасности, требуют системного

противодействия [3; 4; 5]: 1) *профилактических* мер (определения и обеспечения мер воздействия на причины и условия, порождающие эту преступность), мер *предупреждения* конкретных террористических деяний, например выявления и пресечения форм и способов финансирования таковых; 2) собственно борьбы с совершившимися (осуществленными) террористическими актами: пресечение, процессуальная работа с субъектами преступления, привлечение к юридической ответственности, организация специальных реабилитационных систем; 3) минимизации и ликвидации последствий террористических атак и существования терроризма как явления национальной и международной жизни.

Специфика этих противоправных деяний, зачастую совершающихся наряду с иными транснациональными преступлениями: наркобизнесом, незаконной торговлей оружием и др., – весьма велика и в связи с тем, что они нередко являются составляющей международных преступлений государства: внешней агрессии, информационных и гибридных войн, политики устрашения. Подчеркнем, что каждое из трех вышеназванных основных составляющих-направлений противодействия терроризму и международному терроризму осуществляется на своей нормативной и нормативно-правовой основе в своих формах и способах, но когда эти транснациональные деяния становятся угрозой международной безопасности – элементам Мирового сообщества или существованию Человечества и Планеты Земля (с соответствующей угрозой Разуму и Вселенной), то международная теория и практика пошла по пути проведения контртеррористических операций и специальных военных операций в полном соответствии с нормами и принципами современного международного права: контртеррористическая операция ВКС РФ в САР (по договору РФ с Правительством Сирийской Арабской Республики – с 2015 по 2019 г.), контртеррористическая операция ОДКБ в Казахстане (2021–2022 гг.), 24 февраля 2022 г. – специальная военная операция правоохранительных и вооруженных сил ДНР и ЛНР при поддержке спецподразделений и Министерства обороны РФ на Украине на основе ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций. В ходе такого рода операций осуществляются все три вышеназванные направления противодействия терроризму и международному терроризму.

Теоретико-практическая формула обеспечения безопасности личности, национального (внутригосударственного) общества, государства и Мирового сообщества – объектов безопасности – является основой для разработки стратегического и тактического формирования и действия субъектов и систем, обеспечивающих защиту от угроз безопасности и сотрудничеству во всех важнейших сферах всех элементов Мирового сообщества [8].

Что касается противодействия транснациональной преступности как угрозам безопасности, в первую очередь – самым коварным из них – актам терроризма и международного терроризма, то подчеркнем, что субъекты и системы противодействия им должны быть иного качества и компетенции, нежели действующие в борьбе, например, с общеуголовными деяниями транснационального характера – контрабандой и фальшивомонетничеством, несистемным наркобизнесом и др.

Дополнительные требования к нормативно-правовым основам формирования и деятельности субъектов и систем обеспечения безопасности и профессионально-личностным качеством их – знать, понимать и использовать *все* элементы национальных и международных правовых систем, и систем права, все 6 групп социальных норм и, находящихся в связи с ними, природно-технических закономерностей. Иными словами – демонстрировать высочайшее профессиональное правосознание, правоспособность и дееспособность.

Угрозы функционированию субъектов и систем международно-правового противодействия транснациональным преступлениям можно разделить на две группы: 1) манипулятивные крупномасштабные воздействия на групповое и массовое сознание населения государства, являющегося в начальном и конкретном плане жертвами такого рода угроз, на сознание народов и наций; 2) манипулятивные воздействия на индивида, на его психофизическое общее, гражданское и профессиональное правосознание, когда он выступает как субъект – участник соответствующих правоотношений или фактически действует как субъект национально-правового, международно-пра-

вового противодействия транснациональной преступности [9].

Такого рода угрозы – античеловечная и преступная деятельность идеологов, организаторов и исполнителей террористических актов – транснациональных преступлений, – особенно опасны для субъектов и акторов законного (правомерного) противодействия преступности и повышают степень их опасности не только для общества и личности, но и для государств и Мирового сообщества. И связано это со многими тенденциями (трендами) изображения форм и способов совершения и преподнесения мировой общественности истинных целей террористических атак как демократических и как единственно правильных: 1) с изменением геополитической обстановки вследствие фундаментальных перемен в различных регионах мира; с формированием преступными способами новых национальных образований – бомбардировки в 1999 г. США и НАТО и раздел Социалистической Федеративной республики Югославии (СФРЮ), с масштабным целевым содействием США и объединенного Запада развалу СССР, а ныне с террористической активностью на Северном и Южном Кавказе, с объявлением войны РФ и всему русскому миру через санкции и перманентное довооружение неофашистского режима Украины, с попытками США и НАТО провести «цветные» революции в других независимых государствах – бывших республиках СССР – Белоруссии, Казахстане в 20-е годы XXI века, «революции» – государственные перевороты в различных регионах мира (Ближний и Средний Восток, Северная Африка); 2) со всемирным, зачастую преступным, противодействием на всех континентах Земли становлению государственности на основе принципов демократии, законности, справедливости, человечности, информационной открытости; 3) и, особенно, с изощренной информационной экспансией, главным образом, фейковой (целенаправленная, «правовая», системная ложь) со стороны определенных стран (в первую очередь США и стран Европейского Союза).

Эти факторы должны учитываться и учитываются при организации противодействия терроризму и международному как транснациональной преступности, как угрозе Мировому сообществу и каждому его элементу, а национальные и международные нормативные и нормативно-правовые основы, в необходимых случаях и природно-технические законы, должны обеспечивать эффективность всех направлений такого противодействия.

К числу конкретных способов шантажа и давления на субъекты и системы противодействия терроризму следует отнести: колоссальное, практически неубираемое, неустраняемое вмешательство и возможность вмешательства спецслужб и равно активнее последних – организованных преступных групп во все области жизни и деятельности конкретных лиц, в первую очередь стоящих у власти, владеющих собственностью, капиталом, так называемых олигархов и политических, общественных и религиозных лидеров [9].

Рассматривая проблему информационно-психологического воздействия на субъекты и системы международно-правового противодействия транснациональной преступности в целом и на лиц, решающих сложнейшие задачи в этой области, определимся с центральными задачами противодействия терроризму и международному терроризму [9]: как профилактировать и предупреждать деятельность террористов и, в первую очередь, предотвращать появление новых поколений террористов; как предупреждать их атаки, какие справедливые, законные и эффективные средства и методы применять, включая возможности национального и международного уголовного правосудия; как восстанавливать действенность и авторитет государственных структур, целостность национальных обществ, а в некоторых случаях целых регионов Мирового сообщества, страдающих от политики и практики терроризма отдельных государств и военных блоков, типа НАТО, и от террористических атак. Без учета возможностей, знания методов и средств информационно-психологического воздействия самих террористических атак и имиджа преступников, а также политики (национальной и международной) государства и современного состояния общества – решить эти задачи невозможно.

Мы признали существование поколений террористов и терпимо относящихся к терроризму государств и обществ, изуродованных и террористическими атаками, и некоторыми методами антитеррористической борьбы с тер-

роризмом, например США во Афганистане в первые два десятилетия XXI века, и главное – это появление ощущения пребывания всех и каждого в небезопасном обществе – и простых людей, и государственных деятелей, и самих террористов. Поэтому любому и каждому надо определяться прежде всего относительно себя и терпеливо и терпимо жить, действовать как Личность – интеллектуальный разум, воля, честь [1, с. 5].

Особое положение занимают конкретные индивиды (физические лица), противодействующие терроризму. Ныне это и глава государства, глава и члены правительства, и государственные деятели, и сотрудники правоохранительных органов и спецподразделений, и рядовые граждане – так определено Законом РФ о противодействии терроризму (2006), самой сутью терроризма как преступления, преступного явления, самим состоянием национальных обществ, спецификой методов и средств антитеррористической борьбы [11].

Само явление терроризма столь же многогранно, как и вопрос противодействия и ликвидации возможностей терроризма. Наиболее сложная часть этой проблемы состоит в том, что терроризм является как политическим явлением, так и явлением общественной жизни. Именно это качество затрудняет борьбу с терроризмом. Поэтому не случайно нет общего знаменателя в оценке действий разных государств и их национальных обществ в ответ на террористические акты.

В связи с существованием террористической угрозы для всех людей, включая уполномоченных субъектов и системы борьбы с терроризмом, стало иным понимание информационно-психологической опасности. Руководители и сотрудники особенно институциональных антитеррористических систем находятся под информационно-психологическим воздействием террористов, террористических организаций, целых государств, проводящих агрессивную политику. Это не обошло стороной и руководителей, сотрудников следственных подразделений в разных уголках мира. Так, глава Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А. И. Бастрыкин в связи с террористическим актом 27 ноября 2009 г., совершенным против «Невского экспресса», заявил, что второй взрыв, почти через сутки, был направлен против следственной группы, проводившей расследование этого террористического акта [12].

Объектом-предметом информационно-психологического воздействия являются и законодатели, разрабатывающие антитеррористическое право, и ученые, изучающие соответствующие проблемы.

Необходимо нормативно-правовое (законодательное и международно-договорное) и институциональное обеспечение информационно-психологической и физической безопасности субъектов антитеррористической деятельности.

Рассмотрим, что в данном ключе осуществлено на международно-правовом и национальном правовом уровнях.

В широком общецивилизационном плане достаточной основой для нормальной и безопасной деятельности субъектов и акторов международно-правового противодействия транснациональной преступности, а также лиц, действующих от их имени, особенно в части, определяющей личные права и свободы человека и гражданина (подданного), является их национально-правовой и международно-правовой статус.

Особо интересны для данной темы исследования привилегии и иммунитеты лиц, пользующиеся международной защитой (именно как таковые, предоставляемые для специальных субъектов противодействия транснациональным преступлениям). Они определены в Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973). Нападение на лиц, пользующихся международной защитой, – преступление против мира и безопасности человечества, как предусмотрено и ст. 360 УК РФ.

Лицом, пользующимся международной защитой, согласно ст. 1 названной Конвенции, признаются: глава государства, в том числе каждый член коллегиального органа, выполняющего функции главы государства согласно конституции соответствующего государства; глава правительства, министр иностранных дел, находящиеся в иностранном государстве, а также сопровождающие члены его семьи; любой представитель или должностное лицо го-

сударства или любое должностное лицо; иной агент международной организации, а также проживающие с ним члены его семьи во время нахождения их в иностранном государстве [2].

Выше мы пишем об угрозах следственным органам, проводящим расследование конкретных преступлений. В связи с этим вновь обратимся к заявлению А. И. Бастрыкина, который отметил, что Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации выступал с инициативой законодательного наделения ведомства правом оперативно-розыскной деятельности [12]. Такая функция необходима Следственному комитету не для оперативного сопровождения уголовных дел, чем в соответствии с действующим законодательством занимаются оперативные подразделения органов МВД и ФСБ России, а исключительно для обеспечения безопасности сотрудников Следственного комитета.

Правовые и организационно-технические меры борьбы с угрозами субъектам противодействия транснациональной преступности ведут к созданию и постоянному совершенствованию правовых основ деятельности служб безопасности и федеральной службы охраны (ФСО) РФ, частных служб безопасности, а также служб внутренней безопасности посольств и делегаций, участвующих в международных конференциях [9].

Федеральная служба охраны РФ обеспечивает безопасность объектов государственной охраны. Согласно Федеральному закону о государственной охране (1996) к объектам государственной охраны относятся: Президент Российской Федерации; определенные данным Федеральным законом лица, замещающие государственные должности Российской Федерации; федеральные государственные служащие, подлежащие государственной охране в соответствии с указанным Федеральным законом; главы иностранных государств и правительств и иные лица иностранных государств во время пребывания на территории Российской Федерации [10].

При проведении международных конференций и переговоров по поводу заключения договоров о борьбе с транснациональной преступностью безопасность участников данных конференций и участников данных переговоров обеспечивается временными службами безопасности, которые, как и службы безопасности посольств, особое внимание уделяют обеспечению информационно-психологической безопасности участников конференций и участников переговоров [9].

И, наконец, пожалуй, самые сложные проблемы обеспечения эффективности нормативных и нормативно-правовых основ в обеспечении общей безопасности, включая информационно-психологическую, деятельности учредителей, руководителей и сотрудников ФАТФ и подобных этой национально-международной специальной организации региональных органов, основной задачей которых является противодействие отмыванию преступных доходов, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения [13], но эти структуры заслуживают отдельного исследования.

Литература

1. *Казьмин, А.* Теория интеллекта. Как выбрать президента [Текст] / А. Казьмин. – Москва : «СиДиПресс», 2001.

2. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов. Принята резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1973 года (Нью-Йорк, 14 декабря 1973 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml (дата обращения: 31.05.2022).

3. *Ляхов, Е. Г.* Ответственность государств за международный терроризм [Текст] / Е. Г. Ляхов // Юридическая ответственность в советском обществе. Труды Высшей следственной школы МВД СССР. – Волгоград, 1971. – С. 149–164.

4. *Ляхов, Е. Г.* Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом [Текст] / Е. Г. Ляхов. – Москва : Международные отношения, 1979. – 168 с.

5. *Ляхов, Е. Г.* Терроризм: национальный, региональный и международный контроль [Текст] : монография / Е. Г. Ляхов, А. В. Попов. – Москва ; Ростов-на-Дону, 1999. – 437 с.

6. *Ляхов, Е. Г.* Транснациональная преступность в глобализирующемся мире [Текст] / Е. Г. Ляхов, М. М. Алексеева // Публичное и частное право. – 2011. – IV (XII). – С. 32–35.

7. *Ляхов, Е. Г.* Понятие и место транснациональной преступности среди международных и национальных преступлений [Текст] / Е. Г. Ляхов, Д. Е. Ляхов // Публичное и частное право. – 2011. – III (XI). – С. 35–45.

8. *Ляхов, Е. Г.* Безопасность государства и Мирового сообщества: теоретико-правовая формула обеспечения

в XXI веке [Текст] : монография / Е. Г. Ляхов, Д. Е. Ляхов, А. А. Алимов. – Челябинск, 2015. – 302 с.

9. *Ляхов, Е. Г.* Информационно-психологические угрозы субъектам международного противодействия преступности: проблема контроля [Текст] / Е. Г. Ляхов, В. О. Бояринова // Публичное и частное право. – 2011. – № 4(12). – С. 120–127.

10. О государственной охране [Текст] : федеральный закон от 27.05.1996 №57-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 27.05.1996. – № 22. – Ст. 2594.

11. О противодействии терроризму [Текст] : федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 06.03.2006. – № 11. – Ст. 1146.

12. Российская газета. – 2009. – 2 дек.

13. Mandate Declaration of the Ministers of the Financial Action Task Force [Text]. – 12 April 2019. – Washington, DC. – 15 p.

References

1. *Kazmin, A.* Theory of intelligence. How to choose a president [Text] / A. Kazmin. – Moscow : SiDiPress, 2001 [in Russian].

2. Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents. Adopted by resolution 3166 (XXVIII-th) of the UN General Assembly on December 14, 1973 (New York, December 14, 1973) [Electronic resource] // UN official website. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml (date of application: 31.05.2022) [in Russian].

3. *Lyakhov, E. G.* Responsibility of States for international terrorism [Text] / E. G. Lyakhov // Legal responsibility in Soviet society. Proceedings of the Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. – Volgograd, 1971. – P. 149–164 [in Russian].

4. *Lyakhov, E. G.* Problems of cooperation of states in the fight against international terrorism [Text] / E. G. Lyakhov. – Moscow : International Relations, 1979. – 168 p. [in Russian].

5. *Lyakhov, E. G.* Terrorism: national, regional and international control [Text] : monograph / E. G. Lyakhov, A.V. Popov. – Moscow ; Rostov-on-Don, 1999. – 437 p. [in Russian].

6. *Lyakhov, E. G.* Transnational crime in a globalizing world [Text] / E. G. Lyakhov, M. M. Alekseeva // Public and private law. – 2011. – IV (XII). – P. 32–35 [in Russian].

7. *Lyakhov, E. G.* The concept and place of transnational crime among international and national crimes [Text] / E. G. Lyakhov, D. E. Lyakhov // Public and private law. – 2011. – III (XI). – P. 35–45 [in Russian].

8. *Lyakhov, E. G.* Security of the state and the World community: a theoretical and legal formula for ensuring in the XXI century [Text] : monograph / E. G. Lyakhov, D. E. Lyakhov, A. A. Alimov. – Chelyabinsk, 2015. – 302 p. [in Russian].

9. *Lyakhov, E. G.* Informational and psychological threats to the subjects of international counteraction to crime: the problem of control [Text] / E. G. Lyakhov, V. O. Boyarinova // Public and private law. – 2011. – № 4(12). – P. 120–127 [in Russian].

10. On State protection [Text] : Federal Law dated 27.05.1996 No. 57-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 27.05.1996. – No. 22. – Article 2594.11 [in Russian].

11. On countering terrorism [Text] : Federal Law of 06.03.2006 No. 35-FZ (latest edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 06.03.2006. – No. 11. – St. 1146.

12. Rossiyskaya Gazeta. – 2009. – 2 Dec. [in Russian].

13. Declaration on the ministerial mandate of the Financial Action Task Force [Text]. – April 12, 2019. – Washington, DC. – 15 p. [in English].

Поступила в редакцию 30.09.2022
Received September 30, 2022

УДК 341.1/8
DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-13

Якушева Регина Расимовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119234, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1,
email: iakusheva.regina@gmail.com

Yakusheva, Regina R.,
PhD in Law, Associate Professor at the Department of International Law, Faculty of Law, the M. V. Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory Str., Moscow,
119234, Russian Federation,
email: iakusheva.regina@gmail.com

Агапова Мария Романовна,
магистрант программы «Международное экономическое (коммерческое) право», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119234, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1,
email: mariiagapovaa@yandex.ru

Agapova, Maria R.,
Master's Student of the International Economic (Commercial) Law Programme, the M. V. Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory Str., Moscow,
119234, Russian Federation,
email: mariiagapovaa@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЕЕ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ

♦

COMMERCIALIZATION OF SPACE ACTIVITIES: INTERNATIONAL-LAW ASPECTS

АННОТАЦИЯ. Активно обсуждаемая сегодня международным сообществом концепция «Нового космоса», предусматривающая его коммерциализацию и популяризацию, порождает ряд правовых проблем в использовании космического пространства. В статье рассмотрены такие проблемы, как присвоение космического пространства и небесных тел, загрязнение космоса и космический туризм, а также предложены соответствующие возможные варианты их урегулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное космическое право; международный договор; коммерциализация космической деятельности; космические ресурсы; космический мусор; космической туризм.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Якушева, Р. Р. **Проблемы международно-правового регулирования космической деятельности в условиях ее коммерциализации [Текст] / Р. Р. Якушева, М. Р. Агапова // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 97–106. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-13.**

ABSTRACT. Today, the international community actively discusses the concept of the 'New Space', providing for commercialization and popularization of the space activities, raises several legal problems related to the use of the outer space. The article discusses such legal problems as the appropriation of the outer space and celestial bodies, space pollution and space tourism. The authors propose possible relevant variants of solutions to each of these issues.

KEYWORDS: international space law; international treaty; commercialization of space activities; space resources; space debris; space tourism.

FOR CITATION:

Yakusheva, R. R. Commercialization of Space Activities: International-Law Aspects [Text] / R. R. Yakusheva, M. R. Agapova. ***Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.*** **– 2022. – Vol. 9, No. 4. – P. 97–106 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-13.**

© Р. Р. Якушева, М. Р. Агапова, 2022

Еще полвека назад космическая отрасль виделась исключительно как площадка политического, технологического и военного противостояния СССР и США, однако сегодня космос, несмотря на продолжающийся процесс его милитаризации, становится пространством для развития мировой науки и экономики для все большего числа стран, причем не только за счет государственного финансирования, но и частных инвестиций. К 2022 году 90 государств приняли участие в различной космической деятельности, а объем частного сектора космической отрасли превысил 80 % [26].

В юридической энциклопедии коммерциализация определяется следующим образом: 1) подчинение деятельности целям извлечения прибыли; 2) расширение количества коммерческих организаций; 3) один из этапов приватизации государственных предприятий [4]. В международной практике нет единого понимания коммерциализации, однако, как правило, она выражается в форме государственно-частного партнерства и теоретически должна представлять собой не только привлечение частных инвестиций для реализации государственных космических проектов, но и предоставление свободы экономической деятельности, в том числе на льготных условиях («либерализация»), и передачу технического ресурса частным компаниям («приватизация»).

Данная тенденция развития космической отрасли отразилась в широко обсуждаемой в мировом сообществе концепции «Нового космоса», представляющей собой экономический путь коммерциализации космической деятельности при ее удешевлении и доступности космических товаров и услуг в будущем, а также философию популяризации и открытости космоса для всего человечества [24].

Данный подход имеет право на существование исключительно в условиях его соответствия существующим нормам международного космического права (МКП), например, таким как запрещение национального присвоения космического пространства и небесных тел, международная ответственность государств за ущерб, причиненный космическими объектами.

Вместе с тем многие нормы МКП были созданы в 60–70-е гг. прошлого столетия, когда технический потенциал государств был невелик, а о том, что коммерческие компании будут создавать реальную конкуренцию государствам, даже не было и речи. В связи с этим возникает необходимость и в новом подходе к международно-правовому регулированию, заключающемуся в создании правовых норм, посвященных новым видам космической деятельности.

Важность решения данной проблемы подчеркивается тем, что космическая деятельность, оказывая влияние на общество в целом, затрагивает совершенно все государства, несмотря на то что лишь некоторые из них обладают космическим потенциалом.

Коммерциализация приводит к тому, что все больше и больше государств и частных субъектов участвуют в «использовании» космоса, вследствие чего возрастает число и продолжительность космических полетов, увеличивается количество космических объектов и время их нахождения в космическом пространстве, появляются новые виды космической деятельности. В результате этого возникает ряд правовых проблем, ответы на которые прямо не даны в МКП. В настоящей работе хотелось бы обратить внимание на некоторые из них: возникновение права собственности на космическое пространство, небесные тела и космические ресурсы, борьба с космическим мусором, неопределенность статуса космических туристов.

Буквально за последние пару лет космические державы (США, Россия, Китай) приняли решение о возобновлении программ по освоению Луны. Это связано в первую очередь со стремлением исследования и открытия предположительно находящихся на Луне полезных ископаемых,таких, как вода, водород.

В 2015 году Соединенные Штаты Америки приняли закон, позволяющий резидентам США проводить разведку и добычу космических ресурсов и ресурсов астероидов и приобретать права на результаты такой коммерческой деятельности [28] частными и государственными юридическими лицами, не распространяя при этом юрисдикцию США на небесные тела и не приобретая права собственности на них (§ 51303 sec. 403 Закона). Следом за США в 2017 году Люксембургом был принят аналогичный нормативно-правовой акт [23], который дает право добывать и присваивать космические ресурсы юридическим ли-

цам, зарегистрированным в Люксембурге или имеющим в нем головной офис (статьи 1er, 2, 4 Закона). Некоторые правоведы усматривают в данном законе поощрение недобросовестной налоговой конкуренции, а также несправедливое перераспределение прибыли от добытых в космосе ресурсов [15, с. 255].

Вопросы разведки, добычи и приобретения права собственности на космические ресурсы частными лицами в коммерческих целях также затрагиваются в национальных законах Объединенных Арабских Эмиратов (п.(i) и (j) ст. 4, ст. 18) [20] и Японии (ст. 5, ст. 7, ст. 8) [27].

Нельзя не обратить внимание на явное противоречие данных законодательных актов ключевому принципу международного космического права (МКП) о запрете национального присвоения космического пространства, Луны и небесных тел, закрепленного в ст. II Договора по космосу 1967 г. [2]. США и Люксембург отрицают нарушение данного принципа, ссылаясь на узкое толкование ст. II, в которой ресурсы не упоминаются, а следовательно, их присвоение не может быть запрещено при свободном доступе во все районы небесных тел (ч. 2 ст. I Договора). Так, формально национальные законы не противоречат букве, но не духу и смыслу договоров по космосу, отстаивающих исследование и использование космического пространства в качестве достояния человечества.

Единственным нормативно-правовым актом, содержащим запрет права собственности на поверхности, недра и природные ресурсы Луны, является Соглашение о Луне [10], в частности, ст. 11, которое не ратифицировано основными космическими державами, поэтому не имеет в отношении них юридической силы. Такая ситуация провоцирует научную дискуссию об установлении статуса космических ресурсов [18], в которой одна группа ученых придерживаются широкого толкования ст. II Договора по космосу, понимая космические ресурсы как части небесных тел и распространяя на них действие принципов МКП[1], другая группа, например, немецких ученых, допускает присвоение только в отношении ресурсов stricto sensu, то есть добытых на небесных телах, но не в отношении солнечной энергии и радиочастотного спектра [25; 30].

[1] Данной точки зрения придерживаются и эксперты «Роскосмоса» – см.: [5].

Последняя точка зрения, по мнению автора, не обоснована в связи с отсутствием весомых аргументов для деления космических ресурсов в данном случае на виды, так как при запрете установления права собственности на неисчерпаемые ресурсы (радиочастотный спектр, орбитальные слоты) нелогично было бы его приобретать на исчерпаемые ресурсы (лунный лед, металлы на астероидах). Кроме того, статья II Договора о космосе применима и к радиоспектру, используемому всеми государствами (п. 196 ст. 44 Устава Международного союза электросвязи) [14], ведь в данном случае нельзя провести четкую грань между космосом как пространством и космосом как ресурсом.

Так, если раньше рассматривалось лишь право собственности на «упавшие на Землю» из космоса природные космические объекты, то сейчас стоит вопрос о присвоении того, что будет добыто «из недр» природных космических объектов. Исходя из непосредственной связи ресурсов с поверхностью или недрами небесных тел добычу ресурсов следует рассматривать как использование космического пространства в самом широком смысле, и данное использование, наряду с оккупацией и провозглашением суверенитета, не может являться основаниями для национального присвоения ни самих небесных тел, ни их ресурсов.

Последнее, однако, можно было бы считать правомерным в рамках доктрины открытия (discovery doctrine), согласно которой государство, открывшее какую-либо «ничейную» землю, получает право собственности на эту территорию, даже при проживании на ней коренного населения. Данной теорией бывшие метрополии успешно оправдывали свои колониальные завоевания. В этой связи можно обратить внимание на решение Постоянной палаты международного правосудия 1933 года по делу, касающемуся правового статуса восточной Гренландии [22]. Во-первых, суд разъяснил, что владение территорией, ранее не принадлежащей ни захватившему государству, ни любому другому государству, должно считаться оккупацией, во-вторых, оккупация «ничейной земли» (terra nullius) может служить способом приобретения территориального суверенитета над ней, но не в том случае, когда государство приняло на себя международно-правовые обязательства эту территорию не оккупировать.

Если вышеизложенную концепцию применять к космическому пространству, то тогда космос, Луна и все небесные тела должны пониматься в качестве terra nullius, а воплощением международного обязательства не оккупировать их является Договор по космосу и Соглашение о Луне. Однако термин terra nullius был заменен в доктрине понятием res communis (международная территория общего пользования, означающая свободу использования и исследования всеми государствами при запрете распространения национального суверенитета) [1, с. 403–405], который в свою очередь развился в концепции «общего наследия человечества» в отношении Луны и космических ресурсов (п. 1 ст. 11 Соглашения о Луне).

В решении проблемы неопределенности использования космических ресурсов при нормативно-правовом регулировании следует обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, важно отстаивать идею «общего наследия человечества», где, помимо невозможности распространения суверенитета государств на космическое пространство и космические ресурсы, должен делаться акцент на необходимости сохранения космоса для будущих поколений.

Международно-правовой режим космического пространства в большей степени похож на режим открытого моря, предполагающий нераспространение суверенитета государств на морское пространство (ст. 89 Конвенции по морскому праву 1982 г.) при запрете определенных видов деятельности [7]. Однако в вопросе минеральных ресурсов параллель лучше провести с Районом морского дна, который вместе с его ресурсами объявлен «общим наследием человечества» с невозможностью провозглашения суверенных прав ни на части Района, ни на ресурсы, ни на добываемые полезные ископаемые (ст. 136, ст. 137 Конвенции 1982 г.). В МКП данная концепция закреплена схожим образом, но не идентично: без раскрытия вопросов прав на ресурсы и полезные ископаемые.

Если в отношении Района можно говорить об успешной реализации концепции «общего наследия человечества» Международным органом по морскому дну, то в отношении космических небесных тел и ресурсов есть основания полагать, что практика некоторых государств пойдет по обратному пути, и под понятие «общего наследия» в космическом праве не будут подпадать полезные ископаемые, извлеченные из небесных тел, а также выгода от их реализации.

Подобная практика государств чревата ее превращением в обыкновение, а затем и в обычай международного космического права.

В идеале концепция должна ограничивать деятельность по поиску, разведке и разработке космических ресурсов исключительно целями научных исследований и расширения возможностей космических перевозок, реализовываться исходя из принципов, закрепленных в п. 7 ст. 11 Соглашения о Луне. Важно заметить, что распределение доходов от реализации космических ресурсов не предполагается равным, но должно зависеть от вклада государства в связанную с ресурсами деятельность (п. п.(d) п. 7).

Во-вторых, необходимо дать определение космическим ресурсам и ресурсам на астероидах исходя из соответствия ресурсов выделяемым как в международном, так и в национальном законодательстве [9] признакам физической доступности и стратегической ценности, имея в виду, что запасы воды на Луне также являются невозобновляемым минеральным ресурсом, который не должен использоваться для удовлетворения потребностей человечества на Земле [19].

В-третьих, базируясь на п. 5 и 6 ст. 11 Соглашения о Луне, возможно создание органа, контролирующего процесс добычи космических ресурсов государствами и их юридическими лицами и обеспечивающего обмен информацией о планируемых экспедициях и научных работах.

Воплотить вышеизложенные идеи можно было бы через создание нового договора о Луне, но вряд ли подобный «ребрендинг» прошел бы удачно. Наиболее эффективным видится вариант создания международного соглашения между лидирующими космическими державами с правом присоединения к нему остальных государств, наподобие Соглашения о космической станции [12] и двусторонних договоров между участниками для подробного закрепления прав и обязанностей каждой из сторон в вопросе добычи и использования ресурсов [3; 15, с. 159].

Вторая актуальная на сегодняшний день проблема – это отсутствие каких-либо международно-правовых механизмов предупреждения образования космического мусора и борьбы с ним. Остатки расколовшихся спутников и космических станций составляют основную массу мусора, осколки которого при столкновении друг с другом распадаются на множество мелких частиц, что представляет собой опасность повреждения работающих космических объектов и затрудняет осуществление космических полетов. В ситуации расширения частной космической деятельности проблема становится все более острой.

В нормах МКП не дается определение космического мусора, о нем также нет единого понимания в доктрине. Государства сохраняют юрисдикцию и контроль над космическими объектами, запущенными в космическое пространство (ст. 8 Договора по космосу 1967 г.), а также на их составные части, вне зависимости от того функционируют они или нет. Согласно ст. 1 (d) Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., сам космический объект включает в себя составные части космического объекта, а также средство его доставки и его части [6]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что космический мусор следует относить к космическим объектам, если быть точнее, к их составным частям, на которые также должна распространяться юрисдикция государств.

Основа нормативно-правового регулирования данного вопроса ограничивается требованием ст. 9 Договора по космосу осуществлять изучение и исследование космического пространства, Луны и других небесных тел, избегая их вредного загрязнения, а также неблагоприятных изменений земной среды вследствие доставки внеземного вещества, и с этой целью в случае необходимости принимать соответствующие меры и ст. 7 Соглашения о Луне, уточняющей вышеизложенную обязанность государств. Обе нормы используют термин «вредоносное загрязнение», под которым теоретически можно понимать как сам космический мусор, так и иное биологическое и радиоактивное загрязнение.

Кроме того, если нормы договоров толковать расширительно, то государства имеют и обязательство уменьшать количество создаваемого ими мусора и удалять его для обеспечения исследования и использования космоса с наименьшим ущербом в равной степени для всех государств [8, с. 23]. Очевидно, что ответственность эта должна лежать на тех государствах, которые непосредственно участвуют в освоении космоса и чьи космические объекты оставляют космический мусор.

Некоторые юристы предлагают отличать нефункционирующие искусственные объекты, являющиеся «мусором», от которого космос подлежит экологической защите, от объектов культурного наследия, представляющих историческую ценность [29].

Данная дискуссия не лишена смысла, так как, во-первых, ученые всерьез заявляют о том, что археологически значимые объекты (части известных космических кораблей, органических веществ, оставленных в космосе) помогут изучить и лучше понять историю развития человечества и предсказать будущее космических полетов, а во-вторых, несколько американских штатов уже занесли некоторые космические объекты (части космической станции «Аполлон», оставшиеся на Луне) в свои реестры объектов культурного наследия. Если штаты начнут отстаивать свой суверенитет на какие-то неотделимые от небесных тел объекты (например, отпечаток ноги Нила Армстронга), это войдет в противоречие с принципом запрещения национального присвоения космического пространства и небесных тел и спровоцирует также конфликт с теми государствами, которые заинтересованы в удалении останков космических объектов с поверхности Луны.

При этом остается существенном тот факт, что, выделяя среди объектов космического мусора объекты культурного наследия, не решается вопрос его бесконтрольного нахождения в космическом пространстве, а как следствие, и высокого риска причинения вреда другим космическим объектам.

Второй аспект регулирования борьбы с космическим мусором – экологический. На первый взгляд, экономический интерес участвующих в исследовании космоса государств полностью противоречит экологическим целям, так как предполагает увеличение числа и дальности космических полетов, освоение небесных тел, разведку и добычу космических ресурсов – все

то, что так или иначе ведет к загрязнению космического пространства. Однако же борьба с мусором и очищение космического пространства будут прямо способствовать достижению экономических целей посредством снижения опасности повреждения космических объектов и упрощения полетов. В данном случае нормы международного экономического, космического и экологического права должны действовать в совокупности и в тесной взаимосвязи друг с другом, ведь они имеют общую цель обеспечения рационального освоения небесных тел и космических ресурсов и их дальнейшего использования в человеческой деятельности.

Решением проблемы космического мусора могло бы стать соглашение об охране окружающей среды в космическом пространстве (при условии присоединения к нему космических держав), которое включило бы космическое пространство в предмет охраны международного экологического права. В договоре также необходимо будет определить и раскрыть принципы экологического права, на которых будет основываться деятельность государств в космосе (например, положения ст. I и ст. IX Договора по космосу, принципы Стокгольмской декларации 1972 г., принципы, выведенные судами по делам «О проливе Корфу» и «Трейл Смелтер», положения Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. и т. д.); установить критерии разграничения мусора от объектов культурного наследия; перечислить возможные сегодня[1] и в будущем способы очистки мусора; установить обязанность для государств проводить экспертизу космической техники и проектов на соответствие экологическим требованиям. Более предметное обсуждение прав и обязанностей государств по предотвращению и уборке мусора, а также по защите объектов культурного наследия должно переместиться в плоскость двусторонних договоров космических держав.

Третья рассматриваемая проблема – это отсутствие норм, регулирующих космический туризм и неопределенный статус космических туристов. Туризму не посвящены отдельные специальные нормы МКП, в связи с чем их правовой статус идентичен правовому статусу профессиональных космонавтов. Согласно ч. 1 ст. 10 Соглашения о Луне, космических туристов нужно рассматривать в качестве либо космонавтов, либо членов экипажа, что видится не совсем верным, потому что туристы по целям и функциям своей деятельности не являются ни космонавтами, ни экипажем, так как не имеют ни научно-исследовательской, ни технической миссии [21]. Вместе с тем космический турист не может быть освобожден от обязанности выполнять указания командира экипажа, а государство – от международной ответственности за ущерб, причиняемый космическим объектом, в том числе с туристами на борту.

Международный договор, заключенный между государствами по космическому туризму, мог бы стать решением проблем. Необходимо выделить туризм в отдельный институт МКП и закрепить определение «космического туризма» и «космического туриста», акцентируя внимание на коммерческом и развлекательном характере деятельности. Статус туристов следует приблизить к «участникам космического полета» (ст. 3(b) (17) Закона США 2004 г.) [17], отделив их тем самым от космонавтов и экипажа космического корабля, но сохранив при этом обязанность для государств оказывать помощь и спасение в чрезвычайных ситуациях, то есть применять правила ст. V Договора по космосу и Соглашение о спасании космонавтов [11].

Предполагается, что с момента масштабной реализации полетов туристов в космическое пространство откроется еще больший пласт правовых проблем, требующих решения на международно-правовом уровне, а негативные последствия от отсутствия правового регулирования обозначенного вида деятельности станут еще более очевидны.

Вопросы лицензирования, страхования, подготовки космических туристов, а также ответственности операторов перед своими клиентами должны быть решены на государственном уровне путем принятия специальных национальных законов. Международные стандарты и требования по названым аспектам следует регламентировать на уровне многосто-

[1] Например, существуют следующие способы борьбы с мусором: экологический мониторинг околоземного пространства, перемещение объектов на «кладбищенские орбиты», очистка с помощью лазера, сбивание с курса с целью сгорания в атмосфере, переработка мусора и т. д.

роннего договора частных операторов коммерческих полетов, а в межправительственных актах и актах международных организаций надо отразить лишь рамочные нормы и принципы.

Таким образом, как бы стремительно ни происходили процессы коммерциализации и «скатывания» космической деятельности в частные отношения, публичное международное регулирование не должно полностью уходить на второй план, ведь именно правильный наднациональный контроль сможет обеспечить мирное и безопасное освоение космоса человечеством.

Организация Объединенных Наций потенциально может рассматриваться как площадка для разработки, если не правой регламентации, то хотя бы возможных подходов к пониманию и решению вышеизложенных проблем, что имеет перспективу стать своеобразным препятствием для космических держав, желающих реализовывать космическую деятельность в обход принципам и нормам МКП.

Для России реализация вышеизложенных соглашений возможна в рамках сотрудничества с такими крупными «игроками», как Китай и Индия, активно развивающими свои космические программы. Реализация совместных космических проектов естественным образом ставит вопрос предупреждения появления и уборки космического мусора и возможной организации туристических космических полетов.

Кроме того, не исключено заключение договора, аналогичного Соглашению Артемиды 2020 г. [13], устанавливающего международно-правовой режим «эксплуатации космических ресурсов», как это предусматривается Соглашением о Луне (п. 5 ст. 11), к которому на сегодняшний день присоединились Турция, Армения, Казахстан и с текстом которого согласилась Индия [16].

Договоры с ограниченным количеством участников, безусловно, не могут в полной степени заменить универсальное международно-правовое регулирование, однако в современных реалиях о выработке последнего речь идти пока что не может.

Вместе с тем после практической реализации соответствующих видов космической деятельности новые вызовы международного космического права будут стоять еще более остро, поэтому важно сегодня сформировать некое единое международное мнение, общую стратегию по данным вопросам, чтобы впоследствии процесс достижения консенсуса по поводу правового регулирования того или иного использования космоса не остался «воздушным замком», а реализовался на практике.

Литература

1. *Валеев Р. М.* Международное право. Особенная часть [Текст] : учебник / Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. – Москва : Статут, 2010. – 624 с.

2. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела [рус., англ.] (Подписан в г. г. Вашингтоне, Лондоне, Москве 27.01.1967) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/2540462/?ysclid=l7p9gl99lk206963662 (дата обращения: 20.08.2022).

3. *Исполинов, А.* Соглашение Артемиды: американская модель регулирования добычи ресурсов космоса выходит на орбиту [Электронный ресурс] / А. Исполинов // Закон.ру. – 16.10.2020. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/16/soglashenie_artemidy_amerikanskaya_model_regulirovaniya_dobychi_resursov_kosmosa_vyhodit_na_orbitu (дата обращения: 17.08.2022).

4. Коммерциализация // Академик.ру. Юридическая энциклопедия. – URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/4428/КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ (дата обращения 20.08.2022).

5. «Компрометирует принцип международного права»: «Роскосмос» – о законе Люксембурга о добыче ресурсов в космосе частниками [Электронный ресурс] // RT на русском. – 05.10.2017. – URL: https://russian.rt.com/science/article/436642-roskosmos-iskopaemye-kosmos-lyuksemburg (дата обращения: 20.08.2022).

6. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами [рус., англ.] (Подписана в г. Москве, Лондоне, Вашингтоне 29.08.1972) // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/2540324/?ysclid=l62cca6rim220594633 (дата обращения: 21.08.2022).

7. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (Заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/?ysclid=l8ahthhdwn20792796 (дата обращения: 20.08.2022).

8. *Косенков, И. А.* Международно-правовой режим борьбы с засорением космического пространства [Текст] / И. А. Косенков, И. Ю. Штодина // Московский журнал международного права. – 2016. – № 1. – С. 19–34.

9. Об охране окружающей среды : федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=l62dnts6f1910423442 (дата обращения: 22.08.2022).

10. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (Принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1979 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml#a3 (дата обращения: 20.08.2022).

11. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (Принято резолюцией 2345 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 19.12.1967) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml (дата обращения: 20.08.2022).

12. Соглашение… относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения (Вашингтон, 29.01.1998) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/2541609 (дата обращения: 19.08.2022).

13. Соглашение «Артемиды» от 13 октября 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт НАСА. – URL: https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Translated-Versions-of-the-Accords.pdf (дата обращения: 23.08.2022).

14. Устав Международного союза электросвязи (принят в г. Женеве 22.12.1992) (с изм. от 06.11.1998) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121451/?ysclid=l62c60dlps864588660 (дата обращения: 19.08.2022).

15. *Хаванова, И. А.* Предчувствие космоса: сопряжение международно-правового и национально-правового регулирования [Текст] / И. А. Хаванова, О. И. Сакаева, А. Л. Макарова // Журнал российского права. – 2018. – № 3(255). – С. 154–161.

16. Agreement governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies. United Nations Treaty Collection [Electronic resource] // URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXIV-2&chapter=24&clang=_en (date of application: 21.08.2022).

17. Commercial Space Launch Amendments Act 2004 [Electronic resource] // Official website of the US Congress. – URL: https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-bill/3752/text (date of application: 18.08.2022).

18. *De Man, Ph.* The Commercial Exploitation of Outer Space and Celestial Bodies – A Functional Solution to the Natural Resource Challenge [Text] / Ph. De Man // New Perspectives on Space Law. Proceedings of the 53rd IISL Colloquium on The Law of Outer Space. 2011. – International Institute of Space Law. – P. 43–70.

19. *Easterson, J.* You can Lead an Astronaut to Water…: Prospects for Legal Use and Water Rights on the Moon and Other Celestial Bodies [Text] / J. Easterson // New Perspectives on Space Law. Proceedings of the 53rd IISL Colloquium on The Law of Outer Space. – 2011. – International Institute of Space Law. – P. 84–105.

20. Federal Law of the United Arab Emirates No.12 of 2019 on the Regulation of Space Sector [Electronic resource] // The official website of the UAE Ministry of Justice. – URL: https://www.moj.gov.ae/assets/2020/Federal%20Law%20No%2012%20of%202019%20on%20THE%20REGULATION%20OF%20THE%20SPACE%20SECTOR.pdf.aspx (date of application: 13.08.2022).

21. *Freeland, S.* Fly Me to the Moon: How will International Law Cope with Commercial Space Tourism? [Text] / S. Freeland // Melbourne Journal of International Law. – 2010. – Vol. 11. – P. 14–16.

22. Legal Status of Eastern Greenland (Den. v. Nor.), 1933 P.C.I.J. (ser A/B) No. 53 (Apr. 5) Publications of the Permanent Court of International Justice Series A./B.; Collection of Judgements, Orders and Advisory Opinions A.W. Sijthoff's Publishing Company, Leyden, 1993 [Electronic resource] // WorldCourts: International Case Law Database (Judgments, Advisory Opinions, Views & Decisions). – URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1933/1933.04.05_greenland.htm (date of application: 30.08.2022).

23. Loi du 20 juillet 2017 sur l'exploration et l'utilisation des ressources de l'espace [Ressource électronique] // URL: http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo (date de la requête: 18.08.2022).

24. *Orlova, A.* The Present and Future of the Space Sector: A Business Ecosystem Approach [Text] / A. Orlova, R. Nogueira, P. Chimenti // Space Policy. – 2020. – No. 52. – DOI: 10.1016/j.spacepol.2020.101374.

25. *Pritzsche, K. U.* Natürliche Ressourcen im Weltraum – das Recht ihrer wirtschaftlichen Nutzung [Text] / K. U. Pritzsche. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1989. P. 89–91.

26. State of Space 2022: Industry Enters 'Era of Access and Opportunity' [Electronic resource] // The Space Report Online. – URL: https://www.thespacereport.org/uncategorized/state-of-space-2022-industry-enters-era-of-access-and-opportunity (date of application: 17.08.2022).

27. The Act on the Promotion of Business Activities Related to the Exploration and Development of Space Resources on 16 June 2021 of Japan [Electronic resource] // URL: https://kanpou.npb.go.jp/old/20210623/20210623g00141/20210623g001410004f.html (date of application: 13.08.2022).

28. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act 2015 [Electronic resource] // Official website of the US Congress. – URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262 (date of application: 18.08.2022).

29. *Viggiano, D. N.* One Man's Space Junk is Another Man's Archaeological Treasure: The Potential for Conflict and Compromise in the Emerging Fields of Environmental and Historic Preservation Law in Outer Space [Text] / D. N. Viggiano // International Institute of Space Law. – 2011. – P. 202–222.

30. *Will, M.* Solar power satellites und Völkerrecht : völkerrechtliche Aspekte von Großprojekten zur Energiegewinnung aus Weltraumressourcen (Solar power satellites, lunar power systems, Helium-3-Projekt) [Text] : Dissertation / M. Will. – Stuttgart : Boorberg, 2000. – P. 142–143.

References

1. *Valeev R. M.* International law. Special part [Text] : textbook / R. M. Valeev, G. I. Kurdyukov. – Moscow : Statute Publ., 2010. – 624 p. [in Russian].

2. The Treaty on the Principles of the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies [Rus., Eng.] (Signed in Washington, London, Moscow 27.01.1967) [Electronic resource] // Legal reference system "Garant". – URL: https://base.garant.ru/2540462/?ysclid=l7p9gl99lk206963662 (date of application: 20.08.2022) [in Russian].

3. *Ispolinov, A.* Artemis Agreement: the American model of regulating the extraction of space resources goes into orbit [Electronic resource] / A. Ispolinov // Zakon.ru. – 16.10.2020 – URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/16/soglashenie_artemidy_amerikanskaya_model_regulirovaniya_dobychi_resursov_kosmosa_vyhodit_na_orbitu (date of application: 17.08.2022) [in Russian].

4. Commercialization // Academic.ru. Legal encyclopedia. – URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/4428/КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ (date of application: 20.08.2022) [in Russian].

5. "Compromises the principle of international law": Roscosmos – on the Luxembourg law on the extraction of resources in space by private owners [Electronic resource] // RT in Russian. – 05.10.2017. – URL: https://russian.rt.com/science/article/436642-roskosmos-iskopaemye-kosmos-lyuksemburg (date of application: 20.08.2022) [in Russian].

6. Convention on International Liability for Damage Caused by Space Objects [Rus., Eng.] (Signed in Moscow, London, Washington on 29.08.1972) // Legal reference system "Garant". – URL: https://base.garant.ru/2540324/?ysclid=l62cca6rim220594633 (date of application: 21.08.2022) [in Russian].

7. United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) (Concluded in Montego Bay on 10.12.1982) (with amendments, dated 23.07.1994) // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/?ysclid=l8ahthhdwn20792796 (date of application: 20.08.2022) [in Russian].

8. *Kosenkov, I. A.* International Legal Regime for Combating Space Debris [Text] / I. A. Kosenkov, I. Yu. Shtodina // Moscow Journal of International Law. – 2016. – No. 1. – P. 19–34 [in Russian].

9. On Environmental Protection : Federal Law No. 7-FZ of 10.01.2002 [Electronic resource] // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=l62dnts6f1910423442 (date of application: 22.08.2022) [in Russian].

10. Agreement on the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies (Adopted by UN General Assembly Resolution 34/68 of December 5, 1979) [Electronic resource] // UN official website. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml#a3 (date of application: 20.08.2022) [in Russian].

11. Agreement on the Rescue of Astronauts, the Return of Astronauts and the Return of Objects Launched into Outer Space (Adopted by UN General Assembly Resolution 2345 (XXII) of 19.12.1967) [Electronic resource] // UN Official website. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml (date of application: 20.08.2022) [in Russian].

12. Agreement ... on cooperation on the international space station for civil purposes (Washington, 29.01.1998) [Electronic resource] // Legal reference system "Garant". – URL: https://base.garant.ru/2541609 (date of application: 19.08.2022) [in Russian].

13. Artemis Agreement dated October 13, 2020 [Electronic resource] // Official website of NASA. – URL: https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Translated-Versions-of-the-Accords.pdf (date of application: 23.08.2022) [in Russian].

14. The Charter of the International Telecommunication Union (adopted in Geneva on 22.12.1992) (with amendments. from 06.11.1998) // Legal reference system "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121451/?ysclid=l62c60dlps864588660 (date of application: 19.08.2022) [in Russian].

15. *Khavanova, I. A.* Premonition of the cosmos: the interface of international law and national legal regulation [Text] / I. A. Khavanova, O. I. Sakaeva, A. L. Makarova // Journal of Russian Law. – 2018. – № 3(255). – P. 154–161 [in Russian].

16. Agreement governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies. United Nations Treaty Collection [Electronic resource] // URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXIV-2&chapter=24&clang=_en (date of application: 21.08.2022) [in English].

17. Commercial Space Launch Amendments Act 2004 [Electronic resource] // Official website of the US Congress. – URL: https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-bill/3752/text (date of application: 18.08.2022) [in English].

18. *De Man, Ph.* The Commercial Exploitation of Outer Space and Celestial Bodies – A Functional Solution to the Natural Resource Challenge [Text] / Ph. De Man // New Perspectives on Space Law. Proceedings of the 53rd IISL Colloquium on The Law of Outer Space. – 2011. – International Institute of Space Law. – P. 43–70 [in English].

19. *Easterson, J.* You can Lead an Astronaut to Water…: Prospects for Legal Use and Water Rights on the Moon and Other Celestial Bodies [Text] / J. Easterson // New Perspectives on Space Law. Proceedings of the 53rd IISL Colloquium on The Law of Outer Space. – 2011. – International Institute of Space Law. – P. 84–105 [in English].

20. Federal Law of the United Arab Emirates No.12 of 2019 on the Regulation of Space Sector [Electronic resource] // The official website of the UAE Ministry of Justice. – URL: https://www.moj.gov.ae/assets/2020/Federal%20Law%20No%2012%20of%202019%20on%20THE%20REGULATION%20OF%20THE%20SPACE%20SECTOR.pdf.aspx (date of application: 13.08.2022) [in English].

21. *Freeland, S.* Fly Me to the Moon: How will International Law Cope with Commercial Space Tourism? [Text] / S. Freeland // Melbourne Journal of International Law. – 2010. – Vol. 11. – P. 14–16 [in English].

22. Legal Status of Eastern Greenland (Den. v. Nor.), 1933 P.C.I.J. (ser A/B) No. 53 (Apr. 5) Publications of the Permanent Court of International Justice Series A./B.; Collection of Judgements, Orders and Advisory Opinions A.W. Sijthoff's Publishing Company, Leyden, 1993 [Electronic resource] // WorldCourts: International Case Law Database (Judgments, Advisory Opinions, Views & Decisions). – URL: http://

www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1933/1933.04.05_greenland.htm (date of application: 30.08.2022) [in English].

23. Loi du 20 juillet 2017 sur l'exploration et l'utilisation des ressources de l'espace [Ressource électronique] // URL: http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo (date de la requête: 18.08.2022) [in French].

24. *Orlova, A.* The Present and Future of the Space Sector: A Business Ecosystem Approach [Text] / A. Orlova, R. Nogueira, P. Chimenti // Space Policy. – 2020. – No. 52. – DOI: 10.1016/j.spacepol.2020.101374 [in English].

25. *Pritzsche, K. U.* Natürliche Ressourcen im Weltraum – das Recht ihrer wirtschaftlichen Nutzung [Text] / K. U. Pritzsche. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1989. P. 89–91 [in German].

26. State of Space 2022: Industry Enters 'Era of Access and Opportunity' [Electronic resource] // The Space Report Online. – URL: https://www.thespacereport.org/uncategorized/state-of-space-2022-industry-enters-era-of-access-and-opportunity (date of application: 17.08.2022) [in English].

27. The Act on the Promotion of Business Activities Related to the Exploration and Development of Space Resources on 16 June 2021 of Japan [Electronic resource] // URL: https://kanpou.npb.go.jp/old/20210623/20210623g00141/20210623g001410004f.html (date of application: 13.08.2022) [in English].

28. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act 2015 [Electronic resource] // Official website of the US Congress. – URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262 (date of application: 18.08.2022) [in English].

29. *Viggiano, D. N.* One Man's Space Junk is Another Man's Archaeological Treasure: The Potential for Conflict and Compromise in the Emerging Fields of Environmental and Historic Preservation Law in Outer Space [Text] / D. N. Viggiano // International Institute of Space Law. – 2011. – P. 202–222 [in English].

30. *Will, M.* Solar power satellites und Völkerrecht : völkerrechtliche Aspekte von Großprojekten zur Energiegewinnung aus Weltraumressourcen (Solar power satellites, lunar power systems, Helium-3-Projekt) [Text] : Dissertation / M. Will. – Stuttgart : Boorberg, 2000. – P. 142–143 [in German].

Поступила в редакцию 21.09.2022
Received September 21, 2022